МАСТЕРАПСИХОЛОГИИ

Джозеф Кэмпбелл

СИЛА МИФА

Annotation

Вы держите в руках одну из лучших книг Джозефа Кэмпбелла. В ней автор раскрывает тайны влияния мифов на современную жизнь, например, как отношения между супругами в современном браке зависят от мифа о непорочном зачатии Иисуса Христа и как это воплощено в творчестве Джона Леннона. Вы узнаете, как символы древних повествований продолжают оказывать влияние на наше современное понимание таинств рождения, смерти, любви и войны. Кэмпбелл проводит параллели между историями богов и богинь Древней Греции и Рима, традициями буддизма, индуизма и христианства, исследует широкий спектр тем, которые, вместе взятые, определяют универсальность человеческого опыта во времени и культуре. Эта книга, соединив в себе энергию мифов, сама стала явлением культуры, оказывающим глубокое влияние на нашу жизнь.

Джозеф Кэмпбелл – выдающийся ученый, писатель и педагог – оказал огромное влияние на миллионы людей, в том числе – на создателя «Звездных войн» Джорджа Лукаса.

Джозеф Кэмпбелл
Сила мифа

*** * ***

Джудит, которая долго слушала музыку

Предисловие редактора

Беседы Билла Мойерса и Джозефа Кэмпбелла проходили в 1985–1986 годах на ранчо «Скайуорд», принадлежавшем Джорджу Лукасу, а позднее – в Нью-Йорке, в Музее естественной истории. Многие из тех, кому довелось познакомиться со стенограммами этих бесед, были поражены обилием материала, вошедшего в 24-часовой фильм, бóльшая часть которого не попала в 6-серийный фильм службы телевизионного вещания PBS. Идея написания данной книги возникла из желания сделать этот материал доступным не только зрителям сериала, но и почитателям Джозефа Кэмпбелла – писателя.

Работая над этой книгой, я старалась придерживаться содержания реальной беседы и одновременно воспользоваться возможностью включить в нее дополнительный материал по вопросам, отраженным в стенограммах. Там, где это было возможно, я попыталась сохранить формат телевизионной серии. Однако книга имеет свои особенности, и ее предназначение – дополнять серии, а не копировать их. Отчасти эта книга существует потому, что идеи, обсуждаемые во время бесед, заслуживают тщательного обдумывания, а не только просмотра передачи.

Разумеется, в первую очередь эта книга существует потому, что Билл Мойерс обратился к такому сложному, фундаментальному предмету, как миф, а Джозеф Кэмпбелл отвечал на его острые вопросы с предельной искренностью человека, посвятившего всю свою жизнь исследованию мифологии. Я благодарна им обоим за возможность присутствовать при их беседах и Жаклин Кеннеди-Онассис, редактору издательства «Doubleday», чей интерес к идеям Джозефа Кэмпбелла сыграл решающую роль в том, что эта книга увидела свет. Я также благодарна Карен Борделон, Элис Фишер, Линн Коэ, Соне Хэддад, Джоан Коннер и Джону Флауэрсу за их поддержку. Особая признательность – Мэгги Кишен за многочисленные перепечатки рукописи и за ценные редакторские замечания. Не могу не выразить благодарности Джуди Доктороф, Энди Такер, Беки Берман и Джуди Сэндман за помощь в работе с рукописью. Основную работу по подбору иллюстраций выполнили Вера Ароноу, Линн Новик, Элизабет Фишер и Сара Мур с помощью Аннмари Роннберг. И Билл Мойерс, и Джозеф Кэмпбелл прочитали рукопись и сделали много полезных замечаний, и я благодарна им за то, что они не поддались искушению переписать свои ответы «книжным языком» и в книге сохранился язык

живой беседы.

Бетти Сью Флауэрс,

Университет штата Техас, г. Остин

Введение

В течение нескольких недель после смерти Джозефа Кэмпбелла я вспоминал о нем буквально на каждом шагу. Выходя с толпой пассажиров со станции метро «Times Square» и ощущая энергию этой толпы, я улыбался, вспоминая видение, которое однажды явилось здесь Кэмпбеллу: «Последняя инкарнация Эдипа, продолжающийся роман Чудовища и Красавицы, стоит в этот полдень на углу Пятой авеню и Сорок второй улицы в ожидании, когда загорится зеленый свет».

На предварительном просмотре последнего фильма Джона Хьюстона «Мертвые», снятого по рассказу Джеймса Джойса, я вновь подумал о Кэмпбелле. Одна из его первых серьезных работ была посвящена роману Джойса «Поминки по Финнегану». Кэмпбелл знал: то, что Джойс называл «могилой и постоянством» в человеческих страданиях, на самом деле – главная тема классической мифологии. «Тайная причина всех страданий, – говорил он, – заключается в том, что все мы смертны. Бренность – первейшее условие жизни. Утверждая жизнь, нельзя этого отрицать».

Однажды во время прогулки, когда темой нашей беседы было страдание, он упомянул вместе с Джойсом некоего Айгджугарджука. «Кто такой Айгджугарджук?» – спросил я, с трудом выговаривая это труднопроизносимое имя. «Ох, – ответил Кэмпбелл, – это был шаман из эскимосского племени карибу, обитающего на севере Канады. Тот самый, который сказал посетившим его европейцам, что прийти к истинной мудрости можно только через страдание. Только обездоленность и страдание делают разум восприимчивым ко всему тому, что скрыто от других». «Конечно, – сказал я. – Айгджугарджук».

Джо не обратил внимания на мое невежество. Мы остановились. Его глаза горели, и он сказал: «Вы можете представить себе вечер у костра в обществе Джойса и Айгджугарджука? Господи, как мне хотелось бы оказаться там с ними!»

Кэмпбелл скончался накануне двадцать четвертой годовщины со дня убийства Джона Ф. Кеннеди, трагедии, которую он во время нашей первой встречи, состоявшейся несколькими годами ранее, обсуждал с точки зрения мифологии. Теперь, когда снова всплыли эти грустные воспоминания, я заговорил о размышлениях Кэмпбелла, которыми он делился со своими взрослыми детьми. Например, он описывал торжественные государственные похороны как «иллюстрацию той важной роли, которую

ритуал играет в жизни общества», ибо пробуждает воспоминания о мифологических сюжетах, необходимых человеку. «Это было ритуализированное событие величайшей социальной значимости», – писал Кэмпбелл. Публичное убийство президента, «в результате которого все наше общество, живой социальный организм, к которому принадлежали и мы сами, в доли секунды оказался оторванным от привычной жизни, требовало компенсации для восстановления чувства солидарности. В течение четырех дней все граждане огромной страны, участвуя в этом символическом событии, вели себя совершенно одинаково». Ему принадлежат слова: «Это было первое и единственное подобное событие в мирное время, когда я, наблюдая за происходящим, почувствовал себя частью этого народа».

Я вспомнил эти слова и тогда, когда одному моему коллеге пришлось отвечать на вопрос о нашем сотрудничестве с Кэмпбеллом. «Зачем вам нужна мифология?» Задавшая этот вопрос дама придерживалась знакомой современной точки зрения: «все эти греческие боги и прочее» не имеют никакого отношения к сегодняшней жизни людей. Как и большинство людей, она не знала одного: обломки «прочего» выстилают изнутри нашу систему верований. Так черепки разбитой посуды тянутся вдоль места археологических раскопок. Но поскольку мы живые существа, в «прочем» заключена энергия. Ритуалы пробуждают ее. Подумайте о положении судей в нашем обществе, которое Кэмпбелл рассматривал не с социологической, а с мифологической точки зрения. Если бы судья лишь исполнял какую-то роль, он мог бы появляться в суде в сером костюме, а не в черной судейской мантии. Чтобы закон был не просто средством принуждения, власть судьи должна быть ритуализирована, мифологизирована, как и большая часть сегодняшней жизни. По мнению Кэмпбелла, от религии и войны до любви и смерти.

Уже после смерти Кэмпбелла, идя однажды утром на работу, я остановился возле соседнего видеосалона. На выставленном в окне мониторе демонстрировались кадры из фильма Джорджа Лукаса «Звездные войны». Я остановился, вспоминая то время, когда мы вместе с Кэмпбеллом смотрели этот фильм на ранчо Лукаса «Скайуорд» в Калифорнии. Лукас и Кэмпбелл подружились, и режиссер, отдавая должное заслугам ученого, пригласил его посмотреть трилогию «Звездные войны». Кэмпбелл упивался древними мифологическими темами и мотивами, представленными на широком экране с помощью новейших современных технологий. Во время этого визита, в очередной раз бурно реагируя на героизм Люка Скайуокера и на опасности, которым он

подвергался, Джо оживлялся, говоря о том, что Лукас «придал совершенно новое и мощное звучание» классической теме героя.

«В чем оно заключается?» – спросил я.

«Еще Гёте сказал об этом в „Фаусте“, но Лукас облек это в форму новой идиомы, а именно: технология не спасет нас. Компьютеры, гаджеты, машины – всего этого недостаточно. Мы должны полагаться на свою интуицию, на то, что дано нам природой».

«Разве мы тем самым не оскорбляем способность человека мыслить? – спросил я. – И разве мы уже стремительно не удаляемся от нее?»

«Дело вовсе не в этом. Герой не отрицает здравого смысла. Напротив, преодолевая негативные проявления, герой символизирует нашу способность контролировать иррационального варвара, сидящего внутри нас».

Кэмпбелл с явным сожалением привел и другие примеры нашей неспособности «признать присутствие в нас самих хищной, блудливой лихорадки», присущей человеческой природе. Теперь он описывал жизнь героя не как акт мужества, а как жизнь, проживаемую ради того, чтобы понять самого себя. «Люк Скайуокер никогда не мыслил более рационально, чем когда обнаружил в себе такие черты характера, которые позволили ему идти навстречу своей судьбе».

Как это ни парадоксально, для Кэмпбелла окончание странствия героя – вовсе не его возвеличивание. «Дело в том, – сказал он в одной из своих лекций, – чтобы не идентифицировать себя ни с чем пережитым. Индийские йоги, стремящиеся к освобождению, идентифицируют себя со Светом и никогда – с возвращением. Но ни один желающий служить другим не позволит себе подобного бегства. Конечной целью поиска не должны быть ни собственное освобождение, ни собственный экстаз, а только мудрость и способность служить другим». По словам Кэмпбелла, одно из многочисленных отличий знаменитости от героя заключается в том, что первый живет исключительно для себя, тогда как второй стремится спасти общество.

Джозеф Кэмпбелл считал, что жизнь – это приключение. «К черту все это», – сказал он, когда университетский наставник посоветовал ему заняться академической наукой. Поставив крест на докторской степени, он занялся чтением. На протяжении всей жизни он читал книги об окружающем нас мире, интересовался буквально всем: антропологией, биологией, философией, искусством, историей, религией. И никогда не переставал напоминать другим, что истинный путь в мир пролегает через печатные страницы. Через несколько дней после его смерти я получил

письмо от одной из его бывших студенток, которая сейчас помогает издавать один известный журнал. Узнав о нашей с Кэмпбеллом совместной работе, она захотела рассказать о том, как «этот ураган энергии воздействовал на интеллектуальные способности студентов, которые, затаив дыхание, сидели в аудитории колледжа Сары Лоуренс». Она писала: «Мы слушали как завороженные, но изнемогали от того, сколько нам нужно было прочитать за неделю. В конце концов одна из нас не выдержала и сказала: „Я слушаю три других курса, и все преподаватели требуют, чтобы мы читали. Разве я могу все это осилить за неделю?“ Кэмпбелл рассмеялся и ответил: „Я поражен тем, что вы попытались это сделать. В вашем распоряжении вся жизнь“». Завершала письмо такая фраза: «Я все еще читаю – передо мной пример его жизни и работы».

Его влияние можно было ощутить и на панихиде по нему, устроенной в Нью-Йорке в Музее естественной истории. Когда он впервые появился здесь ребенком, тотемные столбы и маски буквально ошеломили его. Кто их создал? Что они означают? Он начал читать все, что мог найти, об индейцах, о их мифах и легендах. К десяти годам он уже был погружен в занятия, сделавшие его одним из выдающихся знатоков мифологии в мире и одним из самых замечательных педагогов нашего времени. О нем говорили: «Он способен вдохнуть жизнь в скелеты фольклора и антропологии». Сегодня, на вечере памяти в музее, где три четверти века тому назад впервые заявило о себе его воображение, люди собрались, чтобы почтить его память. Выступал Микки Харт, барабанщик рок-группы «*Grateful Dead*», с которым Кэмпбелла связывало увлечение ударными инструментами. Роберт Блай играл на цимбалах и читал стихи, посвященные Кэмпбеллу. Выступали его бывшие студенты и друзья, которые появились у него после того, как уйдя на пенсию, он вместе со своей женой, балериной Джин Эрдман, поселился на Гавайях. На вечере были представители ведущих издательства Нью-Йорка. Одним словом, в музей пришли писатели и студенты, стар и млад – все те, для кого Кэмпбелл стал первопроходцем.

И журналисты. Я познакомился с ним восемь лет тому назад, когда по собственной инициативе пытался вдохнуть в телевидение живое дыхание нашего времени. Мы сняли на пленку две программы в музее, и его участие в их создании было столь убедительным и произвело такое впечатление, что более четырнадцати тысяч человек обратились с просьбой о стенограммах бесед. Тогда я поклялся, что снова встречусь с ним, на этот раз – для более системного и тщательного постижения его идей. Он написал и отредактировал около двадцати книг, но я воспринимал его как

учителя, прекрасно знающего мир и великолепно владеющего языком, и хотел, чтобы и другие тоже воспринимали его как учителя. В результате желание поделиться этим сокровищем в образе человека и подтолкнуло меня к созданию сериала PBS и этой книги.

Говорят, что журналисту повезло: у него есть возможность пополнять свои знания на людях. Да, мы счастливцы: мы проводим время, постоянно повышая уровень своего образования. За последнее время я ни от кого не узнал столько, сколько узнал от Кэмпбелла, а когда я сказал ему, что ответственность за то, что бы со мной ни произошло, лежит на нем, ибо я его ученик, он рассмеялся и процитировал: «Везет тому, кто верит в везение, и не везет тому, кто не верит».

Как все великие учителя, он учил на своем примере. Он никогда никого не уговаривал (разве что Джин, когда просил ее стать его женой). Он говорил мне, что священники совершают ошибку, «когда стараются уговорить людей верить. Лучше бы они своим примером доказывали значение веры». Как он демонстрировал радость жизни и познания! Мэтью Арнолд считал, что высшая критика заключается в «овладении лучшими знаниями и мыслями, существующими в мире, и в создании на их основе истинных свежих идей». Именно это Кэмпбелл и делал. Было невозможно слушать и слышать его без того, чтобы в твоем собственном сознании не ощущалось биение новой жизни, без пробуждения твоего собственного воображения.

Он был согласен с тем, что «главная идея» его работы заключалась в том, чтобы найти «то общее, что присуще всем мифам мира и указывает на постоянную потребность человеческой психики в сосредоточенности на глубоких принципах».

«Вы говорите о поиске смысла жизни?» – спросил я.

«Нет, нет, нет, – ответил он. – Я говорю об *опыте* быть живым».

Я сказал, что мифология – это внутренняя маршрутная карта опыта, созданная людьми, которые путешествовали по ней. Я подозревал, что его не устроит это прозаическое журналистское определение. Для него мифология была «песней Вселенной», «музыкой сфер», музыкой, под которую мы танцуем даже тогда, когда не можем распознать мелодию. Мы улавливаем ее повторы, «когда с холодным безразличием слушаем неразборчивое бормотание какого-нибудь конголезского знахаря, или с восторгом читаем переводы сонетов Лао-цзы, или пытаемся разобраться в аргументации Фомы Аквинского, или внезапно ухватываем ускользающий от нас смысл диковинной эскимосской сказки».

Он представлял себе, что этот огромный, неблагозвучный хор возник

тогда, когда наши далекие предки рассказывали самим себе истории о животных, убитых ими для пропитания, и о сверхъестественном мире, в который эти животные, похоже, уходят после смерти. «Где-то там», за пределами видимого существования, обитал некий «хозяин зверей», от которого зависели и жизнь, и смерть людей: если он не посылал животных обратно, чтобы их снова приносили в жертву, охотники и их близкие голодали. Эти древние общества знали, что «смысл жизни в том, чтобы убивать и есть; и это – великая тайна, с которой приходится иметь дело мифам». Охота стала ритуальным жертвоприношением, и охотники в свою очередь совершали акт примирения с отлетевшими душами животных в надежде уговорить их вернуться, чтобы снова быть принесенными в жертву. Животные воспринимались как посланцы другого мира, и Кэмпбелл предположил, что между охотником и животными, на которых он охотился, возникло «магическое, удивительное согласие», словно они были заперты в каком-то «мистическом, неподвластном времени» круговороте смерти, погребения и воскресения. Искусство первобытных людей – рисунки на стенах пещер – и устная литература дали импульс тому, что мы теперь называем религией.

По мере того как первобытные люди переходили от охоты к земледелию, истории, которые они рассказывали, чтобы объяснить тайны жизни, тоже изменялись. Теперь зерно стало магическим символом бесконечного цикла. Растение умирало, его хоронили, а его зерно рождалось вновь. Кэмпбелла восхищало, что этот символ был подхвачен всеми мировыми религиями как апокалипсис вечной правды, суть которой – от смерти происходит жизнь, или, как говорил он сам, «от жертвы – блаженство».

«Иисус был себе на уме, – говорил он. – Какую поразительную реальность он увидел в горчичном зерне!» Он нередко цитировал слова Иисуса из Евангелия от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам, до тех пор, пока пшеничное зерно не упадет в землю и не умрет, оно бесплодно; но если оно умрет, оно принесет много плодов». И далее – Коран: «Вы думаете, что войдете в Сады Блаженства без тех испытаний, которые выпали на долю тех, кто умер раньше вас?» Он «странствовал» по этой духовной литературе, даже перевел с санскрита индусские рукописи и продолжал собирать более поздние мифы, которыми он дополнял мудрость древних. Особенно ему нравилась история об одной несчастной женщине, которая пришла к индийскому святому и гуру Рамакришне со словами: «О Мастер, во мне нет любви к Богу». Он спросил ее: «Значит ли это, что ты никого не любишь?» Она ответила: «Я люблю своего маленького

племянника». И Рамакришна сказал ей: «Твоя любовь к этому ребенку и есть твоя любовь к Богу и служение Ему».

«Это и есть, – сказал Кэмпбелл, – главное послание религии: ты любишь одно из Божьих созданий…»

Будучи верующим человеком, он нашел в религиозной литературе принципы, общие для человеческой души. Но эти принципы должны быть освобождены от племенных ограничений, иначе мировые религии превратятся – как уже случилось на Ближнем Востоке и в Северной Ирландии – в источники пренебрежительного отношения и агрессии. Многочисленные изображения Бога Кэмпбелл называл «масками вечности», которые и скрывают, и обнажают «Лицо Славы». Он хотел понять, почему в разных культурах Бог носит такие разные маски и как получилось, что в столь отличных друг от друга традициях существуют сравнимые мифы: о сотворении мира, о непорочном зачатии, о инкарнациях, о смерти и воскресении, о Втором пришествии и о Судном дне. Ему нравилась фраза из индуистского священного писания: «Истина одна; мудрецы называют ее разными именами». Все наши имена и маски силурианцев[1], говорил он, означают одну и ту же реальность, которая по определению выходит за рамки языка и искусства. Миф тоже маска Бога, метафора того, что лежит за пределами видимого мира. Однако, говорил он, мистические традиции – это нечто иное: призывая нас к более глубокому осмыслению самого бытия, они говорят об одном и том же. По мнению Кэмпбелла, быть невнимательным, не осознавать происходящее, пребывать в полусонном состоянии – непростительный грех.

Я никогда не встречал никого, кто был бы лучшим рассказчиком, чем он. Слушая его рассказы о первобытных обществах, я мысленно переносился то на бескрайние равнины под небесным сводом, то в густой лес под полог могучих деревьев и начинал понимать, как голоса богов слышатся в завываниях ветра и раскатах грома, а дух Бога изливается в каждом горном потоке, и вся земля превращается в некое святое место – в царство мифического воображения. И тогда я спрашивал: что может питать наше воображение сегодня, когда модемы, лишив Землю ее тайны, произвели, по словам Сола Беллоу, «генеральную уборку»? Голливуд и телевизионные сериалы?

Кэмпбелл не был пессимистом. Он верил в существование некоей «точки мудрости, лежащей за пределами конфликтов иллюзии и правды, благодаря которой все снова встанет на место». Найти эту точку – вот «важнейший вопрос нашего времени». В последние годы жизни он стремился к новому синтезу науки и духа. «Похоже, что переход от

геоцентрического взгляда на мир к гелиоцентрическому, – писал он после высадки астронавтов на Луне, – убрал человека из центра, а центр казался таким важным. Однако духовный центр там, где прозрение. Стоишь на вершине и видишь горизонт. Стоя на Луне, ты видишь, как вращается Земля, даже если при этом ты сидишь в своей гостиной, а перед тобой – экран телевизора». Результат – беспрецедентное расширение горизонта, которое в наше время может служить точно так же, как мифология служила нашим предкам, для восприятия «нас самих и Вселенной как чуда, одновременно и ужасного, и восхитительного». Кэмпбелл утверждал, что не наука умаляет роль человека и разлучает его со Всевышним. Напротив, последние научные открытия «восстанавливают нашу связь с первобытными людьми, потому что дают нам возможность понять, что мы уши Вселенной, ее глаза, ее мышление и ее речь или, выражаясь теологическими терминами, уши Бога, глаза Бога, мышление Бога и Слово Божье». Во время нашей последней встречи я спросил его, продолжает ли он верить в то, о чем писал когда-то, а именно в то, что «сегодня мы участвуем в одном из самых значительных достижений человеческого духа на пути к познанию не только окружающей нас природы, но и нашей собственной тайны».

Немного подумав, он сказал: «Самое значительное».

Узнав о его смерти, я на какое-то время погрузился в полученную от него копию книги «*Тысячеликий герой*». Я думал о том времени, когда впервые открыл для себя мир мифического героя. Я забрел в маленькую библиотеку в моем родном городе и, перебирая книги на стеллажах, случайно вытащил книгу, открывшую мне мир чудес: Прометей, принесший людям огонь, похищенный им у богов; Ясон, победивший дракона и завладевший золотым руном; рыцари Круглого стола, которые поклялись отыскать чашу Святого Грааля. Но только познакомившись с Джозефом Кэмпбеллом, я понял, что вестерны, которые я смотрел на воскресных утренних сеансах, теснейшим образом связаны с этими древними легендами. И что истории, которые мы изучали в воскресной школе, соотносились с историями из других культур, в которых говорилось об исканиях человеческого духа, о стремлении смертных познать реальность Бога. Кэмпбелл помог мне увидеть связи, понять, как «складывается этот пазл», и не только не бояться того, что он называл «великим мультикультурным будущим», но и приветствовать его.

Разумеется, его критиковали за чрезмерное внимание к психологической интерпретации мифа, за якобы низведение современной роли мифа до идеологической или терапевтической функции. Не будучи

специалистом, я не могу участвовать в подобных дебатах и предоставляю это право другим. Похоже, критика никогда не волновала его. Он продолжал учить, помогая другим по-новому взглянуть на известные вещи.

Помимо всего прочего, он учил нас собственным примером. Говоря о том, что мифы – это ключи к разгадке нашего глубочайшего духовного потенциала, мифы могут привести нас к благодати, просветлению и даже к восторгу, он говорил как человек, побывавший в тех местах, куда он приглашал нас.

Что привлекло меня к нему?

Мудрость. Да. Он был мудрым.

И возможность учиться. Он, как немногие, знал «широкую панораму нашего прошлого». Но не только это.

Любая история – это способ рассказать ее. Он был человеком с тысячью историй. Вот одна из его самых любимых. В Японии, на международной конференции по вопросам религии, Кэмпбелл услышал, как другой американский делегат, социальный философ из Нью-Йорка, сказал синтоистскому священнику: «Мы побывали во многих ваших обителях и присутствовали на многих церемониях. Но я не понимаю вашей идеологии. Я не понимаю вашей теологии». Японец задумался, а потом медленно покачал головой. «Я думаю, у нас нет никакой идеологии, – ответил он. – У нас нет идеологии. Мы танцуем».

То же самое делал и Джозеф Кэмпбелл – он танцевал под музыку сфер.

Билл Мойерс

Глава I
Миф и современный мир

Говорят, что все люди ищут смысл жизни. Я не думаю, что на самом деле это так. На мой взгляд, мы ищем возможность быть действительно живыми, чтобы наш жизненный опыт на чисто физическом уровне резонировал с нашим внутренним «Я» и реальностью и чтобы мы испытывали восторг от того, что живем на свете.

МОЙЕРС: Почему именно мифы? Какое нам дело до них? Какое отношение они имеют к моей жизни?

КЭМПБЕЛЛ: Ответ лежит на поверхности: «Давайте, живите своей жизнью, вам хорошо живется, вам не нужна мифология». Я не верю в интерес к какому-либо предмету только потому, что он считается важным. Верю в то, что он, этот предмет, так или иначе захватил вас. Возможно, с самых первых шагов окажется, что мифология «зацепила» вас. Если такое произойдет на самом деле, что это значит для вас?

Одна из наших сегодняшних проблем заключается в том, что мы плохо знакомы с духовной литературой. Нас интересуют новости дня и сиюминутные проблемы. Когда-то университетские кампусы были своего рода абсолютно закрытыми зонами, куда новости дня не проникали и не отвлекали ваше внимание от внутренней жизни и от нашего величайшего наследия: от Платона, Конфуция, Будды, Гёте и других, которые говорили о вечных ценностях, имеющих самое непосредственное отношение к нашей жизни. В более зрелом возрасте, выполнив все свои дневные обязательства, вы обращаетесь к внутренней жизни. Если вы не знаете, как это сделать или что это такое, вы огорчаетесь. Когда-то все получали образование, составной частью которого были греческий и латинский языки и библейская литература. Теперь, когда с этим покончено, утрачена и традиционная информация о западной мифологии. Когда-то эти мифы знали все. Если ты знаешь миф, то видишь его связь с тем, что творится в твоей собственной жизни. Он дает тебе возможность взглянуть на то, что происходит с тобой. Утратив знание мифов, мы лишились чего-то важного, потому что литературы, способной занять их место, нет. Эти частицы информации, дошедшие до нас из глубокой древности и имевшие непосредственное отношение к темам, поддерживавшим жизнь людей, в течение многих веков создавали цивилизации и питали религии, обращаясь

к глубоким внутренним проблемам, внутренним тайнам, внутренним «дорожным» знакам, а если таких знаков нет на твоем пути, ты вынужден прокладывать его сам. Но если только все это захватит тебя, то ты испытаешь такой прилив душевных сил, что тебе не хочется расставаться с ним.

МОЙЕРС: Значит, мы рассказываем истории, чтобы примириться с миром, гармонизировать наши жизни с реальностью?

КЭМПБЕЛЛ: Думаю, да. Именно так. Романы – великие романы – могут многому научить. Когда мне было двадцать, тридцать и даже сорок лет, моими учителями были Джеймс Джойс и Томас Манн. Можно сказать, что они оба следовали мифологическим традициям. Возьмите в качестве примера историю Тонио из новеллы Томаса Манна «Тонио Крегер». Отец Тонио был успешным бизнесменом, известным в своем родном городе. Однако у маленького Тонио был артистический темперамент, и он отправился в Мюнхен, где присоединился к группе начинающих литераторов, считавших себя выше тех, кто зарабатывал деньги и содержал семьи.

В результате Тонио оказался между двух полюсов. С одной стороны, его отец, хороший отец, ответственный и все такое, но он никогда в жизни не делал того, чего хотел. И с другой – тот, кто, покинув родной город, начинает критиковать такую жизнь. Однако Тонио обнаруживает, что на самом деле любит жителей своего родного города. Он считает, что превосходит их в интеллектуальном плане, и описывает их весьма нелестно, но тем не менее его сердце принадлежит им. Покинув родной город и приобщившись к богеме, он быстро убедился в надменности этих людей и понял, что с ними он тоже жить не может. Он уехал, а потом написал письмо одному из мюнхенских знакомых: *«Я восхищаюсь холодными гордецами, что шествуют по тропе великой, демонической красоты, презирая человека, но не завидую им. Ведь если что и может сделать из литератора поэта, то как раз именно моя бюргерская, обывательская любовь к человечному, живому, обыденному. Все тепло, вся доброта, весь юмор идут от нее, и временами мне кажется, что это и есть та любовь, о которой в Писании сказано, что человек может говорить языком человеческим и ангельским, но без любви голос его все равно останется гудящей медью и кимвалом бряцающим»*[2].

Далее он пишет: «*Писатель должен быть верен правде*».

Но это же убийство. Потому что единственная возможность правдиво описать человека – описать его недостатки. Совершенный человек неинтересен – Будда, покинувший мир. Только несовершенства жизни

достойны любви. И когда писатель посылает стрелу – слово правды, – она причиняет боль. Но она несет любовь. Именно это – любовь к тому, что ты убиваешь своим жестоким, аналитическим словом, – Манн называл «эротической иронией».

МОЙЕРС: Я бережно храню образ моего родного города; чувство, которое я испытываю к нему, не зависит от того, как давно я уехал оттуда, и от того, вернусь ли я туда. Ведь именно там вы впервые открыли для себя людей. Но почему вы говорите, что любите людей за их несовершенство?

КЭМПБЕЛЛ: Разве мы любим детей не за то, что они постоянно падают, и у них тела маленькие, а головы слишком большие? Разве Уолт Дисней не знал всего этого, когда рисовал своих гномов? А эти маленькие собачки, которые есть у многих? Их же любят за то, что они так несовершенны.

МОЙЕРС: Совершенство было бы скучным, не так ли?

КЭМПБЕЛЛ: Конечно. И бесчеловечным. Что связывает всех людей? То, что делает вас человеком, а не сверхъестественным и бессмертным существом, именно это и любят. Вот почему некоторым людям очень трудно любить Бога: у Него нет недостатков. Вы можете испытывать священный трепет, но не настоящую любовь. Христа полюбили, когда Его распяли на кресте.

МОЙЕРС: Что вы имеете в виду?

КЭМПБЕЛЛ: Страдание. Страдание – это несовершенство, не так ли?

МОЙЕРС: История человеческих страданий, устремлений, жизни…

КЭМПБЕЛЛ: …и юности, которая познает саму себя, через что ей и нужно пройти.

МОЙЕРС: Прочитав такие ваши книги, как «Тысячеликий герой» или «Маски Бога», я понял, что в мифах отражено то, что присуще всем людям. Мифы – это рассказы о том, что с древнейших времен до наших дней мы ищем истину, цель, смысл жизни. Мы все нуждаемся в том, чтобы рассказывать свои истории и понимать их. Мы все нуждаемся в том, чтобы понимать смерть и примиряться с ней. Чтобы пройти путь от рождения до смерти, мы все нуждаемся в помощи. Нам нужно, чтобы наша жизнь соприкасалась с вечностью, нужно понять таинственное и выяснить, кто мы такие.

КЭМПБЕЛЛ: Говорят, что все люди ищут смысл жизни. Я не думаю, что на самом деле это так. На мой взгляд, мы ищем возможность быть действительно живыми, чтобы наш жизненный опыт на чисто физическом уровне резонировал с нашим внутренним «Я» и реальностью и чтобы мы испытывали восторг от того, что живем на свете. В конечном счете дело

именно в этом, и эти ключи помогают нам найти ответы внутри себя.

МОЙЕРС: Мифы – это ключи?

КЭМПБЕЛЛ: Мифы – ключи к духовной потенции человеческой жизни.

МОЙЕРС: К тому, что мы способны познать и прочувствовать внутри?

КЭМПБЕЛЛ: Да.

МОЙЕРС: Вы изменили само определение мифа. Миф – это не *поиск* смысла, а его *прочувствование*.

КЭМПБЕЛЛ: Прочувствование *жизни*. Предоставим сознанию заниматься смыслом. В чем смысл цветка? В дзен-буддизме есть рассказ о проповеди Будды, в которой он всего лишь поднял цветок. Только один человек движением глаз дал Будде понять, что он понял то, что было сказано этим. «Тот, кто ушел туда», – так называл себя сам Будда. Смысла нет. Каков смысл Вселенной? А в чем смысл блохи? Она здесь. И все. И ваш смысл заключается в том, что вы здесь. Мы так поглощены достижением целей, имеющих лишь внешнюю ценность, что забываем о внутренней ценности, о восхищении самим фактом нашей жизни. В этом все дело.

МОЙЕРС: Как вы обрели этот опыт?

КЭМПБЕЛЛ: Читайте мифы. Они учат вас обращать взор внутрь себя, и вы начинаете понимать смысл символов. Читайте мифы не только своего народа, но и других, потому что вы склонны воспринимать свою религию через призму фактов, а читая другие мифы, вы постигаете их смысл. Мифы помогают вам связать ваше сознание с опытом существования. Они говорят вам, что это такое. Например, что такое брак? Миф отвечает на этот вопрос. Брак – это воссоединение разъединенных пар. Изначально ты был один. Теперь вас в мире двое, но брак – это осознание духовной идентичности. Брак и любовная связь – разные вещи. Между ними нет ничего общего. Это еще одна грань опыта. Когда люди женятся, думая, что брак – это продолжительный роман, они очень быстро разводятся, потому что все романы заканчиваются разочарованием. Однако брак – это признание духовной идентичности. Если мы живем полноценной жизнью, если наш ум способен правильно оценить качества человека противоположного пола, то найдем того, кто нужен именно нам, мы найдем свою половинку. Но если нами руководит некий чувственный интерес, мы сделаем неправильный выбор. Вступив в брак с «правильным» человеком, мы воссоздаем образ воплощенного Бога. Вот что такое брак.

МОЙЕРС: «Правильный» человек? Как сделать верный выбор?

КЭМПБЕЛЛ: Сердце подскажет вам. Должно подсказать.

МОЙЕРС: Ваше внутреннее «Я».

КЭМПБЕЛЛ: Это тайна.

МОЙЕРС: Вы узнаете свое второе «Я»?

КЭМПБЕЛЛ: Не знаю. Но иногда происходит какая-то вспышка, и ты понимаешь, что это именно оно, твое второе «Я».

МОЙЕРС: Если брак – воссоединение двух «Я», рассчитанное на долгие годы, почему он столь непрочен в современном обществе?

КЭМПБЕЛЛ: Потому что его не воспринимают как брак. Я сказал бы так: если брак не является вашим главным приоритетом, вы не состоите в браке. Брак означает, что двое становятся единым целым, одной плотью. Если брак длится достаточно долго, а вы постоянно отказываетесь ради него от своих личных прихотей и капризов, то вы приходите к пониманию, что так оно и есть – двое на самом деле стали единым целым.

МОЙЕРС: Не только биологически, но и духовно.

КЭМПБЕЛЛ: *Прежде всего* духовно. Биологическое есть отвлечение, которое может привести вас к неправильному пониманию брака.

МОЙЕРС: Значит, продолжение рода – не самая важная функция брака.

КЭМПБЕЛЛ: Нет, это всего лишь примитивный аспект брака. Можно говорить о двух его совершенно разных стадиях. На первой стадии бал правит биология, и мы рожаем детей. Но наступает время, когда дети уходят из дома и супруги остаются одни. Я был поражен тем, что некоторые мои сорокалетние или пятидесятилетние друзья развелись. Они прожили весьма достойную жизнь с ребенком, но, кроме ребенка, их ничего не связывало. Между ними не было никаких личных отношений. Брак – это отношения. Когда вы, будучи в браке, приносите жертву, вы приносите ее не супругу, а вашим отношениям. Светлая и темная стороны китайского изображения Дао – это отношения инь и ян, женского и мужского, и брак представляет собой именно это. В браке вы становитесь единым целым. Вы больше не один, отношения – вот ваша идентичность. Брак не простая любовная интрижка, а суровое испытание, и это испытание заключается в том, чтобы пожертвовать своим «Я» ради отношений, в которых двое становятся единым целым.

МОЙЕРС: Значит, брак совершенно несовместим с самой идеей достижения человеком его собственной цели.

КЭМПБЕЛЛ: Видите ли, это не просто ваша личная цель. Да, в известном смысле вы стремитесь к собственной цели, но это не вы как таковой, как одиночка, а вас двое, и вы действуете, как один человек. И это чисто мифологический образ, символизирующий принесение в жертву

невидимому добру видимой сущности. Это нечто такое, что прекрасно реализуется на второй стадии брака, которую я называю алхимической стадией, когда двое чувствуют, что они – одно целое. Если бы они продолжали жить так, как жили на первой стадии, то расстались бы после того, как их дети покинули родительский дом. Влюбившись в какую-нибудь сексуальную красотку, папа уйдет к ней, а мама с разбитым сердцем останется одна в пустом доме.

МОЙЕРС: Это происходит потому, что мы не понимаем двух уровней брака?

КЭМПБЕЛЛ: Мы не берем на себя обязательств.

МОЙЕРС: Мы думаем… Мы же клянемся «в горе и в радости…»

КЭМПБЕЛЛ: Это то, что осталось от ритуала.

МОЙЕРС: И ритуал утратил свою силу. Ритуал, который когда-то имел глубокий внутренний смысл, сегодня стал пустой формальностью. Это в равной мере относится и к общественным ритуалам, и к личным религиозным и брачным ритуалам.

КЭМПБЕЛЛ: Многие ли перед вступлением в брак получают духовное наставление о том, что такое супружество? Любой судья поженит вас за десять минут. В Индии брачная церемония продолжается три дня. Так пара «склеивается».

МОЙЕРС: По-вашему, брак – это не только социальное явление, но и духовный опыт.

КЭМПБЕЛЛ: Прежде всего духовный опыт, а общество должно помочь нам реализовать его. Человек не должен служить обществу. Общество должно быть на службе у человека. Если человек служит обществу, вы имеете государство-монстра, и именно это и угрожает сейчас миру.

МОЙЕР: Что происходит, когда общество игнорирует всесильную мифологию?

КЭМПБЕЛЛ: То, что мы имеем сейчас. Если вы хотите узнать, как выглядит общество, лишенное каких бы то ни было ритуалов, читайте New York Times.

МОЙЕРС: И что мы там найдем?

КЭМПБЕЛЛ: Последние известия, включая сообщения об актах вандализма и жесткости, совершенных молодыми людьми, которые не умеют вести себя в цивилизованном обществе.

МОЙЕРС: Общество не познакомило их с ритуалами, благодаря которым они становятся членами племени, общины. Чтобы научиться рационально функционировать в современном обществе и проститься с

детством, всем детям нужно родиться дважды. В связи с этим мне вспоминаются слова из Первого послания к Коринфянам: «Когда я был ребенком, я разговаривал, как ребенок, понимал, как ребенок, думал, как ребенок, но, став мужчиной, я простился с этими проявлениями детства».

КЭМПБЕЛЛ: О том и речь. О важности обрядов, которые проводят, когда начинается половое созревание ребенка. В первобытных обществах мальчикам выбивали зубы, наносили на кожу шрамы, делали обрезание и тому подобное. В результате юноша прощался со своим детским телом и становился совершенно другим. В моем детстве мы все носили короткие штанишки. До колен. А потом наступал незабываемый момент, когда ты впервые надевал длинные брюки. У современных мальчиков ничего подобного нет. Даже пятилетние малыши носят длинные брюки. Как же они узнают, что уже выросли, стали мужчинами и должны забыть о своих детских штучках?

МОЙЕРС: Где нынешние дети, растущие в мегаполисе, например на углу Бродвея и Сто двадцать пятой улицы, сегодня могут найти мифы?

КЭМПБЕЛЛ: Они создают их сами. Именно поэтому город заполнен граффити. У этих детей свои собственные банды, свои собственные обряды посвящения и своя собственная мораль. И они делают все, что могут. Но они опасны, потому что их законы отличаются от законов, по которым живет город. Они не прошли инициации, не были введены в общество.

МОЙЕРС: Ролло Мэй считает, что в современном американском обществе потому так много насилия, что больше нет великих мифов, которые помогли бы молодым мужчинам и женщинам установить связь с миром или понять мир, лежащий за пределами видимого.

КЭМПБЕЛЛ: Да, но другая причина высокого уровня насилия заключается в том, что в Америке нет устойчивых, стабильных обычаев.

МОЙЕРС: Поясните.

КЭМПБЕЛЛ: Например, в американском футболе действуют очень сложные и строгие правила. Однако в Англии правила регби не такие строгие. В двадцатых годах, в мою бытность студентом, двое молодых регбистов, составивших великолепную пару подающий-принимающий, отправились учиться в Оксфорд и присоединились к тамошней команде регбистов. Пришел день, когда они смогли продемонстрировать так называемую передачу вперед. Однако игроки-англичане сказали: «В наших правилах этого нет, так что, пожалуйста, больше этого не делайте. Мы так не играем». Короче, в культуре, которая какое-то время была однородной, существует ряд понятных, неписаных правил, и люди живут по ним. У них существуют обычаи, определенный уклад, понимание того, что «мы этого

так не делаем».

МОЙЕРС: Мифология.

КЭМПБЕЛЛ: Можно сказать: негласная мифология. То, как мы пользуемся ножом и вилкой, как мы общаемся с людьми и тому подобное. В Америке бок о бок живут люди с разным жизненным опытом, и поэтому в этой стране закон чрезвычайно важен. Юристы и закон – вот что связывает нас вместе. У нас нет устоявшихся обычаев. Вы понимаете, о чем я говорю?

МОЙЕРС: Да. Именно это имел в виду Де Токвиль, когда, впервые приехав сюда 160 лет тому назад, обнаружил «буйство анархии».

КЭМПБЕЛЛ: Сегодня мы живем в демифологизированном мире. В результате студенты, с которыми я общаюсь, очень интересуются мифологией, ибо мифы несут им послания. Я не могу сказать вам, что именно дает нынешним молодым людям изучение мифологии. Я знаю, что оно дало мне. Но что-то оно дает им. В какой бы колледж я ни приезжал с лекцией, везде аудитория была битком набита студентами, пришедшими послушать меня. Обычно мне предоставляют небольшие аудитории, меньше, чем нужно, ибо заранее администрация не знает, сколько человек захочет прийти.

МОЙЕРС: Давайте попробуем сделать предположение. Как, по-вашему, что дает им мифология, те истории, которые вы им рассказываете?

КЭМПБЕЛЛ: Бесспорно, в этих историях заключена мудрость жизни. То, чему учат в наших школах, не имеет никакого отношения к мудрости жизни. Мы изучаем технологии и получаем информацию. Преподаватели демонстрируют поразительное нежелание говорить о жизненных ценностях своих дисциплин. В сегодняшней науке это относится к антропологии, лингвистике, религиоведению и другим наукам, так как существует тенденция к узкой специализации. И можно понять эту тенденцию, если знаешь, сколько должен знать человек, чтобы его можно было назвать компетентным ученым. Например, чтобы изучать буддизм, необходимо владеть не только теми европейскими языками, на которых есть литература о Востоке, и в первую очередь французским, немецким, английским и итальянским, но и санскритом, китайским, японским, тибетским и некоторыми другими. Короче говоря, у него должен быть грандиозный багаж знаний. Такой специалист не может также разбираться в том, чем язык ирокезов отличается от алгонкинского языка. Специализация ограничивает круг проблем, которыми занимается ученый. Если человек не узкий специалист, а такой универсал, как я, он учится чему-то у одного специалиста, чему-то – у другого, но никто из них не

задумывается над тем, почему что-то происходит не только в одном месте, но и в другом. Поэтому универсал (кстати, для профессуры это оскорбительное слово) занимается другими проблемами. Можно сказать, что это скорее более «человеческие» проблемы, чем чисто культурные.

МОЙЕРС: Рядом с универсалом стоит журналист, имеющий право разъяснять то, чего он сам не понимает.

КЭМПБЕЛЛ: Это не только право, это его обязанность: он должен публично заниматься самообразованием. Я вспоминаю, как в молодости слушал лекцию Генриха Циммера. Он был первым из известных мне людей, который говорил о мифах так, словно в них содержатся не просто интересные вещи, о которых могут порассуждать ученые, а жизненно важные сообщения. И это лишь укрепило меня в том чувстве, которое возникло у меня в очень раннем возрасте.

МОЙЕРС: Вы помните, когда впервые открыли для себя миф? Когда он впервые ожил для вас?

КЭМПБЕЛЛ: Я вырос в католической семье. Одно из величайших преимуществ католического воспитания заключается в том, что тебя учат воспринимать миф серьезно, учат позволить ему влиять на твою жизнь и жить в согласии с этими мифическими мотивами. Я был воспитан в духе сезонных связей с циклом прихода в мир Христа: его проповедей, смерти, воскрешения и возвращения на небо. Церемонии, проходящие в течение всего года, поддерживают твою связь с основополагающей сущностью всего того, что изменяется во времени. Грех – просто утрата связи с этой гармонией. А потом я влюбился в американских индейцев, потому что в свое время Буффало Билл ежегодно появлялся в *Madison Square Garden* со своим потрясающим шоу «Дикий Запад». И мне захотелось больше узнать про индейцев. Мои отец и мать были очень щедрыми родителями, и у меня появились все детские книги об индейцах, которые были написаны к тому времени. Начав читать мифы американских индейцев, я очень быстро обнаружил в них те же самые мотивы, что присутствовали в тех мифах, о которых нам рассказывали в школе монахини.

МОЙЕРС: Сотворение мира…

КЭМПБЕЛЛ: …сотворение мира, смерть и воскрешение, восхождение на небо, непорочное зачатие… Я не понимал смысла, но узнавал слова. Одно за другим.

МОЙЕРС: И что же было дальше?

КЭМПБЕЛЛ: Я пришел в дикий восторг. Так возник мой интерес к сравнительной мифологии.

МОЙЕРС: Вы начали с вопроса «Почему в мифе говорится так, когда в

Библии написано иначе?»

КЭМПБЕЛЛ: Нет, сравнительным анализом я занялся гораздо позже.

МОЙЕРС: Что привлекло вас в индейских мифах?

КЭМПБЕЛЛ: В те годы еще были живы индейские традиции и обычаи. Индейцы были рядом. Даже сейчас, когда я знаком с мифами разных народов, я считаю мифы и легенды американских индейцев очень богатыми и совершенными. У моих родителей был участок земли в лесу, там, где жили индейцы-делавары, которых потом завоевали ирокезы. На большой отмели мы выкапывали индейские наконечники для стрел и тому подобные вещи. Вокруг меня, в лесу, обитали те же самые животные, о которых я читал в индейских мифах. Полученные впечатления стали прекрасным введением для этого материала.

МОЙЕРС: Индейские мифы вступили в конфликт с вашей католической верой?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, никакого конфликта не было. Конфликт с моей верой возник гораздо позже, в связи с научными исследованиями и тому подобными вещами. Потом я заинтересовался индуизмом и нашел у индусов похожие мифы. Моя дипломная работа была посвящена средневековым кельтским легендам, в которых я обнаружил те же самые мотивы. Никто не может сказать мне, что это не одни и те же мифы. Я занимаюсь ими всю свою жизнь.

МОЙЕРС: Они пришли из разных культур, но посвящены вечным темам.

КЭМПБЕЛЛ: Да, темы вечные, но ощущается влияние культуры.

МОЙЕРС: Значит, мифы посвящены вечным темам, но имеют, так сказать, национальный акцент?

КЭМПБЕЛЛ: О, да. Если вы не отслеживаете аналогичные темы, может показаться, что это совершенно разные истории, но на самом деле это не так.

МОЙЕРС: Вы преподавали мифологию в колледже Сары Лоуренс в течение тридцати восьми лет. Как вам удавалось заинтересовать мифами своих студенток – молодых женщин из среднего класса – с разным жизненным опытом, придерживающихся ортодоксальных религиозных взглядов?

КЭМПБЕЛЛ: О, молодые люди схватывают все буквально на лету. Мифология рассказывает вам о том, о чем не рассказывают ни литература, ни искусство. Она рассказывает вам о вашей собственной жизни. Мифология – потрясающий, восхитительный предмет, имеющий самое непосредственное отношение к жизни. Она теснейшим образом связана с

разными этапами жизни, с ритуалами инициации, знаменующей переход из детства во взрослую жизнь и с переходом от безбрачия к супружеству. Все это мифологические ритуалы. Они связаны с вашим осознанием новой роли, которую вам предстоит играть, и знаменуют прощание с прежней ролью и вступление в новую жизнь с новой ответственностью. Когда судья входит в помещение и все встают, вы встаете не из уважения к нему, а из уважения к мантии, которую он носит, и к той роли, которую ему предстоит сыграть. Что делает его достойным этой роли? Его безукоризненная репутация как представителя ее принципов, а не собственных предрассудков. А это значит, что вы встаете из уважения к мифологическому персонажу. Сдается мне, что некоторые короли и королевы – самые глупые, вздорные и пошлые люди, каких только можно встретить, интересующиеся исключительно лошадьми и противоположным полом. Но вы реагируете на них не как на личности, а как на их мифологические роли. Становясь судьей или президентом Соединенных Штатов, человек перестает быть самим собой и становится представителем верховной власти: он должен жертвовать личными желаниями, а нередко – и самой жизнью ради той роли, которую он теперь исполняет.

МОЙЕРС: Значит, мифологические ритуалы работают и в нашем обществе. Во-первых, церемония бракосочетания. Во-вторых, инаугурация судьи или президента. Какие еще ритуалы важны сегодня для общества?

КЭМПБЕЛЛ: Например, вступление в армию. В момент, когда вы надеваете форму, вы отказываетесь от личной жизни и принимаете социально детерминированный образ жизни, служа обществу, членом которого являетесь. Именно поэтому я считаю возмутительным, когда за поступки, совершенные во время боевых действий, людей судят по законам мирного времени. Они действовали не как индивиды, а как агенты той силы, которая довлеет над ними. Той силе, которой они себя вверили. И судить их как индивидов абсолютно неправомерно.

МОЙЕРС: Вы знаете, что наша цивилизация несет примитивным обществам. Они трещат по всем швам, разваливаются на части, люди умирают от разных болезней. Разве не то же самое стало происходить с нами, когда начали исчезать наши мифы?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Точно то же самое.

МОЙЕРС: Не потому ли консервативные религии сегодня ратуют за возвращение религии прежних времен?

КЭМПБЕЛЛ: Потому, и совершают ужасную ошибку. Они призывают к чему-то рудиментарному, к тому, что не служит жизни.

МОЙЕРС: А разве нам она не служила?

КЭМПБЕЛЛ: Конечно, служила.

МОЙЕРС: Я им сочувствую. В ранней юности я наблюдал за неподвижными звездами. Их постоянство успокаивало меня. В этом была какая-то стабильность. Они говорили мне, что на меня постоянно смотрит и обо мне заботится добрый, любящий Отец, всегда готовый принять меня. По мнению Сола Беллоу, то, что наука сделала с верованиями, можно назвать генеральной уборкой. Но для меня в этих вещах была определенная ценность, и сегодня я такой, какой я есть, благодаря им. Интересно, что стало с детьми, у которых не было ни неподвижных звезд, ни ощущения стабильности – этих мифов?

КЭМПБЕЛЛ: Как я уже говорил, вам остается только читать газеты. Это бардак. Да, мифы предлагают модели жизни. Но модели должны быть приемлемыми для того времени, в котором вы живете, а наше время изменяется с такой скоростью, что то, что было приемлемо 50 лет назад, сегодня неприемлемо. То, что раньше считалось добродетелью, нынче стало пороком. А многое из того, что прежде считалось пороком, сегодня стало потребностью. Нравственный порядок не должен отставать по времени от моральных потребностей жизни здесь и сейчас. Но мы этого не делаем. Старая религия принадлежит другой эпохе, другим людям, другой совокупности человеческих ценностей, другой Вселенной. Возвращаясь назад, вы нарушаете свою гармонию с историей. Наши дети теряют доверие к религии, в которой они воспитывались, и уходят в себя.

МОЙЕРС: Часто – с помощью наркотиков.

КЭМПБЕЛЛ: Да. В результате мы имеем то, что называется механически навязанным мистическим опытом. Я побывал на многих психологических конференциях, посвященных этой проблеме – разнице между мистическим опытом и психологическим разрушением. Разница заключается в том, что тот, кто слетает с катушек, тонет там, где мистик плавает. К этому опыту нужно быть готовым.

МОЙЕРС: Вы говорите, что мескалин[3] появился и стал доминировать в культуре индейцев вследствие утраты ими своей земли и прежнего образа жизни.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Ни одна цивилизованная нация не обошлась с аборигенами так, как мы: индейцы не люди. Они даже не учитываются статистикой как американцы, имеющие право голоса. Вскоре после Американской революции[4] наступил период, когда некоторые именитые индейцы приняли участие в деятельности американского правительства и в жизни страны. Джордж Вашингтон считал, что индейцы должны быть

включены в нашу культуру, однако вместо этого они были признаны пережитками прошлого. В XIX веке всех индейцев, живших на юго-востоке страны, погрузили в вагоны и с военизированной охраной перевезли на так называемую Индейскую территорию[5], отданную им якобы в вечное пользование. Однако через пару лет они лишились и ее. В последнее время антропологи изучали группу индейцев, живущих на северо-западе Мексики, в нескольких милях от естественных зарослей кактуса пейота. Пейот – если так можно выразиться – их животное, которое они ассоциируют с оленем. Сбор плодов этого кактуса сопровождается особым ритуалом. Этот ритуал – мистическое путешествие, в котором есть все, что характерно для типичного мистического путешествия. Во-первых, полный отказ от мирской жизни. Все участники этой экспедиции должны покаяться в совершенных грехах. А если они этого не сделают, магия не сработает. Потом они отправляются в путь. Они даже разговаривают на особом, негативном, языке. Так, вместо того, чтобы сказать «да», они говорят «нет», вместо того, чтобы сказать «мы идем», они говорят «мы прибываем». Они находятся в другом мире. И вот они уже почти у цели. Есть специальные святилища, олицетворяющие стадии ментальной трансформации, происходящей по дороге. И вот начинается самое важное – сбор плодов кактуса. Кактус убивают так, словно это олень. Они незаметно подкрадываются к нему, пускают в него маленькую стрелу, после чего совершают ритуальный сбор плодов. Вся процедура – точное повторение ощущений, связанных с внутренним путешествием, в котором ты покидаешь внешний мир и попадаешь в царство бесплотных существ. Они идентифицируют каждую маленькую стадию как духовное преображение. Они все время находятся в священном месте.

МОЙЕРС: Почему они превращают это в такой сложный, замысловатый процесс?

КЭМПБЕЛЛ: Это связано с тем, что пейот оказывает не только биологическое, механическое и химическое воздействие, но и вызывает духовную трансформацию. Если с тобой произошла духовная трансформация, а ты не был готов к этому, ты не знаешь, как относиться к тому, что с тобой случилось, и испытываешь ужасные мучения, такие же, как и те, что вызывает ЛСД. Если же ты готов к этому, твое путешествие благополучно завершается.

МОЙЕРС: Значит, это потому называется психологическим кризисом, что ты тонешь там…

КЕМПБЕЛ: …где должен был бы плавать. Но ты не был готов к этому. Такова правда духовной жизни, в любом случае. Трансформация сознания –

ужасный опыт.

МОЙЕРС: Вы много говорите о сознании.

КЭМПБЕЛЛ: Да.

МОЙЕРС: Что вы подразумеваете под ним?

КЭМПБЕЛЛ: В картезианской картине мира сознание – это нечто такое, что присуще исключительно голове; голова – это орган, рождающий сознание. Но это неверно. Голова – это орган, направляющий сознание в определенную сторону или на некую совокупность целей. Но в теле тоже есть сознание. Весь живой мир основан на сознании. Я подозреваю, что в известном смысле сознание и энергия – это одно и то же. Там, где есть жизненная энергия, есть и сознание. Безусловно, сознание есть и у растительного мира. Когда живешь в лесу (а я в детстве жил в лесу), можно увидеть, как взаимосвязаны разные виды сознания. Сознание есть и у растения, и у животного. Вы что-то едите, и желчь знает, есть ли в том, что вы едите, то, над чем ей надо поработать. Весь процесс сознательный. Попытки интерпретировать его с механистических позиций не срабатывают.

МОЙЕРС: Как мы трансформируем свое сознание?

КЭМПБЕЛЛ: Это зависит от того, о чем вы склонны думать. Именно для этого и предназначена медитация. Вся жизнь – это медитация, по большей части непреднамеренная. Многие люди проводят бо́льшую часть жизни, размышляя о том, как бы заработать и куда уходят деньги. Если у вас есть семья, вы заботитесь о ней. Это очень важные заботы, но они преимущественно связаны с материальными условиями. Но как передать духовное сознание детям, если у вас самого его нет? Что для этого нужно? На помощь приходят мифы: благодаря им мы обретаем духовное сознание. Приведу пример. С угла Пятьдесят первой улицы и Пятой авеню я вхожу в собор Святого Патрика. За его стенами – оживленный мегаполис, один из самых экономически развитых городов планеты. Я вхожу в собор, и все, что окружает меня, говорит о духовных тайнах. Тайна креста. Что все это значит? Оконные витражи собора создают особую атмосферу. Мое сознание оказалось на совершенно другом уровне, а я – на другой платформе. Когда я выхожу из собора, мое сознание вновь оказывается на «уличном уровне». Могу ли я сохранить хоть часть «соборного сознания»? Определенные молитвы и медитации предназначены для того, чтобы «удержать» ваше сознание на более высоком уровне и не позволить ему опуститься вниз. В конце концов, вы понимаете, что это всего лишь более низкий уровень более высокого сознания. Подобная тайна проявляется и действует и в сфере ваших денег. Деньги – это застывшая энергия. Я

думаю, что это и есть ключ к трансформации вашего сознания.

МОЙЕРС: Вы никогда не думали, что, говоря о мифах, вы тонете в мечтах других людей?

КЭМПБЕЛЛ: Меня не интересуют мечты других людей.

МОЙЕРС: Но ведь мифы – это и есть мечты разных людей.

КЭМПБЕЛЛ: О, нет. Нет, нет. Мифы – это мечты всего мира. Это архетипические мечты, касающиеся самых важных человеческих проблем. Я знаю, когда подхожу к одному из этих порогов. Миф подсказывает мне, как я должен реагировать на тот ли иной кризис, будь то разочарование или восторг, провал или успех. Он говорит мне, где я нахожусь.

МОЙЕРС: Что происходит, когда человек становится легендой? Например, можно ли сказать, что Джон Уэйн стал мифом?

КЭМПБЕЛЛ: Когда жизнь человека становится примером для других, его образ обрастает мифами.

МОЙЕРС: Такое очень часто случается с киноактерами, которые становятся образцами для подражания.

КЭМПБЕЛЛ: Когда я был ребенком, моим героем был Дуглас Фэрбенкс, а героем моего брата – Адольф Менжу. Разумеется, они исполняли роли мифических персонажей. Они учили нас жизни.

МОЙЕРС: Ни один киногерой не произвел на меня такого впечатления, как Шейн. Вы видели фильм «Шейн»?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, не видел.

МОЙЕРС: Это классическая лента о человеке, который появляется ниоткуда, и, сделав доброе дело, исчезает, не потребовав вознаграждения. Почему фильмы так воздействуют на нас?

КЭМПБЕЛЛ: Фильмам присуща некая магия. Человек, на которого ты смотришь, в этот самый момент находится совершенно в другом месте. Это свойство бога. Если киноактер приходит в театр, взоры всех присутствующих устремляются на него. Он становится настоящим героем вечера. Он одновременно присутствует в разных местах. То, что вы видите на экране, на самом деле не он, но, тем не менее, «он» приходит, многоликий киноактер.

МОЙЕРС: Похоже, что кинематограф создает действительно великие фигуры, тогда как телевидение – одних только знаменитостей. Они становятся образцами для подражания реже, чем объектами сплетен.

КЭМПБЕЛЛ: Возможно, причина этого заключается в том, что телевизор мы смотрим дома, а фильмы – в специально предназначенном для этого замке, который называется кинотеатром.

МОЙЕРС: Вчера я видел фотографию культового персонажа

Голливуда, Рэмбо, ветерана Вьетнамской войны, который вернулся, чтобы спасти военнопленных. Ценой огромных жертв и разрушений ему это удалось. Я понимаю, почему в Бейруте это самый популярный фильм. Есть фотография куклы Рэмбо, которую создала и продает та же самая компания, которая выпускает куклы *Cabbage Patch*. На переднем плане – очаровательная кукла *Cabbage Patch*, а за ней – олицетворяющий грубую силу Рэмбо.

КЭМПБЕЛЛ: Это две мифические фигуры. Мне на память приходит гравюра Пикассо, на которой изображены разъяренный бык, философ, в ужасе спасающийся от него на лестнице, лежащая на арене для корриды убитая лошадь, а на ней – труп женщины-матадора. Единственное существо, не боящееся этого чудовища, – маленькая девочка с цветком. Именно об этом вы сейчас и сказали: о бесхитростном, по-детски наивном существе и о наводящей ужас угрозе. Они – олицетворение проблем нашего времени.

МОЙЕРС: Поэт Йейтс считал, что мы живем во время последнего великого цикла христианства. В его поэме «Второе пришествие» есть такие слова:

Все шире – круг за кругом – ходит сокол,
Не слыша, как его сокольник кличет;
Все рушится, основа расшаталась,
Мир захлестнули волны беззаконья,
Кровавый ширится прилив и топит
Стыдливости священные обряды.[6]

Как вы думаете, «что за чудовище, дождавшись часа, ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме»?

КЭМПБЕЛЛ: Я знаю об этом не больше, чем Йейтс. Но я знаю, что смена эпох сопровождается большими страданиями и беспорядками. Угроза, которую мы ощущаем, которую все ощущают, – это, если хотите, предчувствие Армагеддона.

МОЙЕРС: «Я стал смертью, разрушителем Вселенной», – сказал Оппенгеймер, увидев первый взрыв атомной бомбы. Но вы ведь не думаете, что конец Вселенной будет именно таким?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, не думаю. Возможно, это станет концом жизни на нашей планете, но не концом Вселенной. Это всего лишь незначительный взрыв среди всех взрывов, которые происходят на всех солнцах Вселенной.

Вселенная – это множество атомных печей вроде нашего солнца. Так что взрыв атомной бомбы всего лишь маленькая имитация великой работы.

МОЙЕРС: Вы можете представить себе, что где-то на другой планете есть существа, придающие своим мифам и легендам такое же значение, какое мы, земляне, придаем своим?

КЭМПБЕЛЛ: Нет. Чтобы возникла жизнь, нужны совершенно определенные температурные условия и достаточное количество воды. Иначе и на этой планете не было бы жизни. Зная это, трудно представить себе, что на какой-то другой планете она возможна, сколько бы спутников ни вращалось вокруг звезд.

МОЙЕРС: Эта хрупкая жизнь всегда существует в горниле террора, на грани уничтожения. И изображение куклы *Cabbage Patch* рядом со зловещим Рэмбо не противоречит тому, что нам известно о жизни из мифов?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, не противоречит.

МОЙЕРС: Вы видите в современном мире какие-то новые метафоры традиционных вечных истин?

КЭМПБЕЛЛ: Я вижу такую возможность, но пока не вижу, чтобы эти метафоры стали мифологическими.

МОЙЕРС: Как по-вашему, войдут ли в мифологию современные машины?

КЭМПБЕЛЛ: Автомобили уже вошли в мифологию. О них мечтают. Самолеты очень полезны для воображения. Так, воображение воспринимает полет самолета как освобождение от земного притяжения.

В известной степени он символизирует то же самое, что и птицы. Птица символизирует освобождение духа от зависимости от земли. Сейчас эту роль исполняют самолеты.

МОЙЕРС: Что еще?

КЭМПБЕЛЛ: Конечно, оружие. В каждом фильме, который я смотрю в самолете, летая между Калифорнией и Гавайями, есть люди с пистолетами. Инструменты, которые больше не нужны, вытеснены новыми инструментами. Но ничего другого я не вижу.

МОЙЕРС: Значит, новые мифы будут служить старым целям. Когда я смотрел «Звездные войны», мне вспомнились слова из послания апостола Павла: «Я веду бой не с людьми из плоти и крови, а с силами зла». Это было сказано две тысячи лет тому назад. И в пещере охотника, жившего в каменном веке, есть рисунки, изображающие сцены борьбы с силами зла.

КЭМПБЕЛЛ: Человек не должен подчиняться внешним силам зла. Он должен управлять ими. Проблема в том, как это реализовать.

МОЙЕРС: После того как мой младший сын в двенадцатый или в тринадцатый раз посмотрел «Звездные войны», я спросил: «Почему ты столько раз смотрел этот фильм?» И он ответил: «Потому же, почему ты всю жизнь читаешь Ветхий Завет». Для него это новый мифический мир.

КЭМПБЕЛЛ: Воистину у «Звездных войн» есть все основания стать мифом. Изображая государство как машину, авторы фильма спрашивают: «Что сделает эта машина? Уничтожит гуманизм или будет служить ему?» Источник гуманизма не машина, а сердце. Я вижу в «Звездных войнах» ту же самую проблему, что и в «Фаусте»: Мефистофель, человек-машина, может дать нам все и поэтому готов определить и цель нашей жизни. Но, разумеется, у Фауста совсем другие цели, чем у машины, что делает его достойным спасения. Когда Люк Скайуокер снимает маску со своего отца, он снимает маску с машины, роль которой тот исполнял. Его отец был «униформой», а это власть – Темная сторона.

МОЙЕРС: Мы хотим, чтобы мир был создан по нашему образу и подобию и чтобы он был таким, каким он, как нам кажется, должен быть. Машины помогают нам реализовать эту идею.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Но потом приходит время, когда машина начинает командовать вами. Например, я купил компьютер. Замечательная машина. И теперь эта машина кажется мне не ведающем пощады ветхозаветным богом с массой правил.

МОЙЕРС: Есть замечательная история о президенте Эйзенхауэре и первых компьютерах…

КЭМПБЕЛЛ: …Эйзенхауэр вошел в комнату, уставленную компьютерами, и спросил: «Здесь есть Бог?» Все компьютеры тут же включились, замигали лампочки, завертелись колесики, и спустя какое-то время он услышал: «Сейчас есть».

МОЙЕРС: Но разве нельзя относиться к компьютеру исходя из того, что Бог присутствует во всем? Если речь не идет о каком-то особом, избранном откровении, Бог присутствует всюду, включая и компьютер.

КЭМПБЕЛЛ: Воистину так. На экране происходят чудеса. Вы когда-нибудь заглядывали внутрь компьютера?

МОЙЕРС: Нет. И не собираюсь.

КЕМБЕЛЛ: Это невероятно! Целая иерархия ангелов, и все – на платах! И эти маленькие трубочки – это чудеса! С компьютером у меня связано одно открытие относительно мифологии. Вы покупаете определенную компьютерную программу с целым набором знаков, с помощью которых вы достигаете своей цели. Если вы начинаете забавляться со знаками, которые принадлежат другой программе, у вас

ничего не получается. То же самое и в мифологии: если вы имеете дело с мифологией, в которой метафорой тайны является отец, у вас должен быть другой набор знаков, чем тот, который вам нужен, если метафорой мудрости и тайны мира является мать. Они оба прекрасные метафоры. Ни то, ни другое не является фактом. Это метафоры. Словно Вселенная была моим отцом. Словно Вселенная была моей матерью. Иисус сказал: «Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Отец, о котором он сказал, – это библейский Отец. Возможно, прийти к Отцу можно, только идя путем Иисуса. Но, с другой стороны, представьте, что вы идете путем матери. Вы также можете предпочитать пакет программ *Kali*, гимны в честь богини и тому подобное. Это всего лишь другой способ раскрыть тайну вашей жизни. Нужно понять, что каждая религия – это своего рода пакет программ, имеющий свой собственный набор знаков. Если человек действительно вовлечен в религию и строит на этом свою жизнь, ему лучше оставаться с той программой, которая у него есть. Что же касается такого парня, как я, который любит играть с программами… Что ж, я могу бегать туда-сюда, но, возможно, у меня никогда не будет опыта, сравнимого с опытом святого.

МОЙЕРС: Но разве некоторые великие святые не заимствовали что-то, откуда только могли? Они брали отсюда и оттуда и создавали новые программы.

КЭМПБЕЛЛ: Это называется развитием религии. Вы можете увидеть это в Библии. Поначалу Бог был просто самым могущественным из многих, всего лишь местным богом какого-то племени. А потом, в VI веке, когда евреи оказались в Вавилоне, возникла идея спасителя мира, и библейское божество обрело новое звучание. Сохранять старую традицию можно лишь при одном условии: если обновлять ее в соответствии с возникшими обстоятельствами. Во времена Ветхого Завета мир, простиравшийся на несколько сот миль вокруг центров Ближнего Востока, был похож на маленький трехслойный торт. Никто никогда не слышал не только об ацтеках, но даже о китайцах. Когда изменился мир, должна была трансформироваться и религия.

МОЙЕРС: Но мне кажется, что именно этим мы сейчас и занимаемся.

КЭМПБЕЛЛ: Это на самом деле то, что мы должны были сделать. В моем представлении то, что сегодня происходит в Бейруте, это настоящий ужас. Там представлены три великие восточные религии: иудаизм, христианство и ислам. А поскольку у них существуют три разных имени для одного и того же библейского бога, они никак не могут ужиться. Они погрязли в своей метафоре и не могут понять ее смысла. Они не могут

вырваться из заколдованного круга и не позволяют ему открыться. Каждая группа твердит: «Мы избранные, и у нас есть Бог». Посмотрите на Ирландию. Протестанты появилась в Ирландии в XVII веке после того, как страна была завоевана Кромвелем, и католическое большинство не приняло их. Католики и протестанты в Ирландии – это две разные социальные системы, две разные системы ценностей.

МОЙЕРС: И каждой нужен новый миф.

КЭМПБЕЛЛ: Каждой нужен свой собственный миф. По полной программе. Возлюби своего врага. Не судите, да не судимы будете. В буддизме все это есть. В мифе. Все это уже есть.

МОЙЕРС: Вы рассказывали историю об одном аборигене джунглей, который однажды сказал миссионеру: «Ваш бог сидит взаперти в своем доме, будто он стар и немощен. А наш бог в лесу, в полях и на горе. Там, откуда приходит дождь». По-моему, он прав.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Эту проблему можно найти и в Книге Царей, и у пророка Самуила. Разные иудейские цари приносили жертвы на вершинах гор. С точки зрения Яхве они поступали неправильно. Особым движением в еврейской общине был культ Яхве, который в результате одержал победу, и ему удалось стать единственным богом древних иудеев. Подобная империалистическая атака внутригрупповой культуры продолжается на Западе. Но она должна открыться навстречу природе. Если это получится, в ее распоряжении окажутся все возможности.

МОЙЕРС: Конечно. Наши современники лишают мир его естественных проявлений, лишают его самой природы. Мне на память приходит легенда о маленьком мальчике, который нашел в лесу птицу, певшую прекрасную песню, и принес ее домой.

КЭМПБЕЛЛ: Он попросил отца покормить птицу, но отец не желал никого кормить, даже крошечную птичку, и убил ее. В легенде говорится, что отец, убив птицу, убил и песню, а потом и самого себя. Он упал замертво.

МОЙЕРС: Разве не то же самое происходит с людьми, уничтожающими естественную среду своего обитания? Свой мир? Разве они не уничтожают природу и все, что с нею связано?

КЭМПБЕЛЛ: Они уничтожают и самих себя. Они убивают песню.

МОЙЕРС: Разве эта легенда о песне – не мифология?

КЭМПБЕЛЛ: Сама мифология *есть песня*. Песня воображения, которую «заряжает» энергия тела. Однажды магистр дзен-буддизма собрался произнести проповедь перед студентами. Он уже хотел начать ее, когда услышал пение птицы. И сказал: «Проповедь прочитана».

МОЙЕРС: Я уже собирался сказать, что мы создаем новые мифы, но вы сказали, что это не так, что каждый миф, который мы пересказываем сегодня, уходит корнями в наш прошлый опыт.

КЭМПБЕЛЛ: Основные мотивы мифов те же самые, и они всегда были одними и теми же. Если вы хотите найти свою собственную мифологию, то прежде всего должны определить, к какому обществу вы принадлежите. Любая мифология возникает в определенном обществе, в ограниченном пространстве. Потом мифологии сталкиваются, между ними завязываются отношения, они сливаются, и в результате образуется более сложная мифология. Но сегодня нет границ. Сегодня имеет значение единственная мифология – планетарная, которой у нас нет. Ближе всего к ней оказывается буддизм, для которого все живые существа – дети Будды. Единственная проблема заключается в осознании этого. Нечего делать. Задача лишь в том, чтобы понять, что такое братство всех живых существ, и действовать в интересах этого братства.

МОЙЕРС: Братства?

КЭМПБЕЛЛ: Да. В большинстве известных мне мифах понятие «братство» распространяется на обособленную общину. В таких общинах агрессия направлена наружу. Например, одна из десяти заповедей – «не убий». А в следующей главе сказано: «Ступайте в Ханаан и убейте там всех до единого». Это ограниченное поле. Мифы об участии и о любви связаны исключительно с ограниченной группой, а к тем, кто не входит в нее, это не относится. Таков смысл слова «иноверец».

МОЙЕРС: Раз ты одет не так, как я, значит, мы чужие.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Что такое миф? Словари определяют миф как «историю про богов». И возникает второй вопрос: что такое бог? Бог – это персонификация мотивирующей силы или системы ценностей, функционирующей в жизни человека и во Вселенной, силы вашего собственного тела и природы. Мифы – это метафоры духовной потенции человека; та же самая сила, которая является и источником нашей жизни, и источником жизни мира. Наряду с этим существуют также мифы и боги, имеющие отношение к определенным обществам. Это так называемые божества-покровители таких обществ. Таким образом, существуют две совершенно разные мифологии. Есть мифология, связывающая тебя с природой и естественным миром, частью которого ты являешься. И есть сугубо социологическая мифология, связывающая тебя с определенным обществом. Ты не просто живой человек, но и член определенной группы. В истории европейской мифологии можно увидеть взаимодействие этих двух систем. Обычно социально ориентированная система присуща

кочевникам, перемещающимся с места на место, назначение которой в том, чтобы определить место каждого человека в этой группе. Мифология, ориентированная на природу, – прерогатива земледельцев. В библейской традиции – социально ориентированная мифология. Природа осуждается. В XIX веке ученые рассматривали мифологию и ритуал как попытку контролировать природу. Но это магия, а не мифология и не религия. Религии, ориентированные на природу, не пытаются контролировать ее, а помогают нам жить в согласии с ней. Но если считать природу порождением дьявола, вам не захочется быть в согласии с ней, вы предпочтете контролировать ее (или, во всяком случае, попытаетесь). Отсюда напряжение, страх, вырубленные леса, уничтожение аборигенов.

МОЙЕРС: Не потому ли мы с такой легкостью доминируем над природой и подчиняем ее себе, потому что не уважаем ее и считаем, что она должна служить нам?

КЭМПБЕЛЛ: Потому. Я никогда не забуду опыта, полученного в Японии, где никогда не слышали ни о грехопадении, ни об Эдемском саде. В одном из синтоистских текстов сказано, что в природных процессах не может быть ничего порочного. Каждый естественный импульс нужно не корректировать, а облагораживать, украшать. У японцев огромный интерес к красоте природы и к сотрудничеству с ней, так что в некоторых их садах не сразу понимаешь, где начинается природа и заканчивается искусство. Это был потрясающий опыт.

МОЙЕРС: Но, Джо, сегодняшний Токио опровергает этот идеал, но делает это чрезвычайно изящно. Токио – это мегаполис, в котором природа практически исчезла, если не считать крошечных садиков, тщательно оберегаемых разными людьми.

КЭМПБЕЛЛ: У японцев есть выражение, которое в дословном переводе звучит так: «Камень с волнами», эквивалент нашему «держи удар» в боксе. Прошло менее 125 лет с того времени, как Перри открыл Японию западному миру. За это время японцы совершили гигантский рывок вперед. Но, находясь здесь, я понял, что они ничего бездумно не копируют, а стараются сохранить свою самобытность. Токийские фасады очень похожи на нью-йоркские, но, войдя внутрь, ты снова оказываешься в Японии.

МОЙЕРС: «Жить своим умом». Это интересная идея, потому что места, где можно подумать о духовном, как вы говорите, находятся в согласии с природой, несмотря на то, что вокруг них растут города.

КЭМПБЕЛЛ: Однако в Библии природа погибла. То есть мы живем в изгнании, как говорит Библия.

МОЙЕРС: Вот мы сидим здесь и беседуем, а из Бейрута одно за другим приходят сообщения о взорванных автомобилях. Мусульмане взрывают христиан, христиане – мусульман и христиан. Похоже, Маршалл Маклюэн был прав, когда сказал, что телевидение превратило мир в огромную деревню, но он не знал, что этой деревней станет Бейрут. Что вы об этом думаете?

КЭМПБЕЛЛ: Я думаю, что они не знают, как применить свои религиозные идеи в современной жизни, к людям вообще, а не только к своей собственной общине. Это ужасный пример неспособности религии ответить на вызовы современности. Эти три мифологии добились своего: ни у одной из них нет будущего.

МОЙЕРС: Какой новый миф нам нужен?

КЭМПБЕЛЛ: Нам нужны мифы, которые идентифицируют индивида не с его местной группой, а со всей планетой. Моделью такого мифа являются Соединенные Штаты. Здесь были тринадцать маленьких национальных колоний, которые договорились действовать, учитывая взаимные интересы колоний и личные интересы каждого.

МОЙЕРС: Что-то об этом есть на большой государственной печати США. Great Seal.

КЭМПБЕЛЛ: В этом вся суть Большой печати. Я ношу в кармане копию большой печати в виде однодолларовой банкноты. Это выражение идей, которые привели к образованию Соединенных Штатов. Посмотрите на эту долларовую банкноту. Вот Большая печать Соединенных Штатов. Посмотрите на пирамиду слева. У нее четыре грани. Они олицетворяют четыре точки компаса. Кто-то есть в этой точке, кто-то есть в этой, а кто-то – в этой. Находясь в самом низу пирамиды, вы окажетесь на одной из этих сторон. Но когда вы подниметесь на вершину, все точки сольются в одну, и глаза Бога откроются.

МОЙЕРС: И для них этим богом был здравый смысл.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Это было первое государство в мире, образовавшееся из соображений здравого смысла, а не в результате каких-либо военных действий. Эти джентльмены были деистами[7] XVIII века. Кроме того, здесь мы читаем: «На Бога мы уповаем». Но речь не о библейском Боге. Эти джентльмены не верили в грехопадение. Они не считали, что сознание человека оторвано от Бога. Сознание человека, свободное от незначительных и временных забот, воспринимает отражение здравого смысла Бога так же безупречно, как идеальное зеркало. Здравый смысл приводит вас к Богу. В результате этим людям были не нужны никакие откровения, потому что свободное от заблуждений сознание

человека вполне может познать Бога. Познание Бога, как и здравый смысл, доступны всем. Здравый смысл доступен всем – это фундаментальный принцип демократии. Истинное знание доступно всем, и поэтому вы не нуждаетесь в том, чтобы кто-то указывал вам, что и как делать.

МОЙЕРС: Тем не менее эти символы пришли из мифологии.

КЭМПБЕЛЛ: Да, но они пришли из мифологии «определенного качества». Это не мифология особого откровения. Например, индусы не верят в особое откровение. Они говорят о состоянии, в котором уши открыты для песни Вселенной. А фундаментальная идея деистов – глаза, открытые сиянию разума Бога. Отвергая идею грехопадения в саду Эдема, человек не отрицает своей связи с Богом. Однако вернемся к Большой печати. Посчитав уровни пирамиды, вы увидите, что их тринадцать. На первом уровне есть дата – 1776, написанная римскими цифрами – MDCCLXXVI. Сложив эти цифры, мы получаем двадцать один, что соответствует возрасту совершеннолетия, не так ли? Именно в 1776 году тринадцать штатов провозгласили независимость. Число 13 – это число трансформации и реинкарнации. На Тайной вечере присутствовали 12 апостолов и Иисус, которому вскоре предстояло умереть и воскреснуть. У нас 12 знаков зодиака и солнце. Отцы-основатели с большим вниманием относились к числу 13, ибо оно имеет отношение к воскрешению и реинкарнации, и как могли, обыграли его на банкноте.

МОЙЕРС: Да, но ведь было тринадцать штатов.

КЭМПБЕЛЛ: Верно, но разве это не символично? Это не простое совпадение. Сами по себе тринадцать штатов – уже символ.

МОЙЕРС: Это объясняет и другую надпись, а именно «*Novus Ordo Seclorum*».

КЭМПБЕЛЛ: «Новый порядок веков». Это новый порядок мира. А надпись наверху «*Annuit Coeptis*» означает «Он благословляет наши начинания».

МОЙЕРС: Он…

КЭМПБЕЛЛ: Он, глаз, то, что представляет глаз. Аргумент. На латыни это может быть и «оно», и «он», и «она». Но божественная сила благословляет наши деяния. Этот новый мир был создан по образу и подобию деяний Бога, что и привело к осуществлению самого замысла. Заглянув за пирамиду, вы увидите пустыню. А перед пирамидой – цветущие растения. Пустыня – это бесконечные войны, которые происходят в Европе. Мы не участвуем в этой неразберихе и создали государство во имя здравого смысла, а не во имя силы, и впереди нас ждет расцвет новой жизни. Таков смысл этой части пирамиды. А теперь посмотрите на реверс

однодолларовой купюры. Вы видите орла – птицу Зевса. Орел – это посланец Бога, инкарнация божественного. Это белоголовый орлан, национальный символ США, американский двойник орла Зевса. В одной лапе он держит 13 стрел, символизирующих войну. В другой лапе зажата оливковая ветвь с 13 листочками, символизирующая стремление к миру. Голова орла повернута в сторону оливковой ветви. Таким образом, идеалисты, основавшие наше государство, заявили о своем предпочтении мира, о стремлении к дипломатическим отношениям и тому подобному. Но слава Богу, что в другой его лапе зажаты стрелы. Это на тот случай, если дипломатия не сработает. Что же символизирует этот орел? Он символизирует то, что написано над его головой: *Pluribus Unum*, что значит «Из многих – единое». Однажды я читал лекцию об индусской мифологии, социологии и политике в Вашингтонском институте международных отношений. В одной из индусских книг о политике сказано, что правитель должен держать в одной руке орудие войны, большую палку, а в другой – песню, призывающую к миру и совместным действиям. Когда я встал в такую позу, все присутствовавшие в аудитории рассмеялись. Я ничего не понял. Тогда они стали показывать пальцами. Оглянувшись, я увидел над своей головой изображение орла точно в такой же позе. Но я увидел не только самого́ орла, но и девять перьев в его хвосте. Цифра 9 обладает божественной силой: когда трубит ангел Господень, он трубит девять раз. Над головой орла расположены тринадцать звезд, образующих шестиконечную звезду Давида.

МОЙЕРС: Звезда Давида еще называется печатью Соломона.

КЭМПБЕЛЛ: Да. А вы знаете, почему она так называется?

МОЙЕРС: Нет.

КЭМПБЕЛЛ: Звезда Давида была на легендарном перстне-печатке царя Соломона, который давал ему власть над джиннами и возможность разговаривать с животными. Помните «Сказки тысячи и одной ночи»? Герои открыли кувшин, и из него появился джинн. Я увидел и здесь печать Соломона, образованную тринадцатью звездами. И еще я увидел, что каждый треугольник – это тетрактис Пифагора.

МОЙЕРС: Тетрактис Пифагора?

КЭМПБЕЛЛ: Эти треугольники образованы десятью точками. Одна точка в середине и по четыре точки с каждой стороны: одна, две, три, четыре/пять, шесть, семь/восемь, девять. Это основной символ пифагорейской философии, которой свойственно пристрастие к ряду взаимосвязанных мифологических, космологических, психологических и социологических толкований, одним из которых является высшая точка,

символизирующая креативный центр, откуда «пришли» Вселенная и все остальное.

МОЙЕРС: То есть это энергетический центр?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Начальный звук (христианин назовет это словом Создателя), из которого родился весь мир, Большой взрыв, извержение божественной энергии и ее распространение во времени. Как только эта божественная энергия начинает распространяться во времени, из одного образуются две противоположности: одна становится другой. Эти две противоположности могут взаимодействовать тремя разными способами: первая доминирует над второй, вторая доминирует над первой и, наконец, они приходят к сбалансированному согласию. В результате следствием этих способов взаимодействия становится все, что находится внутри четырех четвертей пространства. В выдающемся философском трактате «Дао де цзин» говорится, что из Дао, из божественного, образуется Одно, из Одного образуется Два, из Двух образуется Три, а из Трех образуется все. Когда я осознал, что на Большой печати Соединенных Штатов есть два этих символических треугольника, наложенных друг на друга, то внезапно понял, что тринадцать точек на банкноте символизируют тринадцать штатов. Более того, на банкноте есть также шесть вершин: одна наверху, одна внизу и четыре (так сказать) – по четырем сторонам. На мой взгляд, смысл этого заключается в следующем: божественный голос слышен в любой точке пространства, что является величайшим постулатом демократии. Демократия исходит из того, что говорить и говорить правду может любой, где бы он ни находился, потому что его сознание не оторвано от Истины. Единственное, что от него требуется, – быть беспристрастным. Орел на однодолларовой купюре – это прекрасный образ того, как божественное проявляет себя в мире. Именно на этом и основаны Соединенные Штаты. Если ты намерен руководить должным образом, правильно, ты должен руководить с вершины, которую венчает глаз в треугольнике. Когда я учился в школе, нам дали прощальное обращение Джорджа Вашингтона к нации и велели выделить его основные положения. Я помню это обращение наизусть. Вашингтон сказал: «В результате нашей революции мы избавились от участия в хаосе, в котором погрязла Европа». Его последние слова были о том, что мы не участвуем ни в каких международных альянсах. Мы придерживались этого правила вплоть до Первой мировой войны. Потом мы аннулировали Декларацию независимости и примкнули к британскому завоеванию планеты. В результате сейчас мы находимся на одной стороне пирамиды. Сегодня мы политически, исторически поддерживаем одну из воюющих сторон. Мы не

представляем принцип, олицетворением которого является глаз над пирамидой. И все наши заботы связаны с экономикой и политикой, а не с голосом разума.

МОЙЕРС: Голос разума… Что это? Философское содержание мифологических символов?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Речь идет о важном переходе, состоявшемся около 500 года д. н. э. Это время Будды, Пифагора, Конфуция и Лао-цзы, если он вообще существовал. Это время пробуждения человеческого разума. Он больше не руководствуется ни грубой физической силой, ни расположением планет и не живет, как растение. Человек руководствуется разумом.

МОЙЕРС: Как положено…

КЭМПБЕЛЛ: …как положено человеку. Конечно, страсть разрушает разум. Главная страсть политиков – жадность. Вот что тащит нас на дно. Именно поэтому мы находимся внизу, а не на вершине пирамиды.

МОЙЕРС: Я понимаю, почему вы так трактуете Большую печать. Причина заключается в годах вашего ученичества и в вашем глубоком проникновении в мифологическую символику. Но разве эти люди, большинство из которых, как вы говорите, были деистами, не удивились бы такой мифологической подоплеке их усилий, направленных на создание новой страны?

КЭМПБЕЛЛ: Почему они использовали эти символы?

МОЙЕРС: Разве большинство из них не масонские?

КЭМПБЕЛЛ: Это масонские символы, а смысл тетрактиса Пифагора известен уже много веков. Информацию об этом можно найти в Библиотеке Томаса Джефферсона. В конце концов, отцы-основатели были образованными людьми. Эпоха Просвещения была эпохой образованных джентльменов. В политике немного людей такого уровня. Нашей нации очень повезло, что у этой группы джентльменов в то время были власть и возможность влиять на ход событий.

МОЙЕРС: Чем объяснить связь этих символов с масонством и тот факт, что многие отцы-основатели были масонами? Есть ли какая-нибудь связь между масонством и мифологией?

КЭМПБЕЛЛ: Да, я думаю, что есть. Известна научная попытка реконструкции инициации, которая привела бы к духовному просветлению. Отцы-основатели, которые были масонами, изучали египетские традиции и обычаи. В Египте пирамида символизирует первый холмик. Ежегодно, после того как разлившийся Нил возвращается в свои берега, первый обнажившийся холмик земли символизирует возрождение мира. Именно

таков смысл этой печати.

МОЙЕРС: Иногда меня сбивает с толку кажущееся противоречие в самой сердцевине вашей собственной системы верований. С одной стороны, вы восхваляете людей, ставших вдохновителями и творцами Эпохи разума, а с другой – вы приветствуете Люка Скайуокера из «Звездных войн», сказавшего: «Отключи компьютер и доверься своим чувствам». Как вам удается примерить науку, которая есть логика и разум, с верой, которая есть религия?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, нет, разум и мышление – разные вещи.

МОЙЕРС: Разум и мышление – разные вещи? Если я о чем-то думаю, я не продумываю это до конца?

КЭМПБЕЛЛ: Продумывание до конца – это один тип мышления. Но продумывание до конца необязательно логично. Поиск возможности преодолеть стену – это не логическое заключение. Мышь, ударившись носом о стену, понимает, что, возможно, стену можно обойти, размышляет точно так же, как мы. Но это не разум. Разум имеет отношение к нахождению основы всего сущего и фундаментальной структуры законов вселенной.

МОЙЕРС: Значит, когда эти люди говорили о том, что глаз Бога – это разум, они имели в виду, что основа нашего существования как общества, как культуры, как нации проистекает из фундаментального характера Вселенной?

КЭМПБЕЛЛ: Именно об этом говорит первая пирамида. Это пирамида мира, а это – пирамида нашего общества, и они одного и того же порядка. Это творение Бога, а это – наше общество.

МОЙЕРС: У нас есть мифология о животных, о засеянной семенами земле, о богине плодородия, У нас есть мифология о небесах, о небесном свете. Но сегодня мы ушли от животного мира, от природы и от засеянной земли, и звезды если и интересуют нас, то исключительно в связи с полетами в космос. Как сегодня обстоят дела с мифологией о человеке?

КЭМПБЕЛЛ: У нас еще очень долго не будет ее. Все слишком быстро меняется, и мифы не успевают сложиться.

МОЙЕРС: Как же мы будем жить без мифов?

КЭМПБЕЛЛ: Человек должен найти в мифе тот аспект, который имеет непосредственное отношение к его собственной жизни. Как правило, у мифа четыре функции. Первая – мистическая, та самая, о которой я говорил: осознание того чуда, какими являются Вселенная и ты сам, и чувство восторга перед этой тайной. Миф открывает таинственный мир, мир осознания того, что в основе всего лежит тайна. Без этого мифологии

нет. Если тайна есть во всем, что нас окружает, Вселенная становится, как она и была, святым местом. Вы всегда обращаетесь к божественной тайне через обстоятельства своего реального мира. Вторая функция мифа – космологическая, связанная с наукой; ее задача – показать, что такое Вселенная, но показать так, чтобы снова проступила тайна. Сегодня мы склонны думать, что у ученых есть ответы на все вопросы. Но великие ученые говорят: «Нет, у нас нет ответов на все вопросы. Мы рассказываем вам, как это работает, но что это такое?» Вы зажигаете спичку. Что такое огонь? Вы можете ответить, что происходит процесс окисления, но это ни о чем не говорит мне. Третья функция мифа – социологическая: поддержание и обоснование определенного общественного порядка. Именно этим мифы разных стран и народов сильно отличаются друг от друга. Есть мифология полигамии и есть мифология моногамии. И та, и другая хороши. Все зависит от того, где вы находитесь. Именно эта социологическая функция мифа и взяла верх в нашем мире и вышла из моды.

МОЙЕРС: Что вы имеете в виду?

КЭМПБЕЛЛ: Законы этики. Те законы жизни, которые должны быть в хорошем обществе. Все, что можно найти в текстах, датированных первым тысячелетием до н. э.: что носить, как вести себя друг с другом и так далее. И, наконец, четвертая функция мифа – педагогическая. Я считаю, что сегодня каждый должен пытаться установить с ней связь, ибо она может научить человека жить при любых обстоятельствах.

МОЙЕРС: Значит, старые мифы, которые передавались от одного поколения к другому, больше не функционируют, а новых мифов у нас еще нет?

КЭМПБЕЛЛ: Мифы, которые существуют на Западе, в той мере, в какой они основаны на Библии, базируются на представлениях о Вселенной, относящихся к первому тысячелетию до н. э. Они не соответствуют нашим представлениям ни о Вселенной, ни о достоинстве человека. Им место не здесь. Сегодня нам необходимо восстановить связь с мудростью природы и заново осознать нашу связь с животным миром, с водой и океаном. Утверждать, что мир наполняет божественное, значит быть обвиненным в пантеизме. Но пантеизм – слово, вводящее в заблуждение. Идея пантеизма заключается в том, что Бог обитает в мире, а речь идет совершенно о другом. Речь идет о транс-теологической идее, о не поддающейся определению, непостижимой тайне, которую считают силой, являющейся источником всего живого и сущего на земле и поддерживающей эту жизнь.

МОЙЕРС: Не кажется ли вам, что современные американцы

отказались от идеи древних о божественном происхождении природы, потому что эта идея помешала бы нам подчинить ее себе? Разве можно рубить деревья и корчевать пни и менять русла рек, не убив при этом Бога?

КЭМПБЕЛЛ: Да, но это не просто характеристика современных американцев. Это библейское проклятие природы, унаследованное ими от их собственной религии и пришедшее преимущественно из Англии. Бог отделен от природы, и Бог порицает природу. В Книге Бытия написано об этом: нам суждено стать хозяевами мира. Но если представить себе, что мы родились на этой земле, а не были заброшены сюда из космоса, становится понятно, что мы сами и есть эта земля, ее сознание. У земли есть глаза и голос.

МОЙЕРС: В последнее время ученые начинают открыто говорить о принципе Геи[8].

КЭМПБЕЛЛ: Жареный петух клюнул! Вся планета – единый организм.

МОЙЕРС: Мать-Земля. Появятся ли благодаря этому новые мифы?

КЭМПБЕЛЛ: Возможно. Предсказать возникновение мифа ничуть не легче, чем то, что вам приснится сегодня. Мифы и сны рождаются из одного и того же. Они являются следствием неких достижений, которые затем находят выражение в символической форме. И единственный миф, о котором стоит думать в ближайшем будущем, это миф о планете, не о городе и не об этих людях, а о планете и о каждом живущем на ней человеке. Таким, на мой взгляд, должен быть будущий миф. Он будет посвящен тому же, чему были посвящены все мифы, – становлению индивида: от детства через возмужание и до самой смерти, его взаимодействию с обществом и отношению этого общества к природе и космосу. Именно об этом рассказывали все мифы, об этом же должен быть и тот миф, который – будем надеяться – появится. А пока у нас ничего нет.

МОЙЕРС: Значит, вы считаете, что возможно появление нового мифа нашего времени?

КЭМПБЕЛЛ: Это основа того, каким должен быть миф. Она уже есть: здравый смысл, а не моя национальная принадлежность, здравый смысл, а не мои религиозные убеждения, здравый смысл, а не язык, на котором говорит моя община. Вы согласны? И это будет философией для всей планеты, а не для какой-то группы людей. Глядя на Землю с Луны, вы не видите ни народов, ни государств. И это может стать символом для грядущей новой мифологии. Вот страна, которую мы будем прославлять, а это люди, с которыми мы ощущаем единство.

МОЙЕРС: Никто не выразил эту этику так доходчиво, как вождь

индийского племени двамиш Сиэтл.

КЭМПБЕЛЛ: Вождь Сиэтл был одним из последних защитников морального порядка палеолита. Примерно в 1852 году правительство Соединенных Штатов обратилось к индейцам с предложением купить у них принадлежащую племени землю, чтобы расселить на ней вновь прибывших иммигрантов. Вождь Сиэтл ответил на это предложение потрясающим письмом. В нем отражена суть всей нашей дискуссии.

«Президент из Вашингтона шлет нам послание, в котором говорится, что он хочет купить нашу землю. Но как можно купить или продать небо, землю? Эта идея нам кажется странной. Если нам не принадлежит свежесть воздуха, блеск воды, как можно купить их? Каждый кусочек этой земли священен для моих людей. Каждая иголочка сосны, каждый песчаный берег, каждый туман, опустившийся на темнеющий лес, каждая опушка, каждый кузнечик в траве священны в памяти нашего народа. Соки, текущие в толще деревьев, мы знаем точно так же, как кровь, текущую в наших жилах. Мы часть земли, а она часть нас. Душистые цветы – наши сестры; Косуля, лошадь, великий орел – наши братья, вершины скалистых гор, сочные луга, тепло, исходящее от тела пони и человека, – все это члены одной семьи. Искрящаяся вода в наших реках – не просто вода, это кровь наших предков. Если мы продадим нашу землю, вы должны помнить, что она священна, и должны научить своих детей тому, что она священна, и тому, что каждый отблеск волны в наших реках рассказывает об истории народа. Журчание воды – это голос отца моего отца.

Реки – наши братья, они утоляют нашу жажду. По рекам плывут наши каноэ, реки кормят наших детей. Если мы продадим вам землю, вы должны научить своих детей тому, что реки наши братья, и вы должны поэтому отдать рекам всю доброту, которую вы отдаете братьям.

Краснокожие всегда отступали перед белым человеком подобно туману, рассеивающемуся на верхушках гор в лучах восходящего солнца. Но останки наших отцов священны. Их могилы священны, священны и эти холмы, и деревья, и земля, на которой мы живем. Мы знаем, что белый человек не понимает нашего образа жизни. Один участок земли для него такой же, как другой, он берет у земли все, что ему нужно, и уходит. Земля не брат для него, а враг, и когда он ее завоевывает, ему уже все равно, что с ней будет. Он захватывает землю для своих детей, и ему все равно, что с ней будет. Он забыл о могилах отцов и ему безразличны права его детей. Он обращается с матерью, землей, с братьями, с небом, как будто их можно купить, разорить, продать, как овцу или яркие бусы. С его аппетитом он проглотит землю и оставит за собой пустыню. Не знаю. Наш образ жизни

отличается от вашего. Вид ваших городов больно бьет по глазам. Но, возможно, это из-за того, что краснокожий человек дикарь и не понимает. В ваших городах не найти тихого места. Нигде нельзя услышать шелест весенних листьев или увидеть полет кузнечика. Но, вероятно, это из-за того, что я дикарь и не понимаю. Шум ваших городов закладывает мне уши. А какой смысл в жизни, если человек не слышит жалобную песню выпи или кваканье лягушек на закате дня? Я краснокожий и не понимаю этого. Индейцы предпочитают ласковый ветер, приходящий с озера, и запах самого ветра, очищенного послеполуденным дождем и напоенного ароматом сосен.

Воздух – богатство для краснокожего человека, потому как все существа дышат одним и тем же воздухом: звери, деревья, человек. Белый человек не замечает воздуха, которым дышит. Как лежащий на протяжении многих дней мертвец, он не чувствует своей вони. Но если мы продадим вам землю, вы должны помнить: воздух драгоценен, в нем живет дух, поддерживающий все живое. Ветер, который дал нашим праотцам первый вдох, получил их последний выдох. И ветер также дает нашим детям дух жизни. И если мы продадим вам землю, вы должны поддерживать ее святость, где даже белый человек может узнать, что такое ветер, напоенный ароматом полевых цветов. Поэтому мы рассмотрим ваше предложение о покупке земли. Если мы решим его принять, у меня есть одно условие. Белый человек должен обращаться с животными на этой земле, как со своими братьями. Я дикарь и не понимаю другого образа жизни. Я видел тысячи гниющих бизонов в прериях, убитых белым человеком из проходящего поезда. Я дикарь и не понимаю, как дымящий стальной конь может быть важнее, чем бизон, который дает нам жизнь. Что такое человек без животных? Если бы все животные умерли, люди умерли бы от великого одиночества духа. Потому как то, что случается с животными, случается и с людьми. Все вещи связаны друг с другом.

Вы должны научить своих детей, что земля под ногами – это прах их отцов. Чтобы они начали уважать землю, скажите детям, что она обогащена жизнью нашего рода. Научите ваших детей тому, чему мы учим своих: тому, что земля – наша родная мать. Что бы ни выпадало на долю матери, выпадает на долю ее сыновей. Если люди плюют на землю, они плюют на себя самих. Мы это знаем. Земля не принадлежит человеку; человек принадлежит земле. Мы это знаем. Все вещи кровно связаны между собой, как члены одной семьи. Все, что выпадает на долю земли, выпадает на долю ее сыновей. Не человек сплел паутину жизни, он в ней только ниточка. Все, что он делает с паутиной, он делает с самим собой. Но мы

рассмотрим ваше предложение о переходе в резервацию, которую вы для нас предусмотрели. Мы будем жить раздельно от вас и в мире. И не имеет особого значения, где мы проведем остаток дней. Наши дети увидят унижения своих отцов. Наши воины окажутся посрамленными и после поражения будут проводить дни в безделье, отравляя себя сладкой едой и крепкими напитками. Не имеет значения, где мы проведем остаток своих дней. Этих дней осталось немного. Еще несколько зим – и не останется детей из нашего великого племени, которое когда-то обитало на этой земле или бродило по лесам; некому будет оплакивать могилы предков, когда-то таких же сильных, как вы. Но зачем мне грустить по поводу ухода моего народа? Люди приходят и уходят, словно волны в море. Даже белый человек, чей Бог ходит и разговаривает как друг, не может избежать общей участи. Мы можем в конце концов стать братьями. Посмотрим. Мы знаем одно, о чем белый человек однажды узнает тоже: наш Бог – это и ваш Бог. Вы думаете, что, поскольку он ваш, вы можете хотеть получить нашу землю, но это не так. Он Бог людей и одинаково сострадает и белому, и краснокожему. Эта земля для него драгоценна, обижать землю – все равно что обижать ее Творца. Белые люди тоже уйдут, возможно, даже быстрее, чем другие племена. Но уходя, вы будете ярко гореть в лучах, которыми Бог вас осветил и по какой-то причине дал власть над этой землей и над краснокожими людьми. Эта судьба для нас загадка, потому что мы не понимаем, почему бизонов убивают, диких лошадей объезжают, заповедные места заполняются людьми, а чудесные холмы опутывают сети проводов. Где чаща леса? Ее нет. Где орлы? Их нет. А что значит попрощаться с быстрой лошадью и охотой? Это значит, что жизнь кончается и начинается выживание. Мы рассмотрим ваше предложение о покупке земли. Если мы согласимся, нам потребуется надежная резервация. Там мы будем доживать остаток наших коротких дней так, как хотим. Когда с этой земли уйдет последний краснокожий и его память превратится в небольшое облачко над прерией, эти берега и леса по-прежнему будут сохранять дух моего народа. Потому что они любят эту землю так, как новорожденные любят стук сердца своей матери. Поэтому, если мы продадим вам нашу землю, любите ее так, как любим ее мы. Берегите ее, как бережем мы. Храните память о земле, которую забираете. И со всей силой, со всем умом, со всем сердцем сохраните ее для ваших детей и любите ее… как Бог любит нас всех. Мы знаем одно: наш Бог – это и ваш Бог. Для него эта земля драгоценна. Ему все равно, белый это человек или краснокожий. Мы можем стать братьями, в конце концов».

Глава II
Внутреннее путешествие

Из мифов мы узнаём, что голос спасения звучит со дна бездны. Настоящие изменения начинаются после того, когда будет пережит самый темный момент. Из тьмы рождается свет

МОЙЕРС: Однажды кто-то спросил меня: «Почему вас так тянет ко всем этим мифам? Что вас привлекает в том, о чем говорит Джозеф Кэмпбелл?» И я ответил: «Эти мифы говорят со мной, раскрывая мне ту истину, которую я знаю, но которая находится глубоко внутри меня». Почему это так? Почему мне кажется, что все эти истории рассказывают мне о том, что я уже знаю? Происходит ли это знание из самого основания моего существа, из глубин бессознательного, которое я унаследовал от всех, кто жил до меня?

КЭМПБЕЛЛ: Именно так. У вас такое же тело с такими же органами и импульсами, что было и у кроманьонца тридцать тысяч лет назад. Неважно, живете вы в Нью-Йорке или в пещерах, вы проходите через одни и те же стадии развития – от младенчества до сексуальной зрелости, от детской зависимости ко взрослой ответственности, браку, увяданию, постепенной потере сил и, наконец, смерти. У вас то же тело, тот же телесный опыт и те же реакции на определенные образы. Например, одно из часто встречающихся изображений показывает вражду орла и змея. Змей, ползающий по земле, и орел, вознесшийся в духовном полете, разве они не символизируют конфликт, который все мы переживаем? И потом, когда эти двое сливаются, получается чудесный дракон – змей с крыльями. Во всем мире люди распознают эти образы. Читая мифы полинезийцев, ирокезов или египетские мифы, я нахожу одни и те же образы, и они говорят об одних и тех же проблемах.

МОЙЕРС: Они просто принимают разный облик в разное время?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Как если бы одну и ту же пьесу играли бы в разных местах, и в каждом месте местные актеры надевали бы характерные для этой местности костюмы и разыгрывали бы все ту же старую пьесу.

МОЙЕРС: И эти мифические образы переходят из поколения в поколение почти бессознательно.

КЭМПБЕЛЛ: Это невероятно увлекательно, потому что они рассказывают о глубинной тайне, которая кроется в нас самих и во всем

вокруг. Это мистерия, тайна, одновременно устрашающая и очаровывающая – пугающая, потому что она переворачивает все наши привычные представления о жизни, и в то же время совершенно завораживающая, потому что она связана с нашим собственным бытием. Когда начинаешь думать об этих вещах, о глубокой внутренней тайне, внутренней жизни, вечной жизни, найдется не так уж много образов, способных это передать. И тогда обращаешься к тем образам, которые уже присутствуют в какой-то другой системе мышления.

МОЙЕРС: В Средневековье люди воспринимали этот мир так, будто бы он передавал им определенные послания, которые они в состоянии прочитать.

КЭМПБЕЛЛ: Разумеется. Мифы помогают прочесть эти сообщения. Они рассказывают о наиболее типичных возможностях и вероятных ситуациях.

МОЙЕРС: Приведите пример.

КЭМПБЕЛЛ: Например, одна из тем, которая звучит в мифах, говорит нам о том, что на дне бездны нас ожидает спасение. Настоящие изменения начинаются, когда будет пережит самый темный момент. Из тьмы рождается свет.

МОЙЕРС: Как в стихотворении Рётке[9]: «В темное время глаз начинает видеть». Вы говорите, что мифы помогли вам все это понять.

КЭМПБЕЛЛ: Я живу с этими мифами, и они все время говорят мне об этом. Метафорически это можно представить как отождествление с Христом внутри себя. Христос в вас не умирает. Христос в вас переживает смерть и воскресает. Точно так же это можно представить через образ Шивы. «Я есть Шива» – прекрасная мантра, которую повторяют во время медитации йоги в Гималаях.

МОЙЕРС: И рай, к которому так стремятся многие люди, тоже находится внутри нас.

КЭМПБЕЛЛ: Рай и ад находятся внутри нас, и все боги внутри нас. Это великое понимание содержится в древнеиндийских Упанишадах, которые датируются IX веком до нашей эры. Все боги, все небеса, все миры находятся внутри нас. Мифы – как увеличенные в несколько раз сны, а сны – это символические проявления наших внутренних энергий, которые конфликтуют друг с другом. Вот что такое миф. Миф – это символическое, метафорическое представление энергий разных органов нашего тела, которые находятся в конфликте друг с другом. Один орган хочет одного, другой – другого. Мозг также является одним из органов.

МОЙЕРС: Поэтому, когда мы спим, мы ловим рыбу в огромном

мифологическом океане…

КЭМПБЕЛЛ: …невероятно глубоком и бескрайнем. У нас может быть масса комплексов или что-то подобное, но на самом деле, как говорит полинезийская поговорка, «стоя на ките, мы ловим пескарей». Мы стоим на ките. Основа мироздания – это и наша основа, и когда мы обращаем свой взгляд вовне, то неизбежно сталкиваемся с многочисленными мелкими проблемами на каждом шагу. Но если мы заглянем внутрь себя, то увидим, что источник всех этих проблем на самом деле в нас.

МОЙЕРС: Вы говорите о мифологии сновидений. Что представляет собой то время, когда мы спим?[10]

КЭМПБЕЛЛ: В это время мы погружаемся в сон, в котором динамика нашей внутренней психической реальности отражается через призму внешних условий нашей жизни.

МОЙЕРС: Поясните.

КЭМПБЕЛЛ: Например, вы беспокоитесь по поводу предстоящего экзамена. Тогда вам может присниться, что в чем-то вы потерпели неудачу, которая будет символическим образом связана со многими другими неудачами и провалами, случавшимися в вашей жизни. Они все как будто бы сливаются в одну. Фрейд говорит, что ни один сон не может быть истолкован до конца. Сон – это неисчерпаемый источник духовной информации о самом себе.

Тот уровень сна, который имеет отношение к вопросам вроде «Сдам ли я экзамен?» или «Стоит ли мне жениться на этой девушке?», – чисто личный. Но на другом уровне проблема сдачи экзамена – это не только сугубо личная проблема. Каждый должен пройти через какое-то испытание. Это архетипическая история. Таким образом, в каждом сне присутствует некое мифологическое содержание. Эти два уровня сновидения – личный и коллективный, где единичная индивидуальная проблема оказывается лишь одним из проявлений какого-то из аспектов более общей проблемы, – встречаются во всех культурах. Например, каждый сталкивается с проблемой смерти. Тайна смерти волнует всех.

МОЙЕРС: Что мы можем узнать из наших снов?

КЭМПБЕЛЛ: Сны рассказывают нам о нас.

МОЙЕРС: Как можно работать со сном?

КЭМПБЕЛЛ: Все, что вам нужно сделать, это, в первую очередь, запомнить ваш сон и записать его. Затем возьмите один из эпизодов вашего сна, один или два образа, и подумайте, какие ассоциации приходят вам в голову в связи с ними. Запишите, что приходит на ум, и проделайте это упражнение несколько раз. Вы обнаружите, что в основе сна будет

совокупность переживаний, которые имеют какое-то значение в вашей жизни и влияют на вас, хотя вы этого и не знали. Вскоре вам приснится следующий сон, и ваша интерпретация получит дальнейшее развитие.

МОЙЕРС: Один человек однажды сказал мне: он не помнит, чтобы ему что-то снилось до его ухода на пенсию. Внезапно, когда он перестал ходить на работу и концентрировать свою энергию ему стало не на чем, он начал видеть сны. Не кажется ли вам, что в современном обществе недооценивают значение сновидений?

КЭМПБЕЛЛ: С тех пор как была опубликована работа Фрейда «Толкование сновидений», важность сновидений не подвергалась сомнению. Но сновидения интерпретировались и до этого. У людей были суеверные представления о снах. Например: «Что-то произойдет, потому что во сне я видел, как это случилось».

МОЙЕРС: Чем миф отличается от сна?

КЭМПБЕЛЛ: О, сновидение – это персональное переживание того глубинного, темного материала, который поддерживает наше осознанное существование, а миф – это общественное сновидение. Миф – это коллективное сновидение, а сновидение – это персонифицированный миф. Если ваш личный миф, ваш сон, совпадает с общественным, то вы пребываете в согласии с той группой, к которой принадлежите. Если это не так, впереди вас ждут приключения в темном лесу.

МОЙЕРС: Иными словам, если мои личные сновидения согласуются с общественной мифологией, моя жизнь в этом обществе, скорее всего, будет более благополучной. Но если мои сны не идут в ногу с коллективными…

КЭМПБЕЛЛ: …быть беде. Если вы вынуждены жить в этой системе, вы будете невротиком.

МОЙЕРС: Но разве большинство провидцев, лидеров и героев не находятся на границе невротического спектра?

КЭМПБЕЛЛ: Да, так и есть.

МОЙЕРС: Как вы это объясняете?

КЭМПБЕЛЛ: Они покинули пределы того общества, которое могло бы защитить их, они ушли в темный лес, в мир огня, мир первородного опыта. Никто не объяснял нам суть этого опыта, поэтому каждый должен постигнуть его самостоятельно. Либо вы это принимаете, либо нет. Не нужно далеко ходить, чтобы оказаться в очень трудной ситуации. Мужество противостоять испытаниям и принести другим людям совершенно новый пласт возможностей, расширяющих область осознаваемого опыта, – это поступок героя.

МОЙЕРС: Вы говорите, что сны – порождение нашей психики.

КЭМПБЕЛЛ: Я не знаю, откуда еще они могли бы прийти. Они возникают в воображении, не так ли? Воображение исходит от энергии тела и органов чувств, которые одинаковы у всех людей. Поскольку основа воображения имеет биологическую природу, оно ожидаемо будет создавать определенные образы. Сны – это сны. Сновидения обладают определенными универсальными характеристиками, независимо от того, кому они снятся.

МОЙЕРС: Мне кажется, сон – это что-то очень личное, тогда как миф – что-то очень общественное.

КЭМПБЕЛЛ: На некоторых уровнях в индивидуальные сновидения проникают поистине мифологические сюжеты, и они не могут быть истолкованы иначе, чем по аналогии с мифом. Юнг говорит о двух измерениях сна, личном и архетипическом, или мифологическом. Можно интерпретировать личный сон методом ассоциаций, разбираясь в значении сна применительно к вашей реальной жизни и реальным проблемам. Но время от времени приходят такие сны, которые являют собой миф в чистом виде, которые несут мифологическое содержание, которые как будто бы несут с собой послание от Христа, живущего внутри нас.

МОЙЕРС: Послание от архетипов, образующих бессознательную основу нашей души.

КЭМПБЕЛЛ: Это верно. Время сна – это еще и время до начала времен, сущее в непрекращающейся длительности. В Индонезии существует важный миф, рассказывающий об этом мифологическом времени и о его завершении. В начале, согласно этой истории, у наших предков не было половых различий. Не было ни рождений, ни смертей. Но однажды, во время великого коллективного танца, один из участников был растоптан насмерть и разорван на куски, которые затем были погребены. В момент этого убийства произошло разделение полов, а вместе со смертью пришло рождение, так как из похороненных частей выросли съедобные растения. Настало время рождений, смертей, убийств и поедания других живых существ для сохранения жизни. Вневременное бытие завершилось, когда было совершено коллективное преступление, преднамеренное убийство или жертва.

Одна из главных задач мифологии – примирение сознания с жесткими условиями жизни, то есть с необходимостью убивать и есть других, чтобы выжить. Вы не сможете обмануть себя, употребляя в пищу одни только овощи, ведь в них тоже есть жизнь. Таким образом, залог сохранения жизни – в поедании другой жизни! Жизнь возможна за счет других жизней, и функция некоторых жестоких обрядов как раз и состоит в том, чтобы

примирить разум и чувства с этим фундаментальным фактом. Во время таких обрядов могут совершаться ритуальные убийства, имитирующие то первоначальное убийство, из которого возник мир и само время, участниками которого мы все являемся. Примирение сознания с условиями жизни – основополагающая задача всех мифов о сотворении мира. В этом отношении они очень похожи друг на друга.

МОЙЕРС: А если взять, например, историю сотворения мира, изложенную в Книге Бытия, она тоже будет похожа на другие подобные истории?

КЭМПБЕЛЛ: Давайте вы будете читать строки из Книги Бытия, а я буду приводить цитаты из мифов творения, существующих в других культурах, и мы посмотрим.

МОЙЕРС: Книга Бытия, 1: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною».

КЭМПБЕЛЛ: А вот строки из «Песни мира» индейского племени пима в Аризоне: «В начале везде была только тьма – тьма и вода. Тьма сгустилась в некоторых местах, и из нее возник Создатель».

МОЙЕРС: Книга Бытия, 1: 2, 3: «И Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет».

КЭМПБЕЛЛ: А это древнеиндийский трактат Упанишады, созданный в VIII веке до нашей эры. «Вначале было только одно великое Я, наделенное обликом человека. Оглянувшись, оно не увидело ничего, кроме себя самого. Тогда его первыми словами стали: „Я есть“»[11].

МОЙЕРС: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь».

КЭМПБЕЛЛ: А теперь из легенды народов бассари, проживающих в Западной Африке: «Унумботте создал человека. Его имя было Мужчина. Затем Унумботте создал антилопу, названную Антилопой. Унумботте создал змея, названного Змеем. И сказал им Унумботте: „Земля еще не притоптана. Вы должны утрамбовать и выровнять землю, на которой вы живете“. Унумботте дал им всевозможные семена и сказал: „Идите и посадите их“».

МОЙЕРС: Книга Бытия, 2: 1, 2: «Так совершены небо и земля и все воинство их. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал».

КЭМПБЕЛЛ: И теперь снова читаем у индейцев пима: «Я создаю мир и вот, мир завершен. Так я создаю мир, и вот! Мир завершен».

МОЙЕРС: Книга Бытия, 1: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот,

хорошо весьма».

КЭМПБЕЛЛ: И снова из Упанишад: «„Поистине, я есмь творение, ибо я сотворил все это“. Так он стал творением. Кто знает это, тот находится в этом его творении»[12].

В этом и кроется разгадка. Когда вы знаете это, то принимаете творческий принцип существования, который реализуется через волю Божью в этом мире, то есть и через вас тоже. Это прекрасно.

МОЙЕРС: Далее в Книге Бытия следует: «Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела».

Вы говорите о перекладывании ответственности на других. Это началось очень давно.

КЭМПБЕЛЛ: Да, змеям приходилось нелегко. Легенда бассари продолжается так же. Однажды Змей сказал: «Мы тоже должны есть эти плоды. Почему мы должны голодать?» Антилопа сказала: «Но мы ничего не знаем об этом плоде». Тогда Человек и его жена взяли некоторые плоды и съели его. Унемботте спустился с неба и спросил: «Кто съел плоды?» Они ответили: «Мы съели». Унемботте спросил: «Кто сказал вам, что вы можете съесть эти плоды?» Они ответили: «Змей сказал». Очень похожая история.

МОЙЕРС: Что это означает? Что в этих двух историях основные участники указывают на кого-то другого как на виновника грехопадения?

КЭМПБЕЛЛ: Да, и в обоих случаях им оказывается змей. В обеих этих историях змея является символом жизни, отбрасывающей прошлое и продолжающей жить.

МОЙЕРС: Почему?

КЭМПБЕЛЛ: Сила жизни заставляет змею сбрасывать кожу точно так же, как луна отбрасывает тень. Змей сбрасывает кожу, чтобы родиться вновь, точно так же, как и луна отбрасывает тень, чтобы возродиться снова. Это эквивалентные символы. Иногда змей изображается свернувшимся в кольцо и кусающим собственный хвост. Это символ жизни. В течение жизни одно поколение сменятся другим, и таким образом жизнь продолжается. Одно приходит на смену другому. Змей олицетворяет бессмертную энергию и сознание, жизненную силу, которая отвергает смерть и рождается заново. Есть что-то грандиозное и ужасное в жизни, если посмотреть на нее с этой точки зрения. И поэтому змей несет в себе одновременно чувства восхищения жизнью и ужаса от нее.

Кроме того, змей олицетворяет собой основную функцию жизни, главным образом, поедание. Жизнь питается жизнью других существ.

Жизнь существует за счет другой жизни. Вы не очень-то задумываетесь об этом, когда готовите вкусную еду. Но ведь суть ваших действий в том, чтобы съесть то, что недавно было живым. Посмотрите на то, что происходит в природе, например, когда птицы что-то клюют – ведь они что-то едят. Вы видите, как пасутся коровы, они тоже что-то поедают. Змей – это символическое изображение пищеварительного тракта, вот и все. Такое первобытное, примитивное понимание жизни может повергнуть в шок, но таковой она и является.

Жизнь продолжается за счет убивания и поедания других, отвергая смерть и возрождаясь, как луна. Это одна из тех тайн, которую пытаются передать все эти символические парадоксальные формы.

В большинстве культур змея выступает как положительный персонаж. В Индии даже самая ядовитая змея, кобра, является священным животным, а мифологический Царь Змей – полубог и защитник Будды. Змей представляет собой жизненную силу, существующую в пространстве времени и подчиняющуюся циклу смерть – жизнь, умирающую и воскрешающуюся. Мир – это его тень, сброшенная кожа.

В традиции американских индейцев змея почитают. Змей считался очень важной силой, с которой нужно было дружить. Одной из таких народных традиций является танец хопи, во время которого танцоры берут змей в рот, чтобы подружиться с ними, после чего их выпускают обратно на холмы. Змеи отправляются назад, чтобы передать холмам послание от человека, точно так же, как до этого они передали послание холмов человеку. Взаимодействие человека и природы проиллюстрировано в этих отношениях со змеем. Змей струится, как вода, и принадлежит водной стихии, но его язык постоянно вспыхивает огнем. Итак, в змее соединяются две противоположности.

МОЙЕРС: В христианской традиции змей является искусителем.

КЭМПБЕЛЛ: Это означает отказ от принятия жизни такой, какая она есть. В библейской традиции, которую мы унаследовали, жизнь ассоциируется с развратом, и каждый естественный импульс считается греховным, если только он не был освящен церковью. Змей принес грех в этот мир. А женщина была той, кто передал яблоко мужчине. Такое отождествление женщины с грехом, змеи с грехом и, таким образом, жизни в целом с грехом оказывается поворотным моментом всей библейской истории и основой учения о грехопадении.

МОЙЕРС: Присутствует ли идея о греховности женщин в других мифах?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, мне такие сюжеты больше нигде не встречались.

Отчасти об этом рассказывается в истории про ящик Пандоры, но там все же не про грех, а про определенные неприятности. Идея библейской традиции грехопадения заключается в том, что природа, как мы ее знаем, греховна, секс сам по себе греховен, а женщина как воплощение сексуальности является развратной. Почему знание о добре и зле было запрещено Адаму и Еве? Без этих знаний мы все оставались бы кучкой младенцев, все еще находящихся в Эдеме, без какого-либо самостоятельного участия в жизни. Женщина приносит в мир жизнь. Ева – мать всего мирского. Раньше было только вневременное существование в Эдемском саду – ни времени, ни рождения, ни смерти, ни жизни. Змей, который умирает и воскресает, сбрасывая и обновляя кожу, становится властелином центрального дерева, где сходятся время и вечность. На самом деле, он – главный бог в Эдемском саду. Яхве просто гуляет там, наслаждаясь вечерней прохладой, навещая его. Сад – место, принадлежащее Змею. Это старая, старая история. Существуют шумерские печати, относящиеся еще к 3500 году до нашей эры, с изображением змея, дерева и богини, на которых богиня дает плод жизни пришедшему мужчине. Это древнее повествование о богине.

Много лет назад в одном фильме я увидел фантастическую историю о бурманской жрице-змее, которая должна была принести дождь своим людям, и для этого ей надо было подняться по горной тропе, вызвать королевскую кобру из своего логова и поцеловать ее три раза в нос. Кобра в данном случае является дарителем жизни, дарителем дождя, божественной позитивной фигурой, а не отрицательной.

МОЙЕРС: Но как вы объясните разницу между этим образом и образом змеи в Книге Бытия?

КЭМПБЕЛЛ: На самом деле существует историческое объяснение, основанное на пришествии евреев в Ханаан и их подчинении народам Ханаана. Главным божеством народа Ханаана была богиня, символически изображавшаяся в образе змеи. Это символ тайны жизни. Ориентированная на богов-мужчин община отвергла ее. Другими словами, в истории Эдемского сада имеет место отвержение Богини-Матери.

МОЙЕРС: Кажется, эта история, приписывающая Еве ответственность за грехопадение, сослужила женщинам очень плохую службу. Почему женщины несут ответственность за падение?

КЭМПБЕЛЛ: Они символизируют жизнь. Мужчина не может прийти в этот мир без женщины, которая дает ему жизнь. Это женщина приводит нас в этот мир, полный противоположностей и страданий.

МОЙЕРС: Что именно миф об Адаме и Еве рассказывает нам о

противоположностях? В чем его значение?

КЭМПБЕЛЛ: Понимаете, все началось с греха, то есть с выхода из мифологического вневременного пространства Эдемского сада, где мужчины и женщины даже не знают, что они отличаются друг от друга. Эти двое – просто существа. Бог и человек практически одинаковы. Бог прогуливается в вечерней прохладе сада, где находятся и они. И тогда они едят яблоко и познают противоположности.

И когда они обнаруживают, что они разные, то познают свой стыд и укрываются. Понимаете, они не думали о себе как о противоположностях. Мужчины и женщины – это одна противоположность. Другая противоположность – это человек и Бог. Добро и зло – это третья противоположность. Самые базовые противоположности – это половые различия между людьми и противопоставление человека и Бога.

Затем приходит идея добра и зла. И поэтому можно сказать, что Адам и Ева были изгнаны из Сада вечного единства именно вследствие понимания этой двойственной природы мира. Чтобы жить в мире, приходится жить по принципам дуальности.

В индуизме есть изображение треугольника, символизирующего Богиню-мать, а точка в центре треугольника воплощает энергию трансцендентного, входящего в поле времени. От этого треугольника в разные стороны расходятся пары других треугольников. Из одного происходят два. В рамках пространства-времени все представляет собой пары противоположностей. Итак, происходит определенный сдвиг в сознании – от сознания идентичности к сознанию участия в дуальности. И тогда вы попадаете в поле времени.

МОЙЕРС: Неужели эта история рассказывает нам о единстве жизни, которая существовала до того, что произошло в Эдемском саду, и о том, что уничтожило ее?

КЭМПБЕЛЛ: Это вопрос уровней сознания. Необязательно привязываться к чему-то, что произошло. Существует область сознания, где вы можете идентифицировать себя с тем, что находится вне противоположностей.

МОЙЕРС: И что это?

КЭМПБЕЛЛ: У этого нет имени. Это невозможно назвать. Оно превосходит все имена.

МОЙЕРС: Бог?

КЭМПБЕЛЛ: Слово «Бог» вносит некоторую неясность, потому что оно обозначает то, что известно. Но трансцендентность непознаваема и неизвестна. Наконец, Бог превосходит то, что заключено в слове «Бог». Бог

находится за пределами имен и форм. Майстер Экхарт[13] сказал, что самый важный этап – оставить Бога Богу, отказаться от своего представления о Боге, чтобы почувствовать Бога, который находится вне всякого понимания.

Таинство жизни превосходит человеческое воображение. Наши знания о мире определяются в категориях противоположностей: бытие и небытие, множество и единичность, правда и ложь. Мы всегда мыслим противоположностями. Но Бог как Абсолют находится за пределами противоположностей, он представляет единство всего.

МОЙЕРС: Почему мы мыслим противоположностями?

КЭМПБЕЛЛ: Потому что мы не можем мыслить по-другому.

МОЙЕРС: Такова природа реальности в нашем мире.

КЭМПБЕЛЛ: Такова природа нашего восприятия реальности.

МОЙЕРС: Мужчина-женщина, жизнь-смерть, добро-зло…

КЭМПБЕЛЛ: …я и ты, это и то, правда и ложь – у всего есть своя противоположность. Но мифология предполагает, что за этой двойственностью существует сингулярность, и все это напоминает игру теней. «Вечность влюблена в творения времени», – говорит поэт Блейк.

МОЙЕРС: Что это значит: «Вечность влюблена в творения времени»?

КЭМПБЕЛЛ: Источником бренной жизни является вечность. Вечность проливается в мир. Основная мифологическая идея заключается как раз в присутствии божественного в нас. В Индии бог, который находится во мне, называется «жителем» тела. Чтобы отождествить себя с этим божественным, бессмертным аспектом себя, нужно идентифицироваться с божественным началом.

Вечность выходит за рамки каких-либо умозрительных категорий. Это важный момент во всех великих восточных религиях. Мы хотим думать о Боге. Бог – это мысль. Бог – это имя. Бог есть идея. Но идея Бога отсылает нас к тому, что лежит за гранью любого познания. К великой тайне бытия неприложимы категории мышления. Как сказал Кант, «вещь в себе» непознаваема. Вещь в себе не является собственно вещью, она находится за пределами познаваемого мира. Истинные вещи невозможно вербализировать, потому что они непознаваемы и недоступны опыту.

Вещи второго порядка обычно неправильно истолковываются, потому что они имеют отношение к тому, о чем невозможно помыслить, следовательно, все мысли о них будут неверными. Вещи третьего порядка – это то, о чем мы говорим. А миф как раз представляет собой отсылку к тому, что абсолютно трансцендентно.

МОЙЕРС: Тому, что не может быть познано или названо, мы можем лишь попытаться придать словесную форму.

КЭМПБЕЛЛ: Основным словом для обозначения трансцендентного в нашем языке служит слово «Бог». Получается, что мы тем самым создаем некое понятие. Мы думаем о Боге как об Отце. В религиях, где основным божеством и творцом является Мать, все ее тело – это вселенная. Она везде и нигде. В то же время Бог-мужчина всегда где-то присутствует. Мужчины и женщины – это всего лишь две стороны одного и того же начала. Половой диморфизм возникает на поздних стадиях развития. Биологически амеба – это ни мужчина, ни женщина. Первичные клетки – это только клетки и ничего больше. Они делятся и размножаются без какого-либо сексуального подтекста. Я не могу точно сказать, когда именно возникают половые различия, но это происходит намного позже. Поэтому абсурдно говорить о том, что Бог принадлежит к тому или другому полу. Божественная сила не имеет половых признаков.

МОЙЕРС: Разве не приходится облекать в привычные слова то, что совершенно непостижимо, чтобы попытаться понять это. Бог как мужчина, Бог как женщина…

КЭМПБЕЛЛ: Да, но идея останется непонятной, если продолжать мыслить категориями «он» и «она». Такие понятия и категории могут стать разве что трамплином в трансцендентное, а трансцендентное само по себе предполагает необходимость выйти за пределы, преодолеть двойственность. Все, что находится в пространстве-времени, имеет двойственную природу. Каждое воплощение проявляется либо как мужчина, либо как женщина, и каждый из нас является воплощением Бога. Можно сказать, что человек рождается, воплощая лишь один из аспектов метафизической двойственности. И это отображается в мистических культах, где человек проходит через серию посвящений, которые раскрывают ему его глубинную сущность, а потом в определенный момент он понимает, что он и смертный, и бессмертный, мужчина и женщина.

МОЙЕРС: Как вы думаете, было такое место, как Эдемский сад?

КЭМПБЕЛЛ: Конечно, нет. Эдемский сад – метафора невинности, там нет времени, нет противоположностей, и это первичный центр, из которого начинает развиваться сознание.

МОЙЕРС: Но если в идее Эдема присутствует такая невинность, что с ней происходит? Не оказывается ли она во власти страха?

КЭМПБЕЛЛ: Именно. Есть замечательная история о божестве, о «Я», которое говорит: «Я есть». Как только оно произносит «Я есть», оно боится.

МОЙЕРС: Почему?

КЭМПБЕЛЛ: Это божество было единой сущностью. Затем оно

подумало: «Чего я должен бояться, ведь я единственное, что есть». И как только оно сказало это, оно почувствовало себя одиноким и захотело, чтобы появился другой, и так оно почувствовало желание. Оно разделилось на две части, став мужчиной и женщиной, и так произошел мир[14].

Первый опыт, с которым сталкивается плод в утробе матери, – это страх. Есть такой чешский психиатр, проживающий сейчас в Калифорнии, Станислав Гроф, который годами лечил людей ЛСД. И он обнаружил, что некоторые из них заново переживают опыт рождения, а первым этапом при этом повторном опыте рождения оказывается переживание состояния плода в утробе матери без какого-либо чувства «я» или бытия. Затем незадолго до рождения начинается сокращение матки и появляется ощущение страха! Страх – это первое чувство, которое возникает после того, как говоришь «Я есть». Затем наступает ужасная стадия родов с прохождением сложного пути по родовым каналам, а затем, наконец, – свет. Можете себе представить! Разве неудивительно, что этот процесс в точности отображен в мифе, когда божество говорит: «Я есть», – и тут же испытывает страх. И затем, когда оно понимает, что оно одиноко, в нем просыпается желание другого, и оно становится вторым. Это обозначает приход в этот мир, где царствуют противоположности.

МОЙЕРС: Получается, что у всех нас есть много общего, раз многие из этих мифов содержат сходные элементы – запретный плод, женщину? Например, мифы о сотворении мира, в них всегда есть ряд запретов. Но мужчина и женщина восстают против запретов и идут своим путем. Несмотря на то что я уже много лет читаю все эти истории, я не перестаю восхищаться ими и теми схожими чертами, которые присутствуют в таких отделенных друг от друга культурах.

КЭМПБЕЛЛ: Есть такой стандартный фольклорный мотив под названием «Одна запретная вещь». Помните Синюю Бороду, который говорит своей жене: «Не открывай этот шкаф»? И всегда найдется кто-то, кто нарушит запрет. В ветхозаветной истории Бог указывает на одну запрещенную вещь. Бог, должно быть, прекрасно знал, что человек собирается съесть запретный плод. Но именно благодаря этому человек становится творцом своей собственной жизни. Настоящая жизнь начинается с этого акта непослушания.

МОЙЕРС: Как вы объясните эти сходства?

КЭМПБЕЛЛ: Этому есть два объяснения. Одно объяснение состоит в том, что человеческая психика, по существу, одинакова для всех. Психика – это внутреннее восприятие человеком своего тела, которое на самом деле ничем не отличается от тел других людей; у всех людей одни и те же

органы, инстинкты, импульсы, внутренние конфликты и страхи. Эти типологические для всех образы Юнг назвал архетипами, и именно на них построено содержание мифов.

МОЙЕРС: Что такое архетипы?

КЭМПБЕЛЛ: Это элементарные идеи, которые можно назвать «базовыми» идеями или прототипами. Такие идеи Юнг определял как архетипы, живущие в бессознательном. «Архетип» в данном случае – это более подходящий термин, поскольку понятие «элементарная идея» предполагает работу мысли. Бессознательная природа архетипа означает то, что он приходит к нам из глубин. Различие между юнги-анскими архетипами бессознательного и фрейдистскими комплексами заключается в том, что архетипы становятся проявлениями органов тела и их энергий. Архетипы биологически обусловлены, тогда как фрейдистское бессознательное представляет собой совокупность вытесненных травматических переживаний, имевших место в жизни человека.

Фрейдистское бессознательное – это личное бессознательное, оно автобиографично. Юнгианские архетипы имеют биологическое начало. Биографический материал является в данном случае второстепенным.

Во всем мире и в разное историческое время эти архетипы или элементарные идеи появлялись в разных обличиях. Эти внешние различия возникали под влиянием окружающей среды и исторических условий. Именно эти различия больше всего интересует антропологов, в чьи задачи входит идентифицировать и сравнить их.

Существует и другая теория, которая пытается объяснить сходство разных мифов, – диффузионистская теория, рассматривающая процессы распространения культурного наследия. Например, технологии обработки почвы распространились далеко за пределы той области, где они впервые были применены, а вместе с ними разошлась и мифология, связанная с удобрением земли, посевом и выращиванием растений, в том числе и те из мифов, которые я уже упоминал. В них совершается убийство божества, последующее расчленение и захоронение частей, из которых потом произрастают пищевые растения. Такой миф будет сопровождать традиции сельского хозяйства. Но вы не найдете его в охотничьей культуре. Таким образом, существуют исторические, а также психологические предпосылки того сходства, которое мы обнаруживаем в мифах.

МОЙЕРС: Люди выбирают для себя ту или иную версию сотворения мира. Как вы думаете, что мы пытаемся найти в подобных мифах?

КЭМПБЕЛЛ: Я думаю, что мы ищем способ переживания этого мира и соединения с трансцендентными аспектами бытия, которые наполняют и

нас. Вот чего хотят люди. Это то, чего просит душа.

МОЙЕРС: Вы имеете в виду, что мы хотим найти гармонию с некой тайной, которая наполняет весь мир и все живое в нем, – то, что вы называете огромной территорией молчания, на которой мы все живем?

КЭМПБЕЛЛ: Да, и речь о том, чтобы не просто найти это таинство, но найти его именно в нашей среде, в нашем мире, признать его как таковое, обрести некую отправную точку, чтобы иметь возможность переживать божественное присутствие.

МОЙЕРС: В этом мире и в нас самих.

КЭМПБЕЛЛ: В Индии в знак приветствия складывают руки вместе и кланяются другому человеку. Вы знаете, что это значит?

МОЙЕРС: Нет.

КЭМПБЕЛЛ: Мы складываем руки вместе, когда молимся, не так ли? Этот жест говорит о том, что божественное во мне приветствует и соединяется с божественным в другом человеке. Эти люди знают о божественном присутствии во всем. Когда вы входите в индийский дом в качестве гостя, вас приветствуют как бога.

МОЙЕРС: Но разве люди, которые рассказывали эти истории, верили в них и действовали согласно им, не задавались более простыми вопросами? Разве они не спрашивали, например, кто создал мир? Как устроен мир? Почему мир был создан? Разве мифы не отвечают на все эти вопросы?

КЭМПБЕЛЛ: Нет. Именно через этот ответ они видят присутствие создателя во всем. Вы понимаете, что я имею в виду? Эта история из Упанишад, которую я цитировал в свое время: «Я вижу, что я – творение», – говорит Бог. Когда вы понимаете, что Бог есть творение и что вы тоже созданы, тогда вы понимаете, что Бог находится в вас, и в мужчине, и женщине, которые находятся рядом с вами. Таким образом, существуют два аспекта одного божественного. Основной мифологический мотив говорит о том, что изначально все было всем, затем происходит разделение на небо и землю, мужчину и женщину, и так далее. Как мы потеряли связь с этим единством? С одной стороны, можно сказать, что это разделение произошло по чьей-то вине: кто-то съел плоды, которые им не нужно было есть, сказали Богу слова, которые не должны были говорить, так что он рассердился и ушел. И так мы потеряли связь с вечностью, поэтому нам нужно найти способ восстановить эту связь.

Существует еще одна версия, согласно которой человек пришел не сверху, а из утробы Матери-Земли. Очень часто в этих мифах рассказывается о большой лестнице или веревке, по которой люди взбирались. Последние люди, которые хотят выйти, – это два толстяка. Они

хватают веревку и… щелк – все рвется. Поэтому мы отделены от нашего источника. В некотором смысле из-за нашего разума мы фактически отделены друг от друга, и проблема состоит в том, чтобы связать эту порванную веревку.

МОЙЕРС: Порой я думаю, что, возможно, первобытные мужчины и женщины рассказывали эти истории, чтобы просто развлечь себя.

КЭМПБЕЛЛ: Нет, это не развлекательные истории. Мы знаем это наверняка, потому что их рассказывали только в определенное время года и при определенных условиях.

Существуют два типа мифов. Великие мифы, такие как, например, в Библии, – это мифы о храме, о великих священных ритуалах. Они объясняют обряды, благодаря которым люди живут в гармонии с собой, друг с другом и со Вселенной. Это нормально, когда подобные истории воспринимаются как аллегорические.

МОЙЕРС: Вы думаете, что первые люди, рассказавшие историю творения мира, интуитивно понимали аллегорический характер этих историй?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Они рассказывали эти истории так, как если бы это было так. Они думали, что кто-то действительно буквально создал мир. Такая вера в то, что предметы и явления возникли искусственным путем, называется артифициализм. Это образ мышления ребенка: стол есть, значит, кто-то его сделал. Мир есть, поэтому кто-то должен был его создать. Существует другая точка зрения, связанная с понятием эманации, то есть с происхождением из источника, не имеющего начала и неисчерпаемого, и рождением из чего-то, не имеющего конкретного воплощения. Звук создает воздух, затем огонь, затем воду, затем землю – и так рождается мир. Вся Вселенная разворачивается из этого первого звука, из этой вибрации, которая впоследствии распадается на элементы, давая начало всем другим сущностям в пространстве и времени. Согласно этой точке зрения, никто со стороны не произносит однажды «Да будет так!»

В большинстве культур есть не одна, а две или три истории сотворения мира. В Библии, например, рассказываются две истории, хотя люди воспринимают их как одну. Вы помните: во второй главе говорится о том, что Бог придумывает, как развлечь в Эдемском саду Адама, которого он создал, чтобы тот возделывал и хранил этот сад. Это старая, старая история, заимствованная у древних шумеров. Боги хотели, чтобы кто-то заботился об их саде и выращивал продукты питания, в которых они нуждались, поэтому они и создали человека. Это основа мифа, описанного во 2 и 3 главах Книги Бытия.

Но садовнику, созданному Яхве, скучно. Поэтому Бог изобретает для него разные игрушки. Он создает животных, но все, что может человек, – это только придумать им имена. Тогда Богу приходит блестящая идея: создать из тела Адама женщину, и это уже совершенно другая история, отличающаяся от той, которая рассказана в главе 1 Книги Бытия, где Бог создал Адама и Еву вместе по образу и подобию своему как мужчину и женщину. В этом случае Бог являет собой андрогинный прообраз. Глава 2, безусловно, относится к более раннему времени, около VIII века до н. э., тогда как глава 1 написана на основе так называемого священного текста, датируемого примерно IV веком до н. э. или даже более поздним временем. Во 2-й главе Книги Бытия содержится аналог индуистской истории о Я, которое почувствовало страх, потом желание, а затем разделилось на две части. Однако в Книге Бытия надвое делится не бог, а человек.

Греческая легенда, рассказанная Аристофаном в «Пире» Платона, является еще одним примером такого рода. Аристофан говорит, что в начале были существа, состоящие из двух половинок. И они были трех типов: мужчины/женщины, мужчины/мужчины и женщины/ женщины. Боги разделили их на две части. Но как только они были отделены друг от друга, единственное, о чем они могли думать, – это о том, как снова соединиться со своей половинкой, чтобы восстановить свою первоначальную целостность. И именно поэтому мы ищем вторую половинку всю свою жизнь.

МОЙЕРС: Вы говорите, что мифология – это исследование великой истории человечества. Что это за великая история?

КЭМПБЕЛЛ: Это история о том, что все мы произошли из некой единой основы бытия и стали проявлениями этой основы в пространстве и времени. И это пространство времени похоже на игру теней, разворачивающуюся над абсолютным безвременьем. И человек играет в эту игру теней, воспроизводя со всей мощью роль той противоположности, которая досталась ему.

Но вы знаете, что ваш противник, например, – это не что иное, как ваше зеркальное отражение, которое вы могли бы увидеть, заняв центральную позицию.

МОЙЕРС: Следовательно, это великая история о том, как нам найти место в этой драме?

КЭМПБЕЛЛ: Скорее о том, как быть в гармонии с великой симфонией, которой является этот мир, и как гармонизировать с ней свое собственное существование.

МОЙЕРС: Когда я читаю эти истории, независимо от их содержания

или происхождения, я чувствую некоторое благоговение, представляя себе человеческое воображение, которое пытается осмыслить свое существование и сделать эти необъятные трансцендентные явления частью своей маленькой жизни. Вы испытывали нечто подобное?

КЭМПБЕЛЛ: Я думаю о мифологии как о родине муз – вдохновительниц искусств, вдохновительниц поэзии. Показать жизнь как что-то поэтическое, человека как персонажа этого – вот в чем смысл мифа.

МОЙЕРС: Поэтическое, вы говорите?

КЭМПБЕЛЛ: Я имею в виду поэтическое не как форму художественной речи, а как повествование о поступках и приключениях, как способ передачи трансцендентного, который помогает почувствовать связь с бытием Вселенной.

МОЙЕРС: Когда я читаю мифы, то восхищаюсь тайной, заключенной в них, о которой мы можем только догадываться, но которую не сможем постигнуть.

КЭМПБЕЛЛ: В этом-то и дело. Тот, кто считает, что постиг Абсолютную истину, ошибается. Разные источники часто цитируют один санскритский стих, который также упоминается и в китайском Дао де цзине[15]: «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает. Кто знает, что он не знает ничего, обладает знанием. В этом смысле думать, что знаешь, означает незнание. А знать, что не знаешь, есть знание»[16].

МОЙЕРС: Нисколько не умаляя моей веры, ваши работы в области мифологии, скорее, освободили ее от оков культуральных норм и традиций, которыми она была ранее связана.

КЭМПБЕЛЛ: Это произошло и с моей верой. И я уверен, что так же будет освобождена и вера тех, кто сможет услышать это послание.

МОЙЕРС: Существуют ли мифы, события в которых более реальны, чем в других?

КЭМПБЕЛЛ: Они более реальны в другом смысле. Каждый миф передает определенную жизненную мудрость, которая имеет отношение к определенной культурной традиции в конкретный период времени. Миф помогает людям интегрироваться в общество, а обществу – интегрироваться в сферу природного. Он создает пространство для соединения природы и человека. Это гармонизирующая сила. Например, наша собственная мифология опирается на принцип двойственности: добро и зло, рай и ад. Поэтому для нашей религии характерен этот акцент на нравственности. Грех и искупление. Правильно и неправильно.

МОЙЕРС: Напряжение, создаваемое борьбой противоположностей, –

любовь и ненависть, смерть и жизнь.

КЭМПБЕЛЛ: Рамакришна[17] однажды сказал, что если постоянно думать только о своих грехах, то точно станешь грешником. И когда я это прочитал, то вспомнил свое детство, когда каждую субботу я приходил на исповедь и размышлял обо всех своих мелких проступках, которые совершил в течение недели. Теперь я думаю, что нужно приходить на исповедь и говорить: «Благословите меня, Отец, потому что я был хорошим, и вот какие добрые дела я сделал на этой неделе». Важно идентифицироваться с чем-то позитивным, а не с отрицательным.

Она призвана сопровождать этот сложно организованный организм, которым является человек, к зрелости, то есть до того момента, когда человек разовьет в себе способность мотивировать самого себя и действовать независимо. Но идея греха ставит человека в унизительное и рабское положение на протяжении всей его жизни.

МОЙЕРС: Но ведь это не христианская идея творения и грехопадения.

КЭМПБЕЛЛ: Однажды я присутствовал на лекции замечательного старого дзен-философа, доктора Д. Т. Суцзуки. Он стоял, медленно потирая бока, и сказал: «Бог против человека. Человек против Бога. Человек против природы. Природа против человека. Природа против Бога. Бог против природы – какая-то странная религия!»

МОЙЕРС: Я часто задаюсь вопросом, о чем подумает представитель североамериканского охотничьего племени, увидев творение Микеланджело?[18]

КЭМПБЕЛЛ: Разумеется, такого бога нет в других культурах. В других мифологических системах человек находится в гармонии с миром, с добром и злом в нем. Например, для религий Ближнего Востока характерна идентификация с добром и борьба со злом. Библейские традиции иудаизма, христианства и ислама с презрением смотрят на так называемые природные религии. Переход от природных религий к социальной религии нарушает наши естественные связи с природой. Однако можно смело интерпретировать все эти культурные символы с психологической и космологической точек зрения. Каждая религия так или иначе содержит истинное знание. Это знание оказывается истинным, если понимать его метафорически. Но если зацикливаться на этих метафорах и пытаться объяснять их как реальные факты, то ничего хорошего из этого не выйдет.

МОЙЕРС: Что такое метафора?

КЭМПБЕЛЛ: Метафора – это образ, открывающий новые смыслы. Например, если я говорю кому-то «Ты редиска», это не означает, что я

думаю о человеке, будто бы он на самом деле редиска. Редиска – это метафора, передающая определенный смысл. В религиозной традиции метафора обычно относится к трансцендентному опыту, для которого нет эквивалента в реальном мире. Если думать, что метафора и есть сам объект, то это будет равносильно тому, как если бы вы пришли в ресторан, попросили меню, нашли строчку, где написано «бифштекс», и начали бы есть меню.

Например, вознесение Иисуса. На первый взгляд кажется, что это действительно о том, что кто-то вознесся на небо. Это буквальное понимание. Но если воспринимать это таким образом, то нам придется отринуть эту историю как таковую, потому что в реальности нет такого места, куда мог бы отправиться Иисус. Мы знаем, что Иисус не мог вознестись на небеса, потому что во Вселенной нет никаких небес с физической точки зрения. Даже если бы он поднимался со скоростью света, Иисус все равно оставался бы в пределах галактики. Открытия в области астрономии и физики просто не оставляют возможности думать об этом событии как о реальном факте. Но если вы посмотрите на вознесение Иисуса как на метафору, то поймете, что он вернулся к себе, другими словами, он ушел не в космос, а в свое внутреннее пространство, туда, откуда приходит жизнь, к сознанию и духовности, которые являются источником всего, то есть в Небесное царство, находящееся внутри нас. Хотя образы заимствованы из внешнего мира, в смысловом значении они отсылают нас к миру внутреннему. Дело в том, что мы, как и он, можем вознестись, обратившись внутрь самих себя. Это метафора возврата к первоисточнику, к альфа и омега, метафора возвышения над телесным и обращения к внутренним источникам.

МОЙЕРС: Не подрываете ли вы тем самым одну из великих традиционных доктрин классической христианской веры, которая говорит о том, что погребение и воскрешение Иисуса предвосхищают то, что должно произойти и с нами?

КЭМПБЕЛЛ: Было бы ошибкой такое буквальное прочтение символа. Это все равно что, читая поэтический текст, воспринимать его как прозаический, пытаться понять метафору через ее прямое значение, а не через ассоциативные связи.

МОЙЕРС: Поэзия подводит нас к невидимой реальности.

КЭМПБЕЛЛ: И даже к тому, что лежит за пределами понятия реальности и вне пределов мысли. Вот куда отсылает нас миф, давая нам ключ к пониманию той тайны, которая заложена в нас самих.

Шекспир говорит, что задача искусства в том, чтобы держать зеркало

перед природой. И это правильно. Природное заключено и в нас, и все эти прекрасные поэтические образы мифов отсылают к чему-то, что есть в нас. Если вас захватывает какой-то образ, но вы пытаетесь понять его, никак не связывая с самим собой, то это неправильный подход к толкованию образа.

Внутренний духовный мир, мир ваших потребностей и энергий, вашей структуры и возможностей сталкивается с внешним миром. И внешний мир – это область воплощения вашего внутреннего мира. Вы действуете в его рамках. Вы должны продвигать оба мира вперед. Как сказал Новалис, «место души там, где соприкасаются внешний и внутренний миры».

МОЙЕРС: Иными словами, история об Иисусе, возносящемся к небу, является своего рода посланием в бутылке, отправленным нам кем-то, кто уже побывал на том берегу.

КЭМПБЕЛЛ: «Тот, кто напился из моих уст, станет как я. Я также я стану им».

Именно так: там побывал Иисус. Согласно обычному способу восприятия христианской религии, ошибочно отождествлять себя с Иисусом, мы должны просто подражать Ему. Сказать: «Я и Отец едины», как сказал Иисус, будет для нас богохульством. Однако в Евангелии от Фомы, которое было обнаружено в Египте около сорока лет назад[19], Иисус говорит: «Тот, кто пьет из моих уст, будет, как я, и я буду, как он». Прямо как в буддизме. Все мы являемся проявлениями сознания Будды или сознания Христа, только мы этого не знаем. Слово «будда» означает «пробудившийся». И мы все должны это сделать – пробудиться и открыть в себе сознание Будды или Христа, заложенное в нас. Согласно традиционному христианскому мышлению, это богохульство, но в этом суть христианского гностицизма и Евангелия от Фомы.

МОЙЕРС: Реинкарнация – это тоже метафора?

КЭМПБЕЛЛ: Разумеется. Когда меня спрашивают, верю ли я в реинкарнацию, мне приходится отвечать, что реинкарнация, точно так же, как и рай, является метафорой.

В христианстве аналогом реинкарнации считается чистилище. Если человек умирает, будучи сильно привязанным к материальным проявлениям этого мира, то он просто не будет готов к видению райского блаженства, поэтому ему придется очиститься, освободиться от своих ограничений. Таких ограничений, которые принято называть грехами. Грех – не что иное, как ограничивающий фактор, который сужает область сознания так, что оно застревает и не может двигаться к прозрению.

Согласно метафоре восточных религий, если человек умирает в этом состоянии, то он возвращается на Землю, чтобы пройти этот путь заново,

пока его сознание не станет совершенно ясным и свободным от земных пристрастий. Главным героем восточных мифов является монада, реинкарнированная в физическое тело человека. Жизнь за жизнью она будет воплощаться в новом теле.

Смысл реинкарнации заключается не в том, что вы или я возродимся как личности. Монада «сбрасывает» личность, а затем надевает новое тело, мужское или женское, в зависимости от того, какой опыт необходимо пережить, чтобы очистить свой разум и преодолеть свою привязанность к царству времени.

МОЙЕРС: Какой смысл заключен в идее реинкарнации?

КЭМПБЕЛЛ: Смысл перерождения в том, чтобы дать понять человеку, что он больше, чем ему кажется. Есть такие пласты и возможности для осознавания, которые не входят в привычную Я-концепцию личности. Человеческая жизнь гораздо шире и глубже, чем принято думать. То, как вы проявляетесь во внешнем мире, отражает всего лишь небольшую часть вашей внутренней реальности, истинной широты и глубины. И эта широта и глубина могут быть достигнуты. И как только человек достигает и переживает это, его глаза открываются, и он понимает, что все религии говорят об одном и том же.

МОЙЕРС: Является ли это основным мотивом мифов?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, понимание жизни как страдания, через которое человек обретает свободу от ограничений жизни, относится к высшим религиям. Я не думаю, что нечто подобное можно найти мифах аборигенов.

МОЙЕРС: Откуда эта идея взяла свое начало?

КЭМПБЕЛЛ: Я не знаю. Скорее всего, к ней пришли высокодуховные люди, однажды понявшие, что их реальная жизнь в физическом мире не соответствует духовным идеалам, к которым стремится их естество.

МОЙЕРС: Вы говорите, что мифы создает элита, или шаманы, художники и другие люди, которые отправляются в путешествие к неизвестному, затем возвращаются назад, чтобы описать этот путь в мифах. Но как насчет обычных людей? Разве они не создают мифы, например миф о Поле Баньяне?[20]

КЭМПБЕЛЛ: Да, но это не миф. Эта история не дотягивает до мифа. Пророки и те, кто называет себя «ришами»[21] в Индии, говорят, что слышали тексты Священных Писаний. Каждый может открыть свои уши, но не у каждого есть духовная способность действительно услышать Священные Писания.

МОЙЕРС: «Имеющий уши да услышит».

КЭМПБЕЛЛ: Кто-то должен помочь вам, научив вас слушать, чтобы вы могли услышать не буквальный, а метафорический смысл. И Фрейд, и Юнг считали, что мифы укоренены в бессознательном. Любой, кто попробовал себя в качестве писателя, знает, что сначала надо открыть себя, отдаться книге целиком, а затем сама книга начнет говорить с вами, она начнет писать себя сама. В некотором смысле вы становитесь носителем чего-то, что дается вам теми, кого мы называем музами, или, на библейском языке, «Богом». Это не фантазия, а факт. Поскольку вдохновение исходит от бессознательного, а индивидуальное бессознательное людей, живущих в одном обществе, содержит похожие элементы, роль шамана или провидца состоит в том, чтобы обнаружить и показать то общее бессознательное, которое действительно ждет, чтобы быть проявленным. Поэтому, когда человек слушает провидца, он говорит: «Ах! Это моя история. Именно то, что я всегда хотел сказать, но так и не смог сформулировать». Но должен быть диалог, взаимодействие между провидцем и сообществом. Ясновидящий, говорящий то, что люди в общине не хотят слышать, бесполезен. И поэтому неудивительно, что они могут «ликвидировать» его.

МОЙЕРС: Таким образом, народные предания и сказки нельзя отнести к мифам. Это просто народные истории, которые рассказываются для удовольствия или описания некоего опыта, который, однако, по уровню ниже переживаний великих духовных паломников.

КЭМПБЕЛЛ: Да, народные сказки созданы для развлечения, в то время как мифы представляют собой некое подобие духовного руководства. В Индии существует очень четкое различие между этими двумя типами историй: в одних раскрываются фольклорные мотивы, а в других – элементарные идеи. Фольклорный сюжет называется *desi*, что означает «местный», то есть имеющий отношение к определенному обществу. Это для молодых людей. Некий способ интеграции молодого человека в общество, через который он учится быть храбрым и убивать злых монстров. «Вот тебе костюм воина, есть работенка». Но есть и элементарная идея.

Цивилизации основаны на мифе. Цивилизация Средневековья уходит корнями в миф о грехопадении в Эдемском саду, искуплении на кресте и милости Бога, с которой мы соединяемся через таинство Святого причастия.

Собор охраняет причастие, а замок охраняет собор. Существуют две формы государственности – государство духа и государство мирской жизни, которые находятся в гармонии с основным источником, то есть с благодатью Божией, даруемой нам через смерть на кресте.

МОЙЕРС: Но в двух этих мирах обычные люди сочиняли и рассказывали друг другу истории про лепреконов и ведьм.

КЭМПБЕЛЛ: В Средние века мифологическое и народное искусство развивалось в трех основных центрах. Один из них – церковь и все, что связано с монастырями и отшельниками. Второй – за́мок. Третий – деревенская хижина, где обитали простые люди. Собор, за́мок и хижина. Если посмотреть на любую из развитых цивилизаций, вы увидите ту же самую картину: храм, дворец, город. Существуют разные подобные центры, но коль скоро они все имеют отношение к одной цивилизации, все они работают на одном символическом уровне.

МОЙЕРС: Что такое символический уровень?

КЭМПБЕЛЛ: Символический уровень основан на опыте людей в сообществе, который они переживают в определенное время и в определенном месте. Мифы так тесно связаны с культурой, временем и местом, что, если содержащиеся в них символы и метафоры не будут воссозданы в искусстве, они увянут и утратят всякую жизнеспособность.

МОЙЕРС: Кто говорит языком метафор сегодня?

КЭМПБЕЛЛ: Все поэты. Поэзия – это метафорический язык.

МОЙЕРС: Метафора предполагает наличие творческого потенциала.

КЭМПБЕЛЛ: Да, но она также отсылает нас к той невидимой реальности, которая скрывается за видимой. Метафора – это маска Бога, через которую можно прикоснуться к вечности.

МОЙЕРС: Вы говорите о поэтах и художниках. Что насчет духовенства?

КЭМПБЕЛЛ: Мне кажется, наше духовенство не делает свою работу. Оно не объясняет значение метафор, а цепляется за моральные принципы добра и зла.

МОЙЕРС: Почему священнослужители не стали шаманами в американском обществе?

КЭМПБЕЛЛ: Разница между священником и шаманом заключается в том, что священник исполняет определенную функцию, а шаман – это человеком с духовным опытом. В нашей традиции монах, скорее, стремится к переживанию духовного, тогда как священник – человек, который научился служить обществу. Мой друг присутствовал на международной встрече римско-католических орденов в Бангкоке. И затем он сказал мне, что католические монахи без каких-либо проблем понимают буддийских монахов, а вот высшее духовенство не могло найти общий язык. Человек, переживший мистический опыт, знает, что невозможно символизировать его в полной мере. Символы не могут передать сам опыт,

а только дают подсказки к пониманию. Если у вас такого опыта не было, то откуда вам это знать? Попытайтесь передать удовольствие от катания на лыжах человеку, который живет в тропиках и даже не видел снег. Чтобы понять заключенное в символах послание, нужен соответствующий опыт, какой-то ключ к нему, иначе вы не услышите того, о чем говорится.

МОЙЕРС: Но тот, у кого есть опыт, должен передать его максимально точно с помощью образов. Мне кажется, однако, что в нашем обществе мы уже потеряли способность мыслить образно.

КЭМПБЕЛЛ: О, да, безусловно, это так. Наше мышление носит в основном дискурсивный, вербальный, линейный характер. В образе содержится больше смыслов, чем в слове.

МОЙЕРС: Разве вы не думаете, что это отсутствие опыта переживания религиозного экстаза и радости, отрицание трансцендентного в нашем обществе привело к тому, что так много молодых людей употребляют наркотики?

КЭМПБЕЛЛ; Безусловно. Это своего рода путь.

МОЙЕРС: Путь к чему?

КЭМПБЕЛЛ: К опыту.

МОЙЕРС: Но ведь каждая религия предоставляет возможности его пережить, не так ли?

КЭМПБЕЛЛ: Предоставляла раньше, но не сейчас. Сегодня религия обеспокоена социальными проблемами и моралью, а не мистическим опытом.

МОЙЕРС: Вы считаете, что истинное предназначение религии связано с переживанием такого опыта?

КЭМПБЕЛЛ: Один из самых замечательных обрядов, которые есть в католичестве, – причастие, во время которого под видом хлеба и вина мы принимаем в себя плоть и кровь Спасителя. Мы принимаем в себя Христа и становимся сопричастны ему. Это медитативная практика, позволяющая ощутить присутствие божественного внутри вас. Когда люди выходят из церкви после причастия, они очень вдумчивы, а их взгляды обращены внутрь.

В Индии я видел, как камень клали в центр красного обруча, после чего камень считался воплощением тайны. Обычно мы смотрим на вещи с практической точки зрения, не думая о таинстве, заключенном в них. Например, эти часы больше, чем просто вещь. Можно положить их на землю, очертить круг и попытаться воспринимать их в этом новом измерении. Это называется освящением.

МОЙЕРС: Что вы имеете в виду? Что можно сделать из наручных

часов? В какую тайну они могут нас посвятить?

КЭМПБЕЛЛ: Это ведь вещь, не так ли?

МОЙЕРС: Да.

КЭМПБЕЛЛ: А знаете ли вы, что такое на самом деле вещь? В чем ее основа? Это нечто, существующее в пространстве и времени. Просто подумайте, что в вещи может быть заключена тайна. Вы можете сосредоточиться во время медитации на часах, и они откроют вам тайну существования всего вокруг. Часы превращаются в центр Вселенной, неподвижную точку постоянно меняющегося мира.

МОЙЕРС: Как далеко можно уйти в медитации?

КЭМПБЕЛЛ: О, это зависит от ваших способностей.

МОЙЕРС: Вы говорите о трансцендентности. Что это такое? Что происходит с нами на границе с трансцендентным?

КЭМПБЕЛЛ: Трансцендентность – это философский термин, который может иметь два значения. В христианской теологической традиции он относится к Богу, который находится за пределами природы. Это материалистический подход к пониманию трансцендентного, потому что Бог воспринимается как духовный факт, который существует где-то там. Гегель говорил об антропоморфном представлении Бога как газообразного позвоночного – такое понимание Бога разделяет большинство христиан. Или они воспринимают его как бородатого старика с дурным характером. Хотя на самом деле трансцендентное относится к тому, что находится вне всякого осмысления. Кант утверждает, что весь наш жизненный опыт ограничен временем и пространством, что все наши переживания происходят в пространстве и со временем. Время и пространство формируют наше восприятие, которое ограничивает наш опыт. Наши чувства замкнуты во времени и пространстве, наши умы заперты в клетках умозрительных представлений. Но эта конечная и абсолютная вещь (которая по факту не-вещь), которую мы пытаемся постичь, совершенно ничем не ограничена. Мы ограничиваем ее, как только пытаемся думать о ней.

Трансцендентное выходит за рамки каких-либо категорий мышления. Существование и небытие – это категории. Слово «Бог» на самом деле означает как раз то, что недоступно нашему пониманию, однако слово само по себе подразумевает мышление.

Истина заключается в том, что Бога можно воплотить во многих и многих проявлениях. Существует ли один Бог или их много? Это всего лишь мыслительная категория. То, что является трансцендентным, выходит за рамки того, что возможно описать словами и помыслить.

Одна из проблем Иеговы, как утверждается в старых христианских гностических текстах, заключается в том, что он забыл: он всего лишь метафора. Он воспринимал себя как факт. И когда он сказал: «Я Бог», – то услышал голос, который произнес: «Ты ошибаешься, Самаэль». «Самаэль» означает «слепой бог», то есть неспособный видеть бесконечный Свет, а он только оказывается временным его проявлением. Это известно как богохульство Иеговы, когда он думал, что сам Бог.

МОЙЕРС: Вы говорите, что Бог не может быть познан.

КЭМПБЕЛЛ: Я говорю, что Абсолют находится вне категорий существования и небытия. Есть он или его нет? Будда, как считается, ответил следующее: «Он и есть, и нет; ни то, ни другое». Бог как абсолютная тайна бытия находится вне категорий мышления.

В одной из Упанишад рассказывается удивительная история о боге Индре. Как-то появился огромный монстр и запер все воды мира, так что началась страшная засуха и эпидемия. Много времени прошло, прежде чем Индра вспомнил, что у него есть сундук, полный грома и молний, и что он может поразить монстра одним ударом грома. И когда он так сделал, вода снова потекла, мир стал зеленым и цветущим. Тогда Индра сказал: «Какой я молодец!» И в этих мыслях о себе Индра поднялся на космическую гору, которая находилась в центре мира, и решил построить там дворец, подобающий ему. Главный плотник богов взялся за работу, и очень скоро дворец был почти готов. Но каждый раз, когда Индра приходил посмотреть на него, у него появлялись новые идеи насчет того, чтобы сделать его еще более грандиозным и великолепным.

Наконец плотник сказал себе: «Господи, мы оба бессмертны, и потому его желаниям не будет конца, так что мне придется трудиться вечно». Он решил пойти к Брахме, богу-творцу, и пожаловаться.

И вот восседает Брахма на лотосе, символе божественной силы и благодати. Лотос растет из пупка Вишну – спящего бога, а Вселенная – его сон. Плотник пришел на берег озера, где на водах Вселенной рос лотос, и рассказал свою историю Брахме. Брахма сказал ему: «Ты иди домой. Я все исправлю». Брахма поднялся из лотоса и, стоя на коленях, обратился к спящему Вишну. Вишну просто махнул рукой и пробормотал что-то вроде: «Слушай, сходи туда, что-то случится».

На следующее утро у ворот уже построенного дворца появился красивый мальчик с сине-черной кожей, окруженный детьми, которые восхищались его красотой. Охранник дворца побежал, чтобы рассказать об этом Индре, и Индра сказал ему: «Ладно, впусти его». Мальчик вошел, и Индра, царь богов, который сидел на своем троне, сказал ему: «Добро

пожаловать, молодой человек. Что привело тебя в мой дворец?»

«Ну, – сказал мальчик, его голос звучал как раскат грома, – говорят, что ты построил такой дворец, которого ни один Индра до тебя не строил».

«Индры до меня? О чем ты говоришь?» – спросил Индра, и мальчик ответил: «Все верно, Индры, которые были до тебя. Я видел, как они приходят и уходят, приходят и уходят. Подумай, Вишну спит в космическом океане, и лотос Вселенной растет из его пупка. На лотосе сидит Брахма, создатель. Когда Брахма открывает глаза, появляется мир под руководством Индры. Брахма закрывает глаза, мир исчезает. Жизнь Брахмы длится четыреста тридцать две тысячи лет. Когда он умирает, лотос исчезает, а на его месте появляется другой, созданный другим Брахмой. Представь теперь множество галактик, которые находятся за пределами галактик в бесконечном пространстве, в каждой из которых есть лотос и Брахма, и эти Брахмы открывают и закрывают глаза. А Индры? Возможно, твои мудрецы возьмутся посчитать все капли в мировом океане или все песчинки на песчаных берегах, но никто не сможет сосчитать Брахм, не говоря уже об Индрах».

Когда мальчик это говорил, целое полчище муравьев пересекло пол. Когда он увидел их, то рассмеялся, а у Индры волосы на голове встали дыбом. Он спросил мальчика: «Почему ты смеешься?» – «Не спрашивай, – ответил тот, – если ты не хочешь причинять себе боль». Индра настаивал: «Я хочу. Научи меня». (Это, кстати, великолепная восточная мудрость: никто никого не учит, если его об этом не просят. Вы не передаете свою мудрость насильно, против воли другого человека.) Тогда мальчик показал на муравьев и сказал: «Все они были Индры. На протяжении многих и многих лет они поднимались с низин жизни до высот просветления. А потом каждый из них поражал громом монстра и думал: „Как я велик!“», – снова падая вниз. Пока мальчик говорил, во дворец вошел старый йог с банановыми листьями вместо зонтика. На нем не было ничего, кроме набедренной повязки, пучка волос на груди, сильно поредевших. Мальчик поприветствовал его и сказал, что спросит о том, о чем собирался спросить его Индра: «Как тебя зовут, старик? Откуда ты пришел? Где твоя семья? Где твой дом? И в чем смысл этого странного „созвездия“ волос на твоей груди?». «Ну, – начал старик, – меня зовут Волосатый. У меня нет дома. Жизнь слишком коротка для этого. У меня есть только этот зонтик. У меня нет семьи. Единственное, что я делаю, это медитирую у ног Вишну, думая о вечности и о том, как быстро летит время. Каждый раз, когда Индра умирает, мир исчезает, и это происходит так быстро, как щелчок пальцами. Каждый раз, когда Индра умирает, один волос с моей груди падает.

Половина волос уже упала. Скоро последуют остальные. Жизнь коротка. Зачем строить дом?» Затем они оба исчезли. Мальчик был Вишну, Великий Защитник, а старым йогом был Шива, создатель и разрушитель мира, пришедший научить Индру, который был лишь богом истории, но воображал, что он повелевает всем.

И вот Индра сидит на троне, очень расстроенный и шокированный. Он позвал плотника к себе и сказал: «Я больше не буду строить дворец. Ты свободен». Итак, желание плотника сбылось. Он был освобожден от своих обязанностей и больше не занимался строительством дворца. Индра решает отказаться от всего, стать йогом и медитировать у лотоса под стопами Вишну. Но у него была красивая жена, которую звали Индрани. И когда Индрани услышала, что сказал Индра, она сразу же отправилась к священнику богов и спросила: «Теперь ему в голову пришла мысль отказаться от всего и стать йогом».

«Хорошо, – ответил священник, – иди со мной, дорогая, мы посидим вместе, а потом я все исправлю». Они сидели перед троном царя богов, а священник говорил: «Много лет назад я написал книгу об искусстве политики. Ты царь богов. Ты проявление тайны Брахмы во времени. Это большая привилегия. Ты должен ценить это, жить своей жизнью в соответствии с этой почетной обязанностью. Кроме того, теперь я напишу еще одну книгу об искусстве любви, чтобы вы и ваша жена узнали, что чудесную тайну двоих, когда они сливаются в одно, Брахма также освещает своим присутствием».

И после этих наставлений Индра отказался стать йогом, но обнаружил, что в повседневной жизни он может символическим образом олицетворять вечное, то есть самого Брахму.

Точно так же каждый из нас в некотором смысле является Индрой своей жизни. Вы можете выбрать – бросить все, спрятаться в лесу и медитировать или остаться в мире и исполнять долг в мире политики и достижений, в мире любви к вашей жене и семье. Это действительно великий миф, по крайней мере, мне так кажется.

МОЙЕРС: И он также говорит о том, что открывает современная наука, – о бесконечности времени…

КЭМПБЕЛЛ: …и о множестве галактик, и о том, что наш Бог – наше олицетворение Бога и его Сына и тайны – существует только на небольшом промежутке времени.

МОЙЕРС: Однако культура всегда влияла на наше представление о важных духовных вещах.

КЭМПБЕЛЛ: Культура может также научить нас игнорировать любые

категории. Это называется инициацией. Настоящая инициация – это, например, когда гуру говорит вам: «Деда Мороза не существует». Дед Мороз – это метафора отношений между родителями и детьми. Отношения имеют место быть, а Деда Мороза нет. Дед Мороз – это просто способ передать детям понимание ценности хороших отношений с родителями.

Жизнь по своей сути и смыслу – непостижимая тайна, например, в той ее части, что жизнь поддерживается убийством и поеданием. Но сказать «нет» жизни со всей ее болью, сказать, что это ничего не стоит, – это очень детское отношение к жизни.

МОЙЕРС: Зорба говорит: «Проблемы? Жизнь – это проблема».

КЭМПБЕЛЛ: Только смерть не представляет собой проблему. Люди спрашивают меня: «Вы оптимистично настроены в отношении будущего мира?» И я говорю им: «Да, мир замечателен таким, каков он есть. Вы вряд ли измените его. Никто еще не смог его улучшить. Он никогда не будет лучше. Или вы принимаете его таким, какой он есть, или вы его не принимаете. Третьего не дано. Вы не можете исправить или усовершенствовать его».

МОЙЕРС: Разве это не приводит к пассивному отношению к злу в мире?

КЭМПБЕЛЛ: Человек сам участвует в зле, иначе он не будет живым. Что бы вы ни делали, для кого-то это окажется плохо. Это одна из ироний творения.

МОЙЕРС: Что насчет идей добра и зла в мифологии, о жизни как о поле битвы между силами тьмы и силами света?

КЭМПБЕЛЛ: Это идея, заимствованная из зороастризма и проникшая в иудаизм и христианство. В других традициях категории добра и зла могут быть применимы только относительно кого-то. То, что хорошо для одного, для другого – зло. Но нужно продолжать играть свою роль, а не уходить из мира, узнав, насколько он ужасен. Вы должны смотреть на этот ужас как на фасад, за которым стоит чудо: пугающая и завораживающая тайна.

«Вся жизнь – страдание», – это первое, что говорят буддисты, и они совершенно правы. Это была бы не жизнь, если бы у нее не было категории времени, то есть временного характера, подразумевающего множественные потери. Но нужно сказать жизни «да» и увидеть в ней красоту, которая была задумана по Божьей воле.

МОЙЕРС: Вы правда в это верите?

КЭМПБЕЛЛ: В мире много радости. Я не думаю, что его реально кто-то задумал таким, что был какой-то предварительный план, но все получилось именно так. У Джеймса Джойса есть замечательная строчка:

«История – это кошмар, от которого я пытаюсь избавиться». И путь к пробуждению заключается в том, чтобы перестать бояться и признать, что мир – это проявление великой созидательной силы. Потери всегда болезненны. Боль – часть этого мира.

МОЙЕРС: Но если мы примем такое утверждение как окончательное и абсолютное, то кто будет создавать законы или бороться с…

КЭМПБЕЛЛ: Я этого не говорил.

МОЙЕРС: Но разве это не будет логическим продолжением принятия всего в том виде, как оно есть?

КЭМПБЕЛЛ: Необязательно делать логические умозаключения. Вы просто можете решить для себя: «Я буду проживать эту жизнь. Я пойду в армию. Я буду воевать», и так далее.

МОЙЕРС: «Я сделаю все возможное».

КЭМПБЕЛЛ: «Я буду принимать участие в этой игре. Это чудесная, восхитительная опера, несмотря на то, что она иногда доставляет боль».

Принимать что-либо сложно. Мы сопоставляем наши представления с реальным положением дел. Я принимаю этот мир при условии, что он будет соответствовать тому миру, о котором рассказал мне Дед Мороз. Принять все таким, как оно есть, – трудная задача, и для этого нужны ритуалы.

Ритуал – это групповое участие в самом страшном акте, акте жизни – потоке убийств и поедания других живых существ. Мы делаем все это, и это жизнь. Герой – это тот, кто отважно и смиренно принимает участие в жизни согласно ее природным законам, не будучи движимым личной ненавистью, злобой и стремлением к мести.

Сфера существования героя не трансцендентное пространство, а пространство здесь и сейчас, пространство добра и зла, мир противоположностей. Как только мы покидаем сферу трансцендентности, мы входим в поле противоположностей. Плод дерева познания уже был съеден, и противоположности были познаны, не только добро и зло, но мужское – женское, правильное – неправильное, это – то, светлое – темное. В пространстве времени царит двойственность: прошлое и будущее, смерть и жизнь, бытие и ничто. Абсолютной парой противоположностей являются пара мужчины и женщина, где мужчина агрессивен, а женщина открытая и принимающая. Мужчина – воин, женщина – мечтательница. Существует сфера любви и сфера войны. Это те самые Эрос и Танатос Фрейда.

Гераклит утверждал, что для Бога все хорошо, правильно и справедливо, тогда как для человека некоторые вещи правильны, а другие – нет. Человек существует в пространстве времени и решений. Одна из

проблем жизни состоит в том, чтобы жить с осознанием обоих полюсов и иметь возможность сказать: «Я знаю суть, я знаю, что добро и зло являются лишь временными отклонениями и что, с точки зрения Бога, между ними нет разницы».

МОЙЕРС: Подобная идея встречается в Упанишадах: «Ни женское, ни мужское, ни нейтральное. Какое бы тело оно ни принимало, оно воплощается через это тело».

КЭМПБЕЛЛ: Именно. А Иисус говорит: «Не судите, да не судимы будете». То есть, иными словами, вернитесь к ситуации, в которой вы были в раю, прежде чем начинать думать в рамках категорий добра и зла. Вы редко услышите такую мысль с кафедры проповедника.

Но одна из самых больших трудностей в жизни – сказать «да» тому человеку, тому действию или состоянию, которые представляются вам самыми отвратительными.

МОЙЕРС: Самыми отвратительными?

КЭМПБЕЛЛ: Есть два аспекта восприятия: оценка чего-либо с точки зрения реального мира и оценка с позиции метафизического наблюдателя. Вы не можете сказать, что нет ядовитых змей – они являются частью мира. В реальном, вещном мире, если вы видите ядовитую змею, которая вот-вот укусит человека, вы ее убьете. Это не значит сказать «нет» змеям как таковым, вы говорите им «нет» только в конкретной ситуации. В Ригведе[22] есть замечательный стих. «На дереве (дереве жизни, дерево нашей собственной жизни) сидят две птицы, хорошие друзья. Одна ест плод дерева, другая не ест, только сидит и размышляет». Тот, кто ест плод дерева, фактически убивает плод. Жизнь питается жизнью – вот что это значит.

Другой индийский миф рассказывает историю великого бога Шивы, чей танец воплощает Вселенную. У него была жена, богиня Парвати, дочь царя гор. Однажды к Шиве пришло чудище и сказало: «Я хочу, чтобы твоя жена стала моей любовницей». Шива рассердился, открыл свой третий глаз, молния ударила по земле, все покрылось дымом и огнем, и когда дым развеялся, предстал перед ним другой монстр – он был худой, с развевающейся во все стороны львиной гривой. Чудище поняло, что этот худой будет его есть. Что делать, когда попадаешь в такую ситуацию? Первое, что приходит на ум, – просить милосердия. И чудище сказало: «Шива, пощади меня». И в этой игре есть правила, и правило в том, что, если кто-то попросит тебя, ты пощадишь его. Шива сказал: «Я тебя пощажу. Монстр, не ешь его!» «Хорошо, – сказал тот, – но что мне делать? Я голоден. Ты заставил меня голодать, чтобы съесть этого товарища».

«Ну, – сказал Шива, – съешь себя».

И он начал поедать себя со своих ног и продолжал жевать выше и выше – это символическое изображение поедающего самого себя для того, чтобы продолжаться. Наконец от монстра ничего не осталось, кроме его лица. Шива посмотрел на него и сказал: «Я никогда не видел более убедительного проявления жизни. Я назову тебя Kirtimuicha – „лицо славы“». И теперь эту маску, это лицо славы можно увидеть на воротах храмов, посвященных Шиве и Будде. Тогда Шива сказал лицу: «Тот, кто не поклонится тебе, недостоин того, чтобы прийти ко мне». Другими словами, вы должны сказать «да» этому чуду жизни, несмотря на то, что оно не соответствует каким-то вашим принципам. В противном случае вы никогда не выйдете в пространство метафизического измерения.

Однажды в Индии я решил встретиться с великим гуру лицом к лицу. Я пошел к прославленному учителю по имени Шри Кришна Менон, и первое, что он сказал мне, было: «У вас есть вопрос?»

Учитель в Индии отвечает на вопросы. И он никогда не говорит вам того, что вы еще не готовы услышать. Поэтому я сказал: «Да, у меня есть вопрос. Поскольку, согласно индуистской традиции, все во Вселенной оказывается проявлением божественного, возможно ли тогда сказать „нет“ чему-либо в этом мире? Есть ли способ сказать „нет“ жестокости и глупости, вульгарности и легкомыслию?» И он ответил мне: «Для вас и меня путь заключается в том, чтобы говорить всему „да“».

После этого у нас был очень интересный разговор относительно признания всех вещей и явлений. И он помог мне укрепиться в моей убежденности в том, что мы не имеем права судить. Мне кажется, и в этом, в том числе, заключается великое учение Иисуса.

МОЙЕРС: Согласно классическому христианскому учению, материальный мир заслуживает презрения, и жизнь будет очищена от греха и вечного проклятия в будущем, на небе, где мы будем вознаграждены. Но вы говорите, что если принять все то, что считается предосудительным, то это будет означать принятие того самого мира, который есть проявление вечности в данный момент.

КЭМПБЕЛЛ: Да, именно это я и имею в виду. Вечность – это не то, что наступит. Вечность – это даже не очень долгое время. Вечность не имеет никакого отношения ко времени. Вечность – это измерение «здесь и сейчас», которое исключает какие-либо категории времени. И если вы не получите этого здесь, то не получите этого никогда. Проблема рая заключается в том, что вам там будет настолько хорошо, что вы не будете думать о вечности. Только бесконечные радости и ангельское блаженство.

Но жить вечно здесь и сейчас, во всем, независимо от того, доброе это или злое, является основной функцией жизни.

МОЙЕРС: Так оно и есть.

КЭМПБЕЛЛ: Так оно и есть.

Глава III
Первые сказители

Иногда Невидимые Силы посылают нам знаки в обличье животных-посланников. Но сегодня животные-посланники больше не нужны для того, чтобы учить и направлять людской род, как это было в первобытные времена. Медведи, львы, слоны, альпийские козлы и газели теперь живут в клетках в зоопарках. Человек больше не новичок в мире неисследованных равнин и лесов, а наши соседи – не дикие звери, а другие люди, с которыми мы боремся за пространство и блага на этой планете, не переставшей вращаться вокруг огненной звезды. Мы живем не во времена охотничьих племен эпохи палеолита, которым, тем не менее, обязаны формой наших тел и сложившейся психикой. Однако память о животных-посланниках все еще живет внутри нас. Смутные воспоминания о них просыпаются, когда мы оказываемся в дикой местности и слышим раскаты грома или когда входим в пещеру с замечательными наскальными рисунками. И неважно, в какие темные глубины погружались шаманы во время транса, то же самое есть в нас и сейчас, и оно приходит к нам во сне.

Джозеф Кэмпбелл. «Путь животных сил»[23]

МОЙЕРС: Считаете ли вы, что поэт Вордсворт прав, говоря: «Наше рождение – лишь сон и забвение. Душа, восходящая с нами, нашей жизни звезда, зашла в другом месте. И приходит издалека». Как вы думаете, это так?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Конечно, но не полное забвение, потому что у нервных клеток в нашем теле есть память, которая формирует нашу нервную систему в соответствии с окружающей средой и потребностями организма.

МОЙЕРС: Чем наши души обязаны древним мифам?

КЭМПБЕЛЛ: Древние мифы создавались для того, чтобы привести в состояние гармонии тело и ум. Ум может «бродить и хотеть» таких вещей, которых «не хочет» тело. Мифы и обряды – это средства, при помощи которых ум приходит в гармонию с телом, а образ жизни – в соответствие с правилами и циклами природы.

МОЙЕРС: Эти древние истории продолжают жить в нас?

КЭМПБЕЛЛ: Именно. И сегодня этапы человеческого развития точно такие же, как и в древние времена. Ребенку прививаются дисциплина и послушание, он зависит от других. Но эту зависимость следует преодолевать по мере взросления, чтобы начать жить независимо и с полной ответственностью. Если пройти эту стадию и преодолеть зависимость не удастся, то это станет основой для развития невроза. Затем наступает другая фаза: когда вы завладели миром, освоили его, вы переживаете кризис – это фаза ухода и отчужденности.

МОЙЕРС: И потом смерть?

КЭМПБЕЛЛ: Потом смерть. Вместе с ней абсолютный разрыв привязанностей и абсолютное освобождение ото всего. Итак, миф служит двум целям: интегрировать человека в этот мир – и это как раз функция народных историй, – а затем помочь ему уйти из мира. В представлениях народа как бы раскрывается элементарная архетипическая идея, которая призывает обратить взор на внутренний мир.

МОЙЕРС: И мифы рассказывают нам, как другие прошли этот путь и как его можем пройти мы сами, так?

КЭМПБЕЛЛ: Да, но они также раскрывают красоту этого пути. Я особенно хорошо понимаю это сейчас, стоя на пороге последних лет моей жизни, – мифы поддерживают меня на этом пути.

МОЙЕРС: Какие именно мифы? Можете привести пример мифа, который помогает именно вам?

КЭМПБЕЛЛ: В Индии, например, есть традиция, согласно которой, переходя от одной стадии к другой, следует менять стиль одежды, даже имя. Завершив карьеру преподавателя, я понял, что мне нужно будет совершенно изменить свой образ жизни, и поэтому я перестал ориентироваться на достижения и стал больше времени уделять расслаблению и наслаждению, чтобы по-настоящему оценить чудо жизни.

МОЙЕРС: Затем наступает последний этап пути, когда вы пересекаете врата тьмы.

КЭМПБЕЛЛ: Ну, это не проблема. Проблема заключается в том, что когда в среднем возрасте тело достигает вершины своих возможностей, а затем постепенно начинает дряхлеть, важно идентифицироваться не со

стареющим телом, а с сознанием, которое является движущим механизмом. Это то, что я узнал из мифов. Кто я? Лампа, которая несет свет, или свет, для которого лампа – только носитель?

Одной из психологических проблем старения оказывается страх смерти. Люди напуганы вратами смерти. Но тело – всего лишь вместилище нашего сознания, и если удастся отождествить себя с сознанием, то можно спокойно размышлять о том, что тело постепенно разрушается, как старый автомобиль. Сначала слетает крыло, потом шины, одно за другим – и это предсказуемо. Но когда машина рушится полностью, сознание снова соединяется с самосознанием. И оно покидает эту конкретную среду.

МОЙЕРС: Итак, эти мифы должны рассказать нам о старении. Я спрашиваю, потому что большинство мифов рассказывают о молодости.

КЭМПБЕЛЛ: Да, это греческие мифы. Когда мы думаем о мифологии, то обычно подразумеваем либо греческую, либо библейскую мифологию. Греческой культуре свойственен акцент на человеческой природе и гуманизм. Отсюда и такой фокус на молодости и красоте.

Но они также уважают возраст. Умный старик и мудрец – уважаемые персонажи в греческой мифологии.

МОЙЕРС: А как в других культурах?

КЭМПБЕЛЛ: В них нет такого акцента на молодости.

МОЙЕРС: Вы говорите, что мифология начинается с образа смерти. Что вы имеете в виду?

КЭМПБЕЛЛ: Самые ранние доказательства какого-либо подобия мифологического мышления связаны с могилами.

МОЙЕРС: Вы имеете в виду, что люди видят жизнь, которая потом вдруг странным образом заканчивается, и они не могут понять, что происходит и куда она исчезает?

КЭМПБЕЛЛ: Что-то в этом роде. Попытайтесь представить, как вы себя чувствовали бы. Захоронения с оружием и жертвоприношениями, предназначенными для обеспечения умершему вечной жизни, – все это означает, что некогда был живой и теплый человек, который превратился в холодный разлагающийся труп. То есть было что-то, была жизнь, которая внезапно исчезла. Где она теперь?

МОЙЕРС: Как вы думаете, когда люди впервые осознали смерть?

КЭМПБЕЛЛ: Как только первые люди начали умирать. Животные тоже видят смерть, но вряд ли они размышляют о ней. Нет никаких доказательств того, что человек придавал какое-либо значение смерти вплоть до появления неандертальцев, которые стали хоронить умерших вместе с оружием и жертвенными животными.

МОЙЕРС: Какой цели служили эти жертвоприношения.

КЭМПБЕЛЛ: Этого я не знаю.

МОЙЕРС: Как вы предполагаете?

КЭМПБЕЛЛ: Я не могу ничего предположить. Существует огромный объем материала по этой теме, но есть какие-то вопросы, которые остаются без ответа. Раз у нас нет письменных источников, сложно предположить, о чем именно думали в то время люди. Все, чем мы обладаем, – результаты археологических раскопок, которые позволяют делать экстраполяцию на прошлое, но это опасно. Ясно одно: все эти захоронения свидетельствуют о том, что у древних людей были представления о загробной жизни, жизни за пределами видимого мира, другого уровня существования, который каким-то образом дополняет видимый уровень существования, являющийся нашей отправной точкой. На мой взгляд, это главная тема в мифологии: есть невидимый мир, который поддерживает мир видимый.

МОЙЕРС: То, чего мы не знаем, опирается на то, что мы знаем.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Идея невидимой поддержки также связана с обществом, в котором живет человек. Общество существовало до него, будет существовать после него, и он является его членом. Мифы, которые связывают человека с его социальной группой, то есть племенные мифы, утверждают, что человек – орган более крупного организма. Общество само по себе служит органом еще более крупного организма, который представляет собой среду, то есть мир, в котором проживает племя. Основной смысл каждого ритуала – помочь человеку установить связь с некой морфологической структурой, превосходящей его собственное физическое тело.

Человек выживает, убивая, и именно поэтому в нем рождается чувство вины. Погребение говорит о том, что друг мой умер, но он спасется. И животные, которых я убиваю, тоже должны спастись. У самых первых охотников было представление о зверином божестве, таком повелителе животных, то есть о животном, которое управляет другими животными. Именно этот повелитель посылал других животных на убиение. Главный охотничий миф рассказывает о своего рода договоренностях между животным и человеческим мирами.

Животное добровольно отдает свою жизнь с пониманием того, что его жизнь не ограничена пределами физического мира и что оно вернется в землю или к Матери-природе через ритуал воскрешения. И этот ритуал воскрешения связан с главным охотничьим животным. Для индейцев американских равнин это зубр. На северо-западном побережье большие охотничьи праздники связаны с миграцией лосося. Главным животным

Южной Африки считается очень красивая антилопа канна.

МОЙЕРС: И роль главного животного заключается в том, чтобы…

КЭМПБЕЛЛ: …обеспечивать пропитание.

МОЙЕРС: Таким образом, в ранних охотничьих обществах между людьми и животными существовал такой тип отношений, который предполагал, что одни будут съедать других.

КЭМПБЕЛЛ: Так устроена жизнь. Человек – это охотник, а охотник – хищник. В мифах хищник и добыча играют очень важную роль. Они представляют две стороны жизни – агрессивную, убивающую, побеждающую, захватывающую и создающую, и другую – поддерживающую эту жизнь.

МОЙЕРС: Жизнь как она есть. Что происходит в отношениях между охотником и его добычей?

КЭМПБЕЛЛ: Как мы знаем из жизни бушменов и из отношения индейцев к бизону, охотник уважает добычу. Например, африканские бушмены живут в пустыне. Их жизнь очень сложная, и охота в таких условиях довольно затруднительна. Это потому, что у них почти нет древесины для создания мощных, массивных луков. Бушмены охотятся с очень маленькими луками, полет стрелы которых – не более тридцати метров. Стрела не может глубоко пронзить тело животного. Она едва царапает его кожу. Вот почему бушмены пропитывают стрелы ядом, поэтому антилопы, эти чрезвычайно красивые животные, умирают мучительно, а их агония иногда продолжается полтора дня. После того как раненая антилопа мучительно умерла от яда, охотники обязаны соблюдать определенные табу, то есть не совершать определенные действия, что является своеобразным актом сопричастности к смерти животного, которая была вызвана человеком, а плоть животного обеспечит жизнь человеку. То есть имеет место идентификация, мифологическая идентификация охотника с добычей. Убийство – это не просто резня, а ритуал, как и прием пищи, сопровождаемый молитвой. Это ритуал признания зависимости охотника от добровольной жертвы добычи, которая умирает, чтобы человек мог прокормить себя. Охота – это ритуал.

МОЙЕРС: Ритуал отсылает к духовному содержанию.

КЭМПБЕЛЛ: Он показывает, что охота происходит по законам природы, а не по личной прихоти. Я знаю, что, когда бушмены рассказывают истории о животных, они подражают звукам, произнося каждое слово так, как будто его издают животные. Люди знают этих животных очень хорошо, потому что они живут с ними в дружеских, добрососедских отношениях.

Затем они убивают некоторых из них для еды. Я знаю фермеров, у которых, помимо разных животных на ранчо, есть любимая корова. И ни за что в мире он не станет ее есть, потому что это будет чем-то вроде каннибализма – съесть друга. Но аборигены постоянно едят мясо своих друзей. В таком случае нужна некая психологическая компенсация, и мифы помогают ее обрести.

МОЙЕРС: Каким образом?

КЭМПБЕЛЛ: Ранние мифы примиряли психику с необходимостью убийства как акта продолжения жизни, чтобы человек не испытывал чувства вины и страха.

МОЙЕРС: И все мифы постоянно ссылаются на взаимоотношения такого рода: охота, охотник, добыча и животное как друг, как посланник бога.

КЭМПБЕЛЛ: Точно. Обычно преследуемое животное становится животным, которое является посланником божества.

МОЙЕРС: Так охотник убивает посланника.

КЭМПБЕЛЛ: Убивает божество.

МОЙЕРС: За этим следует чувство вины?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, благодаря мифу становится возможным не испытывать чувство вины. Убийство животного – это не каприз. Таковы законы природы.

МОЙЕРС: Миф помогает не чувствовать вину?

КЭМПБЕЛЛ: Да.

МОЙЕРС: Но время от времени человек может чувствовать некоторое нежелание убивать. Просто не хочется убивать животное.

КЭМПБЕЛЛ: Животное – отец. Вы знаете, что говорят фрейдисты? Если вы мужчина, ваш самый первый враг – отец. Если вы мальчик, каждый ваш потенциальный враг будет психологически соединяться с образом отца.

МОЙЕРС: Считаете ли вы, что животное олицетворяет образ Бога Отца?

КЭМПБЕЛЛ: Да. На самом деле религиозное отношение к главному животному – это уважение и даже восхищение тем, что оно воплощает. Это животное приносит подарки – табак, курительную трубку и так далее.

МОЙЕРС: Как вы думаете, первые люди сильно переживали из-за того, что им нужно было убивать божественное животное?

КЭМПБЕЛЛ: Разумеется. Именно поэтому возникли ритуалы.

МОЙЕРС: Какие именно ритуалы?

КЭМПБЕЛЛ: Такие, в которых восхваляют и благодарят животное.

Например, когда убивают медведя, проводится обряд, во время которого охотники кормят медведя куском собственной плоти. Потом медвежью шкуру вешают на своеобразную стойку, как будто бы медведь присутствовал за столом, и ему предлагают отведать собственного мяса. Горит костер, а огонь – это богиня. Затем начинается разговор между богом гор, которого олицетворяет медведь, и богиней огня.

МОЙЕРС: О чем они разговаривают?

КЭМПБЕЛЛ: Откуда нам знать? Их никто не слышит. Но между ними происходит какое-то общение.

МОЙЕРС: То есть если не задобрить пещерного медведя, то другие животные не придут, и тогда первым охотникам пришлось бы умереть от голода. Фактически они начинают осознавать некоторую силу, от которой зависят, силу, которая больше, чем они сами.

КЭМПБЕЛЛ: Совершенно верно. Это сила повелителя животных, обусловливающего готовность животных участвовать в охоте. Среди охотничьих племен во всем мире наблюдается очень душевное и уважительное отношение к животным, которые составляли основу рациона. Например, сегодня, когда мы садимся за стол, мы благодарим Бога за то, что он послал нам. Так же и первобытные люди благодарили животное, ставшее их пищей.

МОЙЕРС: Задабривание духа животного подобным образом – это как подкупить мясника в местном супермаркете в наше время?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, подобное сравнение неуместно. Это не взятка, а благодарность, которую вы испытываете к своему другу за сотрудничество и участие. Если вы не поблагодарите его, то тем самым нанесете оскорбление животному.

Существует много описаний ритуалов, связанных с охотой и убийством животных. Перед тем как отправиться на охоту, охотник поднимался на вершину холма, чтобы нарисовать животное, которое он убьет. И эта вершина выбиралась таким образом, чтобы первые лучи восходящего солнца осветили ее. Охотник вместе с другими стоял и ждал, когда появится солнце, чтобы начать совершать ритуалы. И когда солнце озаряло изображение животного, он выпускал из лука стрелу, которая летела параллельно лучам солнца и попадала в рисунок, а женщина, помогающая охотнику, поднимала руки к небу и начинала кричать. Затем охотник шел на охоту и убивал животное. И стрела пронзала его в том же самом месте, где и выпущенная в изображение стрела. На следующее утро, когда поднималось солнце, охотник шел на вершину холма и стирал изображение. Дело в том, что все это совершалось во имя естественного

закона природы, а не по личной прихоти.

Есть еще один ритуал, который существовал в совершенно другой культуре, в Японии. Самураи должны были мстить за убийство своего хозяина. И если самурай хватал убийцу и уже заносил над ним свой меч, а убийца в ужасе плевал самураю в лицо, тот убирал свой меч и уходил.

МОЙЕРС: Почему?

КЭМПБЕЛЛ: Потому что он рассердился, и если бы он убил этого человека в своем гневе, убийство стало бы личным актом мести. Хотя его долг – совершенно другой акт – отомстить, но беспристрастно и холодно.

МОЙЕРС: Как вы думаете, охотники американских Великих равнин убивали животных с такой же беспристрастностью?

КЭМПБЕЛЛ: Да, определенно. Разве это не моральная проблема: убить кого-то, а потом съесть? Видите ли, эти люди не воспринимали животных, как мы сейчас, – как низших существ. По их мнению, животные были, по меньшей мере, равны человеку и иногда превосходили его.

Животные обладают силой, которой нет у человека. У шаманов, например, часто есть дух-помощник или дух-покровитель в виде конкретного животного.

МОЙЕРС: Но если человек способен видеть и творить красоту этой связи между человеком и животным и преуспевает в этом, не становится ли он выше животного?

КЭМПБЕЛЛ: В отношениях с животными люди не столько думали о превосходстве, сколько о равенстве. Они обращались к животным за советом, животное в их глазах было примером того, как жить. И в этом отношении животное превосходит человека. Иногда оно становится главным в ритуале, как видно из легенд о происхождении бизона.

И равенство между животными и человеком очень хорошо показано в легенде индейского племени «черноногих», на основе которой был создан ритуальный танец, посвященный бизону и рассказывающий о том, как животные сотрудничают с человеком и принимают участие в этой игре под названием жизнь.

МОЙЕРС: Что это за легенда?

КЭМПБЕЛЛ: Эта история возникла из проблемы: как прокормить многочисленное племя. Один из способов обеспечить себя мясом на зиму – загнать стадо бизонов на край утеса, чтобы они упали вниз и их было бы легче убить у подножия скалы. Это называется «падением бизонов». История индейцев племени «черноногих» очень-очень старая, и она рассказывает о том, как они не могли заманить бизонов на край скалы. Животные почти подошли к пропасти, затем повернулись и ушли.

Казалось, что племя останется без мяса на зиму.

Однажды дочь одного из индейцев встала рано утром, чтобы принести воду семье, и глянула на скалу. Там, на самом краю пропасти, было стадо бизонов. И она сказала: «Если бы вы только подошли, я вышла бы замуж за одного из вас».

И, к ее удивлению, они все пошли. Это был сюрприз номер один. Сюрпризом номер два стало то, что один из бизонов, вожак стада, подошел и сказал: «Хорошо, девочка, идем». «О нет!» – воскликнула она.

«О да, – ответил он. – Ты обещала. Мы выполнили свою часть сделки. Смотри, все мои родственники мертвы. Так что идем».

Когда родители девочки проснулись, они стали искать Миннехаха, не понимая, куда она делась. Отец посмотрел на землю – вы же знаете, как индейцы ловко читают следы, – и сказал: «Она ушла с бизоном. Я собираюсь вернуть ее обратно».

Он надел мокасины, взял лук, стрелы и все необходимое и пошел по равнинам.

Прошло много времени. Он устал и решил отдохнуть. Он сел и стал думать, что ему делать, как вдруг прилетела сорока, одна из самых умных птиц, обладающая к тому же шаманскими способностями.

МОЙЕРС: Волшебные качества.

КЭМПБЕЛЛ: Да. И индеец говорит ей: «О прекрасная птица, скажи, моя дочь убежала с бизоном? Видела ли ты ее? Не пролетишь ли ты над равниной, чтобы посмотреть, нет ли ее где-нибудь?»

Сорока отвечает: «Да, неподалеку отсюда я видела очень красивую девушку вместе с бизоном».

«Лети, скажи ей, что ее отец здесь, в бизоньей яме[24]», – попросил индеец.

Сороке полетела и нашла девушку в стаде бизонов. Они все спали, а она вязала или занималась чем-то подобным. Сорока подошла к ней и сказала: «Твой отец там, рядом с бизоньей ямой, ждет тебя».

Девушка испугалась: «Это ужасно. Это очень опасно. Эти бизоны убьют нас. Скажи ему, чтоб он подождал, а я приду потом. Я что-нибудь придумаю».

Ее муж, бизон, спит подле нее, но просыпается, снимает свой рог и просит ее: «Иди, принеси мне воды». Она берет рог и направляется прямо к отцу. Он хватает ее за руку и говорит: «Пойдем!» Но девушка отвечает: «Нет, нет, отец, это очень опасно. Все стадо погонится за нами. Мне надо придумать что-нибудь. Но теперь позволь мне вернуться». Она набрала воды и пошла назад. Когда она вернулась, бизон закричал: «Фэй, фи, фи,

фум, чую запах крови индейца!» – или что-то в этом роде. Она сказала, что ему показалось. Он усомнился: «Да неужели?». Бизон заревел, и остальные бизоны проснулись. Они начали танцевать медленный бизоний танец с поднятыми хвостами, во время которого затоптали бедного индейца. От него ничего не осталось. Совсем. Они втоптали его в землю. Девушка зарыдала, и ее муж бизон сказал с неодобрением: «Ты почему-то плачешь». «Да», – произнесла она. – «Потому что это был мой отец». «Ага, – сказал он, – а что насчет нас? Там, внизу бездны, лежат наши дети, женщины, родители, а ты плачешь по своему отцу». Но, очевидно, этот бизон не был лишен сострадания, потому что он сказал: «Хорошо, если сможешь оживить своего отца, я отпущу вас».

Она обратилась к сороке: «Пожалуйста, полетай и посмотри, сможешь ли ты найти хоть кусочек тела моего отца». Сорока улетела и вскоре вернулась с одной маленькой косточкой, с одним позвонком. Девушка сказала: «Этого достаточно». Она положила его на пол и накрыла одеялом, потом села и стала петь песню, чтобы оживить мертвого. Это была волшебная песня, обладающая великой силой. И через некоторое время под одеялом уже лежал мужчина. Она заглянула под одеяло и воскликнула: «Это мой отец!» Но он все еще не дышал. Она исполнила еще несколько куплетов волшебной песни, и он встал.

Бизоны были в восхищении. Они сказали: «Почему бы нам не поступить следующим образом: мы научим вас бизоньему танцу, а когда вы убьете наши семьи, вы будете танцевать и петь эту песню, чтобы оживить их?»

И это основная идея: при помощи ритуала можно достичь такого измерения, которое выходит за рамки времени и из которого приходит и возвращается жизнь.

МОЙЕРС: Что произошло сто лет назад, когда пришел белый человек и убил этих почитаемых животных?

КЭМПБЕЛЛ: Это было осквернение сакраментального таинства. На картинах Джорджа Кэтлина[25], написанных в начале XIX века, можно видеть, как в свое время Великие Западные равнины населяли сотни тысяч бизонов. А позже, во второй половине века, переселенцы из западных приграничных районов страны, вооруженные винтовками, пришли и истребили целые стада ради шкур, которые они продавали, оставляя тела гнить[26]. Настоящее святотатство.

МОЙЕРС: Именно тогда отношение к бизону изменилось: из друга, с которым они были на «ты»…

КЭМПБЕЛЛ: …он стал безликим животным, просто «оно».

МОЙЕРС: Индейцы обращались к бизонам на «ты» в знак уважения и почитания.

КЭМПБЕЛЛ: Индейцы ко всему живому обращались на «ты»: к деревьям, камням, ко всему в природе. Если обращаться ко всему на «ты», то это повлияет на ваш образ мышления. Сознание, воспринимающее объект природы как «его/ее», отличается от сознания, которое воспринимает объект как неодушевленное «оно». Называет его «вы», отличается от эго, которое видит то же, что и неодушевленное «оно». И когда между двумя странами идет война, многие СМИ видят свою задачу в том, чтобы живого врага превратить в неодушевленное «это».

МОЙЕРС: То же самое происходит и в браке, не так ли? И с детьми.

КЭМПБЕЛЛ: Когда «ты» превращается в «оно», из отношений уходят чувства. Отношение индейцев к животным существенно отличается от того, как относимся к животным мы. Мы рассматриваем их как низшую форму жизни. Библия говорит нам, что мы хозяева. Напротив, в восприятии охотничьих племен, как я уже говорил, животное во многих отношениях превосходит человека. Индейцы племени павни[27] говорят: «В начале всех времен мудрость и знание принадлежали животным. Вот почему Тирава, верховный бог-творец, не говорит с людьми напрямую. Он отправляет животных, чтобы сообщить что Он явит ему Себя через диких зверей. И что человеку нужно учиться у них, у звезд, у Солнца и у Луны».

МОЙЕРС: Итак, первобытные охотники были первыми, у кого начало пробуждаться мифологическое воображение, кто прочувствовал чудо жизни?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Те первобытные времена вызвали настоящий всплеск искусства, и созданные в то время объекты являются воплощением самого настоящего мифического воображения.

МОЙЕРС: Когда вы смотрите на эти примитивные предметы искусства, то иногда думаете не о самом предмете, а о мужчине или женщине, создавшими его? Я часто размышляю, кто бы это мог быть – мужчина или эта женщина?

КЭМПБЕЛЛ: Это первое, что приходит в голову, когда оказываешься в древних пещерах. О чем они думали, когда создавали эти рисунки? Как они туда попали? Как они воспринимали мир? Единственный источник света, который у них был, – небольшой мерцающий факел.

И при всем моем уважении к красоте я думаю о том, действительно ли эти рисунки и объекты создавались ради красоты? Или это естественное проявление прекрасного духа? Какова природа красоты песни птицы –

сознательная, намеренная? И если да, то в каком смысле? Или это выражение ее прекрасного духа, если можно так сказать? Я так часто думаю об этом искусстве. В какой степени художник руководствовался тем, что мы сейчас назвали бы эстетическим соображением? Или он просто хотел выразить себя? И было ли это искусством, или он просто научился делать именно так?

Красота паутины, которую плетет паук, заключена уже в самой ее природе. Это инстинктивная красота. Какая ее часть обусловлена нашим собственным ощущением того, что жизнь прекрасна? И в какой степени это ощущение сознательно? Это большой вопрос.

МОЙЕРС: Скажите, вы помните, что почувствовали в тот момент, когда впервые увидели наскальные рисунки?

КЭМПБЕЛЛ: Оттуда не хочется уходить. Оказываясь в пещере, попадаешь в огромное помещение, похожее на собор, и везде – изображения животных. Немыслимая тьма вокруг. У всех нас были электрические фонари, но несколько раз человек, показывавший нам пещеры, гасил свет, и мы оказывались в кромешной темноте, темнее которой я никогда не видел. Что-то вроде, я не знаю, как сказать – как будто ты без сознания, такое все темное вокруг. Ты не знаешь, где находишься, в каком направлении идешь: на север, юг, восток или запад. Теряется ориентация в пространстве. В эту темноту никогда не проникал луч солнца. Потом, когда фонари снова зажигались, нашему взору открывались прекрасные рисунки животных. Они написаны с такой точностью и такой энергией, которые характерны для японской росписи по шелку, очень похоже. Бык длиной шесть метров изображен так, что его нарисованные бедра совпадают с выпуклостями в самой скале. Все продумано и как будто бы находится в единстве с окружающим миром.

МОЙЕРС: Вы называете их храмовыми пещерами?

КЭМПБЕЛЛ: Да.

МОЙЕРС: Почему?

КЭМПБЕЛЛ: Храм – это пространство души. Пересекая порог собора, вы входите в мир духовных образов. Храм – это материнская утроба вашей духовной жизни, мать-церковь. Все фигуры и объекты в храме наполнены духовным содержанием.

В наших соборах все образы имеют антропоморфный характер. Бог, и Иисус, и святые – это люди. В пещерах же на рисунках изображены животные. Но и иконы, и наскальная живопись говорят об одном и том же, поверьте мне. Форма вторична. Первостепенно само послание.

МОЙЕРС: И какое послание заключено в наскальных рисунках?

КЭМПБЕЛЛ: Рисунки в пещерах говорят о том, как высшие силы проявляют себя во времени и что каким-то образом это можно ощутить в этом месте.

МОЙЕРС: Для чего использовались эти пещеры?

КЭМПБЕЛЛ: Ученые считают, что в них проводились ритуалы инициации молодых мальчиков. В какой-то момент они должны были узнать не только о том, как охотиться, но и как поклоняться животным, какие ритуалы выполнять и как перестать быть мальчиками, потому что настало время стать мужчинами. Я не знаю, понимаете ли вы, но охота в то время была чем-то очень, очень опасным. И пещеры выполняли роль святилищ, где проходили мужские ритуалы, где мальчики совершали переход из мира матерей в мир отцов.

МОЙЕРС: Что именно происходило во время таких ритуалов?

КЭМПБЕЛЛ: Мы не знаем наверняка, что они делали в пещерах, но знаем, что делают сейчас австралийские аборигены. Когда мальчик начинает становиться озорным и неуправляемым, тогда наступает такой день, когда в его дом приходят мужчины племени. На них нет ничего, кроме повязок из белых перьев, приклеенных к их телам собственной кровью. Они вращаются и издают рев, который олицетворяет голоса духов, а мужчины сами являются духами.

Мальчик пытается спрятаться вместе со своей матерью, а она пытается защитить его. Но мужчины просто похищают его. Это означает, что отныне мать больше не приносит пользу мальчику. Вы не можете вернуться к матери, потому что вы переходите в другой мир.

Затем мальчиков отводят на священное место мужчин, и там совершается несколько обрядов посвящения – обрезание, символические надрезы на теле, они пьют человеческую кровь и так далее. Так же, как дети пьют материнское молоко, им теперь приходится пить мужскую кровь. Так они превращаются в мужчин. Во время этого ритуала перед ними разыгрываются сцены великих мифов. То есть их посвящают в мифологию племени. Затем, когда все заканчивается, мальчиков снова приводят в деревню, где им уже выбрали девушек, на которых они должны жениться. Мальчики возвращаются мужчинами.

Период детства закончился, об этом говорят символические порезы на его теле, обрезание и разные шрамы. Теперь у него тело мужчины. И нет никакой возможности вернуться назад, в детство.

МОЙЕРС: Нельзя вернуться к матери.

КЭМПБЕЛЛ: Нет. В нашей жизни, однако, таких ритуалов больше не существует. Вы можете встретить сорокапятилетнего мужчину, который все

еще слушается своего отца. Поэтому он идет к психоаналитику, который может помочь ему совершить этот переход.

МОЙЕРС: Или он идет в кино.

КЭМПБЕЛЛ: Кино может стать своеобразной заменой мифологических ритуалов, однако следует понимать, что кино создается совершенно с другой целью, чем та, которую преследует обряд инициации.

МОЙЕРС: Да, но в отсутствие ритуалов инициации, которые полностью исчезли в нашем обществе, воображаемый мир, проецируемый на большой экран, может, хотя и искаженно, служить нам одной и той же цели, верно?

КЭМПБЕЛЛ: Да, но, к сожалению, у большинства людей, пишущих эти сценарии, нет чувства ответственности. Хотя мифологические истории создаются, чтобы помочь человеку в его жизни, фильмы создаются в первую очередь в коммерческих целях. Это чувство ответственности, которое характерно для священника, совершающего ритуал, абсолютно отсутствует в киноиндустрии. И это одна из наших проблем сегодня.

МОЙЕРС: У нас и правда нет ни одного подобного ритуала, ведь так?

КЭМПБЕЛЛ: Боюсь, что так. Поэтому молодые люди придумывают их себе сами. Отсюда у нас все эти молодежные банды? Это инициации, которые они проводят для себя самих.

МОЙЕРС: Итак, миф имеет прямую связь с ритуалом племени, а отсутствие мифа может означать конец ритуала.

КЭМПБЕЛЛ: Ритуал – это воплощение мифа. Когда человек участвует в ритуале, он принимает участие в мифе.

МОЙЕРС: Что означает отсутствие мифов для сегодняшних мальчиков?

КЭМПБЕЛЛ: Обряд конфирмации[28], в принципе, соответствует этим ритуалам. Как мальчиком-католик, вы выбираете имя, под которым примете веру. Но вместо того, чтобы делать вам обрезание, наносить шрамы на кожу или выбивать вам зубы, священник улыбается вам и хлопает по щеке. Весь ритуал сводится к этому. С тобой ничего не происходит.

В еврейской традиции этому соответствует обряд бар-мицвы[29]. Будет ли такой обряд сопровождаться психологической трансформацией, думаю, зависит от конкретного человека. В древние времена, однако, такой вопрос не возникал. В ходе обряда тело мальчик претерпевало изменения, то есть он действительно проходил испытания, чтобы стать мужчиной.

МОЙЕРС: А что насчет девочек? Большинство рисунков в пещерах изображают мужчин. Было ли это своего рода тайным мужским

обществом?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, это не было секретным обществом. Просто от мальчика требовалось пройти этот ритуал. Конечно, мы точно не знаем, что происходило с девушками того времени, потому что сведений практически нет. Но в примитивных обществах сегодня девушка становится женщиной с наступлением первой менструации. Это просто случается с ней – и все. То есть сама женская природа выполняет ритуал посвящения. Происходит трансформация. Каким был обряд инициации? Чтобы стать женщиной, девушка должна в течение нескольких дней пожить в отдельной хижине, чтобы осознать произошедшее с ней.

МОЙЕРС: Как именно она эта делала?

КЭМПБЕЛЛ: Просто сидела. Она уже женщина. А что значит быть женщиной? Женщина является носителем жизни. Жизнь взяла свое. Женщина дает жизнь, выхаживает и заботится. По своей природе она соотносится с богиней Земли, и именно это она и должна понять в те дни, когда остается наедине с собой. Мальчик не переживает такого опыта, поэтому он становится мужчиной через ритуал, добровольно соглашаясь служить чему-то большему, чем он сам.

МОЙЕРС: Именно в этот момент, насколько нам известно, мифическое воображение и начинает работать.

КЭМПБЕЛЛ: Да.

МОЙЕРС: Какими были основные сюжеты того времени? Смерть?

КЭМПБЕЛЛ: Тайна смерти, несомненно, один из них, и таинство жизни. Две эти темы уравновешивают друг друга. На самом деле это два аспекта одной и той же загадки. Другая тема – отношение к животному миру, который умирает и рождается вновь.

Еще были сюжеты, связанные с добыванием пищи. Отношение женщины к природе. Мы не должны забывать о проблеме превращения ребенка в зрелого человека. Это преобразование является одной из основных тем во всей ритуальной жизни людей. Она актуальна и сегодня. Проблема превращения непослушных детей, движимых своими импульсами, в членов общества. Это требует постоянных усилий, потому что люди не терпели тех, кто не соблюдал правила в то время. Общество не поддерживало их. Их просто могли убить.

МОЙЕРС: Потому что они представляли угрозу благополучию?

КЭМПБЕЛЛ: Да, разумеется. Они были как раковые клетки, разрушающие тело изнутри. Племенные сообщества всегда ходили по краю.

МОЙЕРС: И несмотря на это они задавались фундаментальными

вопросами.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Но их отношение к смерти, скажем так, было совершенно иным, чем наше. Они серьезно воспринимали идею существования трансцендентного.

МОЙЕРС: Одним из важных аспектов древнего ритуала является то, что он объединяет людей в племя, создает чувство принадлежности, и вы становитесь его членом, членом сообщества, членом общества. В истории же западной цивилизации разрыв между индивидом и обществом только увеличивался. На первом месте оказывается индивидуальное Я.

КЭМПБЕЛЛ: Я не сказал бы, что эта характерная черта западной культуры всегда была актуальной, потому что эта сепарация – это не просто биологически обусловленное отделение. Духовное значение всегда было до последнего времени. Посмотрите старую новостную хронику, например инаугурацию президента Соединенных Штатов. Вы увидите, что он в цилиндре. Президент Уилсон даже в то время носил цилиндр, хотя он никогда не надевал его в повседневной жизни. Но как президент он должен был уважать этот ритуал. Однако теперь эти новые президенты – вы их знаете – приходят прямиком с поля для гольфа, разговаривают с вами и обсуждают государственные дела, скажем, стоит ли нам обзавестись ядерной бомбой или нет. Это совершенно другой стиль. Нет места ритуалу. Даже в Римско-католической церкви, бог мой, они перевели ритуальный язык поклонения на язык повседневной жизни. Язык мессы потому и отличался от разговорного, чтобы возвысить вас над повседневностью. В то время алтарь был помещен так, чтобы священник стоял спиной к пастве, и все могли бы обратиться внутрь себя. Теперь они развернули алтарь так, будто бы это шоу Джулии Чайлд[30], где все уютно и по-домашнему.

МОЙЕРС: И они играют на гитаре.

КЭМПБЕЛЛ: Они играют на гитаре. Они забыли о смысле ритуала, который заключается в том, чтобы возвысить вас над повседневной жизнью, а не погрузить в то однообразие, в котором вы и так уже проводите все свое время.

МОЙЕРС: А во время брачной церемонии вы соприкасаетесь душами с другим человеком.

КЭМПБЕЛЛ: Разумеется. Но от ритуалов, которые когда-то были наполнены глубоким духовным смыслом, сегодня остается только форма. Это касается как общественных ритуалов, так и личных, таких, например, как церемония бракосочетания.

МОЙЕРС: Теперь я понимаю, почему многие считают, что в определенной степени религиозные догмы устарели.

КЭМПБЕЛЛ: Однако в отношении ритуалов традиции должны поддерживаться. Многие из наших ритуалов мертвы. Как интересно читать о примитивных, первобытных культурах, о том, как с течением времени и под влиянием определенных условий изменялись народные истории и мифы.

Люди, скажем, переезжают с места, где основным занятием было сельское хозяйство, на большие равнины – и это все меняет. Большинство индейцев, живущих на равнинах, относились в свое время к так называемой культуре Миссисипи. Первоначально они жили в поселениях вдоль реки Миссисипи и занимались земледелием. Но с приходом испанцев индейцы обзавелись лошадьми, у них появилась возможность проехаться по равнинам и заняться охотой на бизонов. Тогда же изменяются и их мифы: они больше не рассказывают о растительном мире, и главная роль в них теперь принадлежит бизонам. В основе мифов индейцев Дакоты, индейцев павни и кайова можно обнаружить «следы» той ранней мифологии, описывающей растительный мир.

МОЙЕРС: Иными словами, сюжет истории зависит от условий среды?

КЭМПБЕЛЛ: Люди всегда реагируют на окружающую среду, не так ли? Хотя сейчас наши традиции не отвечают окружающей среде. Они были созданы еще в первом тысячелетии до нашей эры. Они не ассимилировались с нашей современной культурой и новыми открытиями, которые меняют наше восприятие Вселенной.

Миф должен жить. И миф могут сохранить деятели искусств. Их задача в том, чтобы мифологизировать окружающую среду и мир.

МОЙЕРС: Вы имеете в виду, что люди искусства – это современные мифотворцы?

КЭМПБЕЛЛ: Первые мифотворцы тоже были кем-то вроде деятелей искусства.

МОЙЕРС: Они рисовали, они проводили ритуалы.

КЭМПБЕЛЛ: Да. В Германии существует давняя романтическая концепция, *das Volk dichter*, то есть народ поэтов, согласно которой идеи и поэтика традиционных культур происходят из народного творчества. Но это не так. Они возникли из опыта высших слоев общества, личностей, особенно одаренных, чьи уши были открыты для песни вселенной. Они обращаются к народу, народ отвечает им, происходит взаимодействие. Но изначальный импульс в формировании народной традиции исходит сверху, а не снизу.

МОЙЕРС: В тех ранних примитивных культурах, как вы их называете, кто играл роль поэтов?

КЭМПБЕЛЛ: Шаманы. Шаман – это человек (неважно, мужчина или женщина), который пережил очень сильный психологический стресс в раннем детстве или юности, что не могло не отразиться на его личности. Это что-то вроде шизофренического расстройства. Бессознательное захватывает его, и человек растворяется в нем. Это шаман. Описания шаманского опыта были описаны много раз. Они встречаются во всем мире – от Сибири до Америки и Огненной Земли.

МОЙЕРС: И переживание экстаза – часть этого опыта.

КЭМПБЕЛЛ: Так и есть.

МОЙЕРС: Ритуальные танцы бушменов, во время которых они впадают в состояние транса, например.

КЭМПБЕЛЛ: И это чудесный пример.

Бушмены живут в пустыне. Их жизнь очень сложна и сопровождается большим напряжением. Мужские и женские роли четко разделены, и это разделение строго соблюдается. Только во время танца они собираются вместе. Женщины сидят в кругу или небольшими группами и начинают хлопать по бедрам, отбивая ритм для мужчин, танцующих вокруг них. Женщины – это центр, вокруг которого танцуют мужчины. И они управляют танцем и всем, что происходит с мужчинами, через песню, которую поют, и удары по бедрам.

МОЙЕРС: Почему так важно, чтобы женщины контролировали ход танца?

КЭМПБЕЛЛ: Женщина – это жизнь, а мужчина – служитель. Такова основная идея. В течение танца, который длится всю ночь, один из мужчин теряет сознание. Фактически он переживает то, что мы назвали бы одержимостью. Но этот мгновенный опыт – своего рода вспышка, молния, которая проходит сквозь все тела от таза вдоль позвоночника прямо в голову.

МОЙЕРС: Вы описываете это в своей книге «Путь животных сил».

КЭМПБЕЛЛ: «Когда люди поют, я танцую. Я ухожу в землю. Я добираюсь до места, похожего на водопой. Я путешествую долго, ухожу далеко». Он в трансе, и это описание его состояния. «Когда я появляюсь, я уже поднимаюсь. Я поднимаюсь по нитям, нитям, которые тянутся там, к югу. Я поднимаюсь по одной и оставляю ее, затем поднимаюсь по следующей. И я оставляю и ее, и хватаю третью… И когда добираешься до того места, где Бог, сжимаешься. Уменьшаешься. Маленьким ты входишь в то место, где Бог. Ты делаешь там, что должно. Потом ты возвращаешься туда, к остальным, и прячешь свое лицо. Ты прячешь лицо, чтобы ничего не видеть. Ты идешь, идешь, идешь, и, наконец, снова возвращаешься в

свое тело. Все люди, которых ты оставил, теперь стоят и ждут тебя – они тебя боятся. Ты возвращаешься на землю, ты приходишь назад, проникнуть под кожу своего тела… И ты говоришь „эгей“ – это звук возвращения в собственное тело.

Затем ты издаешь вздох. Мастера нтум[31] вокруг». Нтум – сверхъестественная сила. «Они берут пыль и пускают ее мне в лицо – „фью! фью!“. Они хватают твою голову и дуют с обеих сторон на твое лицо. Так тебе удается вернуться к жизни. Друзья, если они этого не сделают, ты умрешь… Ты просто умрешь, и будешь мертв. Друзья, то, что он делает, это то, что я делаю, пока я танцую этот нтум».

Боже мой! Ясно как белый день, что этот человек перешел в другую сферу сознания. Он переживает такое состояние, будто летает в воздухе.

МОЙЕРС: И потом он становится шаманом.

КЭМПБЕЛЛ: Не в данной культуре. Он становится танцором и исполняет танец транса. Все мужчины погружаются в состояние транса.

МОЙЕРС: Есть ли что-нибудь подобное в нашей культуре, что соответствует этому опыту? Я думаю, в частности, о так называемом «втором рождении» в нашей южной культуре.

КЭМПБЕЛЛ: Должно быть. Это настоящее путешествие сквозь землю в царство мифологических образов, к Богу, к престолу. Я лично не знаю, что представляет собой это «второе рождение», – часть христианской веры. Но я полагаю, что средневековые ясновидящие, которым Бог являлся в видениях и которые потом рассказывали о своем опыте, переживали нечто подобное.

МОЙЕРС: В этом опыте есть переживание некоего экстаза, не так ли?

КЭМПБЕЛЛ: Как говорят, это всегда экстаз.

МОЙЕРС: Вы когда-нибудь видели такой ритуал? Случай переживания такого опыта? Вы сами испытывали такой экстаз или были его свидетелем?

КЭМПБЕЛЛ: Нет. Но мои друзья часто ездили на Гаити, чтобы лично участвовать в обрядах вуду, во время которых люди испытывали такое состояние, как будто они были одержимы духом. Но есть и танцы, которые просто имитируют экстаз. Еще существовала давняя традиция – впадать в ярость перед боем, чтобы стать бесстрашным воином. Например, перед битвой берсерки[32] приводили себя в состояние бешенства. Фактически они должны были довести себя до безумия в разгар битвы, чтобы сражаться без страха.

МОЙЕРС: Это единственный способ проникнуть в бессознательное?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, это может произойти как внезапный прорыв. Вы

совершенно не думали ни о чем подобном, а потом ба-бах – и это происходит.

МОЙЕРС: И тот, кто прошел через подобное психологическое состояние, через этот травматический опыт, через этот экстаз, в глазах других должен стать переводчиком посланий, исходящих из невидимого мира.

КЭМПБЕЛЛ: Да, он будет толкователем мифологического наследия, можно так сказать.

МОЙЕРС: И что вызывает такое состояние?

КЭМПБЕЛЛ: Лучшее, что приходит мне в голову, чтобы ответить на этот вопрос, – это история о Черном Лосе[33].

Черный Лось – мальчик из племени североамериканских индейцев сиу примерно девяти лет. Это случилось еще до того, как американская кавалерия столкнулась с сиу, жившими на равнинах. Вскоре мальчик заболел каким-то психическим заболеванием. То, что рассказывает его семья, – типичная история каждого шамана. Ребенок начал дрожать, его парализовало. Родственники испугались и послали за местным шаманом, у которого уже был такой опыт в молодости, чтобы он как психоаналитик помог мальчику выйти из этого состояния. Но вместо того, чтобы освободить его тело от духов, шаман подружил его тело с духами, а духов – с его телом. Эта проблема отличается от проблемы психоанализа. По-моему, Ницше сказал: «Остерегайтесь изгонять бесов, так как вместе с ними вы можете изгнать лучшее, что есть в вас».

В этой истории духов – давайте назовем их силами – оставляют в теле. То есть эта связь не прерывается, а сохраняется. И тогда эти люди становятся духовными советниками и дарителями для своего народа.

Давайте вернемся к рассказу о мальчике. Он получил пророческий дар и увидел страшное будущее, которое ждет людей его племени. Он назвал свое собственное видение «обручем», который сковывает людей. Черный Лось увидел, что обруч его народа был всего лишь одним из обручей, о которых мы еще не знаем. Он видел связи между всеми обручами и всеми народами в великой процессии. Но еще более важно то, что это был опыт, в котором он проходил через сферы духовных образов, типичных для его собственной культуры, и потом понял их смысл. Все сводится к существенному утверждению, которое для меня является ключом к пониманию мифа и символов. Он сказал: «Я сам видел, стоя на вершине главной горы мира, самой высокой точке. У меня было видение, потому что я узнал тайну мира». Это священная гора в центре мира, на самом деле Харни-Пик – высшая точка Южной Дакоты. И затем он добавляет: «Но

гора мира повсюду».

Это настоящая мифология в действии. То есть делается различие между местным культовым изображением – Харни-Пиком – и его коннотацией как центром мира. Центром мира является *axis mundi*, ось мира, центральная точка, ось, вокруг которой все вращается. Центральная точка мира – это точка, в которой сходятся движение и неподвижность. Движение – это время, неподвижность – вечность. Прожить этот момент вашей жизни как момент вечности и ощутить вечность в реальности текущего момента – это называется мифологическим опытом.

Кто скажет, где находится гора мира? В Иерусалиме? Риме? Варанаси? Лхасе? Мехико?

МОЙЕРС: Индейский мальчик говорил, что в месте, где пересекаются все пути, рождается сияние.

КЭМПБЕЛЛ: Да, именно об этом он и говорил.

МОЙЕРС: И он также говорит, что Бог – это не замкнутая форма?

КЭМПБЕЛЛ: Существует определение Бога, которое разделяют многие философы. Бог – это доступная для понимания сфера. Сфера, известная разуму, но не чувствам, центр которой расположен повсюду и у которой нет контура. И центр находится там, где вы сейчас стоите. Другой центр – это то место, где сейчас стою я. И каждый из нас оказывается проявлением этого таинства. Если вы достигнете этой степени сознания, вы сможете найти ответ.

Это метафора, которая дает вам представление о реальности.

МОЙЕРС: То есть это метафора, образ реальности.

КЭМПБЕЛЛ: То, о чем вы говорите, также можно рассматривать как грубый индивидуализм, если вы не поняли, что центр существует не только внутри вас, но и в человеке, стоящем напротив вас. Это мифологический взгляд на индивидуальность. Вы и есть гора мира, она – везде.

Глава IV
Самопожертвование и блаженство

> *Когда вы следуете за своим счастьем, то встаете на такой путь, который существовал всегда, дожидаясь вас. И жизнь, которую вы должны прожить, есть та, которой вы живете. Везде, где бы вы ни были – когда следуете за своим счастьем, – вы все время получаете удовольствие от того, что силы ваши восстанавливаются, и от собственной внутренней жизни.*

МОЙЕРС: Когда я прочитал написанное вами о влиянии окружающей среды на возникновение мифа, меня поразило в этих людях – жителях равнин, охотниках, лесниках и фермерах – то, что они часть природного мира. Они находятся в единстве с ним, и каждое проявление этого мира становится чем-то священным для них.

КЭМПБЕЛЛ: Главная задача мифологии – это превращение окружающей среды в нечто священное. Это, например, очевидно индейцам навахо, которые различают северную гору, южную, восточную, западную и центральную гору. В хижинах навахо, называемых хоганом, дверь всегда выходит на восток. Очаг находится посередине и символизирует космический центр, и дым поднимается через отверстие в крыше, поэтому боги чувствуют запах благовоний.

Окружающая среда, в которой они обитают, становится иконой, то есть священной картиной. Куда бы вы ни пошли, вы связаны с космическим порядком. Если посмотреть на знаменитые песочные рисунки племен навахо, можно заметить, они всегда нарисованы в окружности; это может быть мираж или радуга, или что-то другое, но всегда есть определенное круговое изображение с разрывом на востоке, чтобы новый дух мог протекать через него. Когда Будда сидит под баньяном, его лицо обращено на восток – к восходящему солнцу.

МОЙЕРС: В первый свой визит в Кению я в одиночку отправился на берег озера, где когда-то было древнее поселение, и оставался там, пока не стемнело, ощущая присутствие жизни во всем. Я сидел под ночным небом на этой огромной территории и чувствовал себя частью чего-то живого.

КЭМПБЕЛЛ: Если я не ошибаюсь, Цицерон сказал, что когда вы окажетесь посреди леса с большими высокими деревьями, то ощутите присутствие божества. Священные леса повсюду. Я помню, что в детстве мы играли в лесу, и мне нравилось одно большое старое дерево, я фактически поклонялся ему. Я подходил к нему и говорил: «Боже, ты столько всего знаешь и столько пережил». Я думаю, ощущение причастности к мирозданию – основное в духовном настрое человека. Но мы живем в городах среди кирпичей и каменных плит, сделанных человеком. Этот мир, в котором ты растешь, абсолютно отличается от того, который ты видишь, оказавшись в лесу, где водятся маленькие бурундуки и большие совы. Все, что нас окружает, олицетворяет силы и магию жизни, которые не принадлежат вам, но в то же время они являются частью жизни, и эта жизнь открывается перед вами. И тогда вы чувствуете, что эти силы созвучны вам, потому что вы тоже часть природы. Когда индеец сиу берет калюмет, курительную трубку, он сначала направляет ее к небу, чтобы первую затяжку сделало солнце. Потом он поворачивает ее ко всем четырем направлениям света. С такой картиной мира, когда ты ощущаешь свою принадлежность к окружающему миру, у тебя есть свое место в этом мире. Это совершенно другой образ жизни.

МОЙЕРС: В «Мифическом образе» вы пишете о центре трансформации, о том священном месте, где время исчезает и нам предстает настоящее чудо. Что значит иметь такое священное место?

КЭМПБЕЛЛ: Такое место абсолютно необходимо каждому человеку в наше время. У вас должно быть пространство, или определенный час, или определенный день, когда вы не просматриваете газет, не общаетесь с друзьями, не думаете о том, что вы кому-то должны или что кто-то должен вам. Это место, где вы можете ощутить себя: кто вы есть на самом деле и кем можете быть. Это место для развития творчества. Сначала вы можете подумать, что там ничего не происходит. Но если у вас есть свое священное место и вы используете его регулярно, то что-то обязательно произойдет.

МОЙЕРС: Это священное место играет ту же роль, что и равнины для охотника.

КЭМПБЕЛЛ: Для индейцев весь мир являлся священным местом. Но наша жизнь стала настолько ориентированной на экономические и практические задачи, а испытания повседневной жизни настолько велики, что, став старше, человек в какой-то момент перестает понимать, где он находится и в чем его предназначение. Где же тогда ваш собственный «остров блаженства»? Каждый должен попытаться найти его. Достаньте свой старый проигрыватель и поставьте свою любимую пластинку, даже

если это будет что-то абсолютно сентиментальное и безвкусное, что никому другому не нравится. Или возьмите интересную книгу. В вашем священном и неприкосновенном убежище вы обретаете чувство единения с жизнью, такое же, как было у индейцев, когда ко всему живому они обращались на «ты».

МОЙЕРС: Мы говорили о влиянии окружающей среды на людей, а какое воздействие оказывают на окружающую среду люди?

КЭМПБЕЛЛ: Люди создают святилища в тех местах, где они живут, и мифологизируют животных и растения, населяя эту землю духами и высшими силами. И через это они выражают свои духовные, а не материальные потребности. Они создают храмы, места для медитации. Например, индейцы навахо очень успешно мифологизировали животных.

В песочных картинах племени навахо можно увидеть, что каждое маленькое существо несет свой собственный смысл. На этих картинках животные изображены не такими, какие они есть на самом деле. Они нарисованы особым образом. Акцент делается на духовных, а не только на физических характеристиках. Например, есть такая муха, которая может сесть на человека, идущего по пустыне. В мифах навахо эта муха известна как Большая муха или Слабый ветер. Именно она, как правило, шепчет в ухо молодому герою ответы на вопросы, которые старейшины задают ему во время проверки. Большая муха – это голос святого духа, который открывает простому смертному скрытую мудрость.

МОЙЕРС: И какая цель всего этого?

КЭМПБЕЛЛ: Сделать эту землю по-настоящему своей. Отразить содержание своего духовного мира на той земле, на которой они живут.

МОЙЕРС: То есть когда Моисей искал Землю обетованную, он делал то же, что делали и многие другие духовные лидеры для своего народа. Это способ приобщиться к земле.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Вы помните историю о сне Иакова? Когда Иаков просыпается, место, где он спал, становится Вифлеемом, то есть домом Божьим. Иаков заявил о том, что это место имеет важное духовное значение. Там Бог посеял его силу.

МОЙЕРС: Существуют ли священные места на этом континенте до сих пор?

КЭМПБЕЛЛ: Мехико был священным местом, одним из крупнейших городов в мире до того, как испанцы пришли и опустошили его. В то время, когда они впервые увидели Мехико, или Теночтитлан[34], такого большого города не было в Европе. Это был также священный город с огромными храмами. Католический собор сейчас расположен на том же месте, где

когда-то был храм Солнца. Это один из примеров того, как христиане сделали эту землю своей. Понимаете, сооружение своего храма на месте старого – это символический способ заявить о своих правах на землю, сделать ее своей.

Наши предки, отцы-пилигримы, например, окрестили поселения и места библейскими именами. И кто-то в северной части штата Нью-Йорк, по-видимому, имел в виду «Одиссею» и «Илиаду», давая городам такие названия, как Итака, Ютика и подобные им.

МОЙЕРС: В определенном смысле люди отметили окружающую среду, полагая, что существует энергия, которая дает им силу. Похоже, что существует органическая связь между землей и сооружениями, которые были построены на ней.

КЭМПБЕЛЛ: Да, но крупные города положили этому конец.

МОЙЕРС: В настоящее время в Нью-Йорке идет конкуренция за самое высокое здание.

КЭМПБЕЛЛ: Торжество архитектуры. Это послание города. Он словно говорит: это мощный финансовый центр, посмотрите, что мы можем. Это похоже на виртуозный акробатический трюк.

МОЙЕРС: Сегодня есть какие-то священные места?

КЭМПБЕЛЛ: Их не существует. Есть только несколько исторических достопримечательностей, куда люди могут прийти и подумать о том, что там произошло. Например, мы можем посетить Святую землю, потому что это земля, откуда произрастают наши религиозные корни. Но, с другой стороны, каждая земля должна быть священной. Люди должны сами находить символ жизненной энергии в каждой местности. Это то, что происходило во всех ранних культурах. Они делали землю святой. Так поступали первые поселенцы Исландии, например, в VIII и IX веках. Их ранние поселения располагались на расстоянии 432 000 римских футов друг от друга (432 000 – важное мифологическое число, существующее во многих традициях). Если вы знаете мифологию, то поймете, что структура исландского природного ландшафта использовалась с учетом космических связей. То есть куда бы вы ни отправились в Исландии, вы, так сказать, все равно будете в согласии со Вселенной.

Это та же самая мифология, которая встречается в Египте, но в Египте символизация принимает другую форму, потому что Египет не круглый, а длинный. Вот почему там богиня неба изображается в виде священной коровы с двумя ногами на юге и двумя на севере, чтобы, так сказать, дать представление о прямоугольнике. Но духовный символизм нашей собственной цивилизации в основном утрачен. Вот почему так приятно

побывать в прекрасном маленьком французском городе Шартре, где собор до сих пор выше всех остальных зданий и колокола бьют днем, утром в полдень и потом снова, когда ночь сменяет день.

Шартр – мой приход. Я часто приезжал туда. Еще студентом, учась в Париже, я однажды провел все выходные в соборе, изучая каждую деталь. Я пробыл там так долго, что в полдень второго дня ко мне подошел служащий и спросил: «Хочешь подняться со мной на колокольню и посмотреть, как я буду бить в колокола?» «Конечно, хочу», – ответил я. Мы забрались на колокольню, где был огромный бронзовый колокол. Там еще была маленькая платформа, напоминавшая качели. Звонарь вставал у одного ее конца, я у другого, Держась за небольшую перекладину, мы вставали по разным ее концам. Толкнув платформу, он вскакивал на нее, а за ним – я. И мы начинали подниматься и опускаться, ветер играл волосами там, на самом верху собора, а колокол под нами пел: «Бум, бум, бум». Это был один из самых захватывающих моментов в моей жизни.

Когда все закончилось, он отвел меня назад и сказал: «Я хочу показать вам свою комнату». В соборе есть неф, трансепт, апсида, а вокруг нее – алтарная преграда[35].

Мы прошли через маленькую дверь, прямо в середине алтарной преграды, и оказались в его комнате: маленькая кровать, маленький стол и лампа. Когда я посмотрел через преграду, то увидел витраж с Черной Мадонной[36]. Здесь, в этой комнате, он и жил. Человек, который постоянно медитирует. Это очень трогательно и так красиво. С тех пор я часто посещал Шартр.

МОЙЕРС: И что вы там находите?

КЭМПБЕЛЛ: Он возвращает меня назад в то время, когда общество было пропитано идеей духовности. О том, что движет обществом в конкретный период, можно сказать по самому высокому зданию в городе. Подъезжая к средневековому городу, видишь, что над ним возвышается собор. Самым высоким зданием в городе восемнадцатого века будет уже дворец, то есть центр политической деятельности. А в современном городе самые высокие здания – это офисы, то есть центр деловой и экономической жизни.

Солт-Лейк-Сити очень хорошо иллюстрирует то, что я сейчас сказал. Сначала в центре города был возведен храм, как и положено, потому что храм является духовным центром, от которого все расходится во всех направлениях. Позже возле храма было построено здание законодательного собрания штата, то есть политический центр города. Это здание выше

храма. А теперь самое высокое здание – здание бизнес-центра. Это история западной цивилизации. От готики – к княжеским временам XVI, XVII и XVIII веков, к экономическому миру, в котором мы живем сегодня.

МОЙЕРС: И когда вы приезжаете в Шартр…

КЭМПБЕЛЛ: …я возвращаюсь в Средневековье. Я оказываюсь в том мире, в котором вырос, в мире образов Римской католической церкви, в традиции, в которой я был воспитан. И это прекрасно.

МОЙЕРС: Вы не похожи на человека, который плывет на волнах ностальгии. Я имею в виду, что привлекает вас не только прошлое. Правильно?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, это настоящее. Этот собор дает мне духовную информацию о мире. Это место для медитации, место, где можно просто бродить, сидеть или смотреть на разные красивые вещи.

МОЙЕРС: Шартрский собор, который вы так любите, также выражает связь человека с космосом, не так ли?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Собор выполнен в форме креста, а алтарь находится посередине. Это символическая структура. Сейчас большинство церквей построено так, как если бы они были театрами. Самое главное в них – хорошая видимость. В соборе видимость не имеет значения. Большая часть того, что происходит в нем, находится вне поля зрения. Символ – самое главное в данном случае, это ведь не шоу. Все знают церковные обряды наизусть. Вы участвуете в них с шестилетнего возраста.

МОЙЕРС: Зачем же вы тогда снова и снова возвращаетесь в этот собор?

КЭМПБЕЛЛ: В этом-то и вся суть мифа. Почему мы снова и снова говорим об одних и тех же вещах языком мифа? Потому что благодаря ему мы можем выстроить связь с архетипическими элементами нашей души. Мы сохраняем эту связь благодаря обрядам.

МОЙЕРС: Но мы этого не делаем.

КЭМПБЕЛЛ: Да, мы потеряли связь. Цель жизни в свое время состояла в том, чтобы жить осознанно в соответствии с духовными принципами. В ассирийских дворцах можно увидеть необыкновенного зверя – с мужской головой, телом льва, крыльями орла и ногами быка: четыре знака зодиака, объединенные в одно целое и ставшие хранителями дворцовых ворот. Эти же четыре зверя, связанные с видением пророка Иезекииля, становятся евангелистами в христианской религии. Вы помните молитву: «Матфей, Марк, Лука и Иоанн, благословите кровать, где я сплю». В этой молитве вы находитесь посередине, где и Христос, и четыре стороны света – это четыре ножки вашей постели.

Эта мандала представляет Христа, который находится за пределами пространства-времени. Четыре зверя представляют собой завесу пространства-времени, скрывая его, а Христос посередине – это прорыв, второе рождение, приход Владыки мира из чрева Вселенской Богини, пространство-время.

МОЙЕРС: Вы говорите, что собор, подобный собору в Шартре, символизирует понимание основополагающего смысла, который выше закона и присутствует в архитектуре не только в величественных каменных формах, но и в Великом безмолвии, характерном для этих форм.

КЭМПБЕЛЛ: Решающий божественный ориентир – это молчание по ту сторону звука. Слово, ставшее плотью, – это первый звук. Помимо этого звука есть трансцендентное неизвестное, непознаваемое. Об этом можно говорить как о великой тишине, или как пустоте, или как о трансцендентном абсолюте.

МОЙЕРС: Когда вы говорите, что мифы связывают нас со священными местами и что окружающая среда соединяет первобытных людей со Вселенной, я начинаю думать, что сверхъестественное, по крайней мере в том смысле, в котором вы его используете, на самом деле очень естественно.

КЭМПБЕЛЛ: Понимание сверхъестественного как стоящего над естественным – это губительная идея. В Средние века эта идея в конечном счете превратила мир во что-то вроде пустынной земли, земли, где люди живут фальшивой жизнью, не осмеливаются следовать своим желаниям, поскольку сверхъестественные законы требовали, чтобы они жили так, как велел священник. И на этой пустынной земле люди играют роли и выполняют задачи, которые не имеют к ним отношения, которые навязываются им как неумолимые законы. Это убийственно. В поэзии трубадуров XII века выражен протест против этого, против оправданного сверхъестественными силами нарушения истинной радости жизни. Это легенда о Тристане, а также некоторые из замечательных версий легенды о поиске Святого Грааля, созданные Вольфрамом фон Эшенбахом[37]. Дух – это действительно букет жизни. Но это не вдохновение извне, это то, что рождается самой жизнью. Это одна из лучших вещей в культах матери-богини, в которых тело богини – мир, божественный сам по себе, а божественность при этом не является чем-то, что доминирует над погрязшей в грехе природой. Такое же понимание частично сохранилось в средневековом поклонении Богородице, которое вдохновило создание всех этих прекрасных французских соборов, построенных в XIII веке.

История нашего грехопадения в Эдемском саду рассматривает природу

как нечто порочное; и этот миф искажает наше восприятие реальности, потому что все природное воспринимается как греховное, и каждое спонтанное действие оказывается порочным, и нельзя идти на поводу у своих желаний. В зависимости от того, представляет ли миф природу как падшую и порочную, или как проявление божественности, и дух как божественное откровение, присущее природе, будут развиваться совершенно разные культуры и два совершенно разных образа жизни.

МОЙЕРС: Кто сегодня объясняет нам, что такое божественность, присущая природе? Кто наши шаманы? Кто интерпретирует невидимое нам?

КЭМПБЕЛЛ: Это задача художника, человека искусства. Он тот, кто сегодня интерпретирует мифы. Но он должен быть художником, который понимает мифологию и человеческую душу, а не обычным социологом с определенным набором действий.

МОЙЕРС: А что простые люди – не поэты, не художники или люди, которые никогда не испытывали трансцендентный экстаз? Как нам понять все это?

КЭМПБЕЛЛ: Я расскажу вам. Это очень просто. Вы сидите в своей комнате и читаете, читаете, читаете хорошие книги, написанные хорошими людьми. Тогда ваш ум достигает такого уровня, на котором вы переживаете приятное, тихое и непрекращающееся восхищение. Самореализация может стать делом всей вашей жизни. Когда вы найдете писателя, который вам нравится, прочитайте все написанное им. Не говорите: «О, я просто хочу знать, что произошло с героем». Не надо выбирать книги из списка бестселлеров. Читайте книгу так, будто бы она была написана специально для вас. А потом можете прочитать те книги, на которые ссылается автор. И тогда мир раскрывается перед вами согласно определенному мировоззрению. Когда вы просто читаете одного автора за другим, проглатывая все работы, возможно, вы будете знать, в каком году кто и что написал, но вы не узнаете о том послании, которое было предназначено в этой книге именно вам.

МОЙЕРС: Шаманы выполняли в раннем обществе ту же функцию, что и люди искусства сегодня. Они играли гораздо более важную роль, чем просто служение…

КЭМПБЕЛЛ: Они играли ту же роль, что и священнослужители в нашем.

МОЙЕРС: Шаманы были священниками?

КЭМПБЕЛЛ: На мой взгляд, существует большая разница между шаманом и священником. Священник – что-то вроде чиновника. Общество

поклоняется некоторым божествам, и священник рукоположен для того, чтобы соблюдать надлежащее исполнение ритуала. Божество, которому он служит, существовало до него. Сила шамана заключается в том, что он общается со своими божествами лично, и они являются частью его личного опыта. Его авторитет исходит из его психического опыта и его способности устанавливать связь с божествами, а не из того, что общество поручило ему это.

МОЙЕРС: Шаман побывал там, где я не был, и рассказывал мне про этот мир.

КЭМПБЕЛЛ: Кроме того, как и в случае с Черным Лосем, шаман может перевести свои видения на язык ритуала, который знает его народ. Это означает, что вы должны вывести свой внутренний духовный опыт в мир, чтобы люди поняли вас.

МОЙЕРС: Так было положено начало религии?

КЭМПБЕЛЛ: Лично я думаю, что именно с этого и началась религия. Но это всего лишь догадка. Мы не знаем наверняка.

МОЙЕРС: Иисус идет в пустыню, переживает психологическую трансформацию, возвращается и говорит людям: «Следуйте за мной». То же самое происходило и в примитивных культурах?

КЭМПБЕЛЛ: У нас есть соответствующие доказательства. Шаманы были во всех охотничьих культурах.

МОЙЕРС: Почему именно в охотничьих?

КЭМПБЕЛЛ: Потому для них характерен индивидуализм. Охотник, в отличие от фермера, индивидуалист. Возделывать землю и ждать, когда природа подскажет вам, что делать, – это одно, но пойти на охоту – совсем другое. Каждая охота отличается от предыдущей. И охотники тренируют специальные навыки, для которых нужны определенные талант и способности.

МОЙЕРС: Что случилось с шаманами в процессе эволюции?

КЭМПБЕЛЛ: С распространением оседлости шаманы потеряли свою силу. Существует много легенд и мифов у некоторых из индейцев Юго-Западной Америки, таких как навахо и апачи. Изначально это были охотничьи племена, но впоследствии они поселились в районах, где сельское хозяйство стало источником средств к существованию, и занялись земледелием. В начале этого периода было придумано много интересных историй, в которых шаманы высмеиваются, а на их место приходят жрецы. Например, шаман произносит что-то, что оскорбляет Солнце, и оно скрывается, тогда шаман говорит: «О, я могу вернуть Солнце». И он начинает выделывать какие-то фокусы, которые описываются с юмором,

даже цинизмом. Но это не помогает вернуть солнце. Шаманы в конце концов становятся прослойкой, которая рассматривается как сообщество клоунов. Они волшебники и обладают особой силой, но эта власть уже подчинена более крупному обществу.

МОЙЕРС: Мы говорили о влиянии на мифологию равнин, где велась охота. Об их бескрайнем просторе, уходящем за горизонт под необъятным куполом неба. А как насчет людей, которые живут в непроходимых джунглях? Нет ни неба, ни горизонта, ни перспективы – только деревья, деревья, деревья.

КЭМПБЕЛЛ: Антрополог Колин Тернбулл рассказывал по этому поводу интересную историю. Он отвез пигмея, который никогда не покидал джунгли, на вершину близлежащей горы. Они вышли из леса и оказались наверху, а внизу перед ними простиралась долина. Бедный малый ужасно испугался. У него не было никакого представления о перспективе, он не мог судить о расстоянии. Поэтому он решил, что животные, которые паслись далеко на равнине, на самом деле находились близко, но были очень маленькими, размером с муравья. Он был настолько ошеломлен и растерян, что убежал обратно в лес.

МОЙЕРС: География во многом определила нашу культуру и нашу религию. Бог пустыни и бог равнины – разные боги…

КЭМПБЕЛЛ:…и бог тропического леса, вернее, множество богов тропического леса. Когда вы находитесь посередине плоской пустыни, а над вами только небо, мир представляется одним целым, и у вас может быть одно божество, но в джунглях, где нет горизонта, и вы никогда ничего не увидите дальше, чем на десять метров вперед, идея о целостности мира никогда не придет вам в голову.

МОЙЕРС: Идея бога рождается из представлений об окружающей среде?

КЭМПБЕЛЛ: Да, разумеется.

МОЙЕРС: Окружающая среда определяет образ божества, которому они поклоняются. Они создают его в соответствии со своим пониманием окружающей среды и называют его богом.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Культура всегда формирует представления о боге. Даже если миссионер распространяет свою идею о боге среди племени, образ этого бога изменится в соответствии с пониманием божественного, существующим в этом племени.

Есть интересная история об английском миссионере на Гавайях, который встретил жрицу богини Пеле. В принципе, каждая жрица Пеле считается частичной инкарнацией самой Пеле. То есть, говоря со жрицей,

миссионер как бы разговаривал с богиней. И он сказал: «Я пришел, чтобы принести вам послание Бога». И жрица ответила: «О, вы говорите о своем боге, моя богиня – Пеле».

МОЙЕРС: Разве идея о том, что «Да не будет других богов, кроме Меня», не относится к древнееврейским представлениям?

КЭМПБЕЛЛ: Я больше нигде не сталкивался с таким.

МОЙЕРС: Почему только один Бог?

КЭМПБЕЛЛ: Этого я не понимаю. Я понимаю, почему жители пустыни предпочитают своих местных божеств другим. Вместе с почитанием определенного божества они заявляют о своей принадлежности определенному обществу, которое защищает вас. Общество всегда патриархально. Природа всегда матриархальна.

МОЙЕРС: Считаете ли вы, что религии, построенные на культе богини, возникли в связи с оседлым образом жизни, когда женщины стали играть ведущую роль в хозяйстве, в посеве, уборке урожая?

КЭМПБЕЛЛ: В этом нет никаких сомнений. Именно тогда женщина становится самым важным членом общества с точки зрения магической силы.

МОЙЕРС: Во времена охоты главным был мужчина…

КЭМПБЕЛЛ: Да, но потом сила передается женщине, потому что ей, как и матери-земле, принадлежит магия рождения и кормления. Ее магия – часть волшебства земли. В ранних традициях женщина является первым сеятелем. Лишь позже, когда в более развитых обществах был изобретен плуг, мужчина снова начинает играть ведущую роль в сельскохозяйственных обществах. Тогда в мифах возникает аналогия между процессом вспахивания земли плугом и половым актом.

МОЙЕРС: Таким образом, разные подходы к мифу зависели от того, что выдвигалось на первый план: животные, земля, небесные светила или человек.

КЭМПБЕЛЛ: Это зависит от символической системы, которая в определенный момент времени применялась в обществе для символизации, организации и передачи знаний о самих себе.

МОЙЕРС: В чем смысл этих систем?

КЭМПБЕЛЛ: Смысл зависит от условий жизни, в которых живет человек. Например, жизнь охотника связана с животным. Она зависит от его отношений с животным миром и его отношения к нему. И мифология будет обращена наружу, к внешнему миру, где есть животные. А мифология, связанная с выращиванием растений, посевом, «смертью» семян, так сказать, и появлением новых растений, будет обращена к

внутреннему миру. В охотничьих культурах основным источником для мифотворчества были животные. Когда человек хочет обрести силу и знание, он идет в лес, постится и молится, а затем животное приходит к нему и учит его.

Для земледельца учителем становится мир растений. Он подчиняется тем же природным циклам, что и человек. И поэтому между ними устанавливается внутренняя духовная связь.

МОЙЕРС: Что происходит с мифическим образом, когда человек переходит от охоты к земледелию?

КЭМПБЕЛЛ: Происходит кардинальная трансформация не только мифов, но и самой психики. Видите ли, животное – это целостное существо, заключенное в некую оболочку. Когда вы убиваете животное, оно умирает – это конец для данного конкретного существа. Но в мире растений нет такого понятия, как целостное самодостаточное существо. Вы срываете плод, а на его месте через некоторое время появляется другой. Обрезая ветки деревьев, мы не наносим им вреда, а, напротив, помогаем им. В мире растений небытие сменяется бытием.

Другая идея, связанная с тропическим лесом, заключается в том, что гниение способствует жизни. Я видел великолепные леса красных деревьев с огромными пнями, оставшимися от огромных деревьев, которые были срублены десятилетия назад. Из них росли новые светло-зеленые ветви – дети того же дерева. Если отрезать ветку, вырастет другая. Но если у животного отрезать конечность, то новая уже не отрастет, только если это не особый вид ящериц.

Таким образом, в лесных и сельскохозяйственных культурах смерть ощущается не совсем как смерть, поскольку она является необходимым условием для возникновения новой жизни. Не существует отдельной части растения, только лишь одна из его частей. Иисус использует этот образ, говоря: «Я есмь лоза, а вы ветви». Этот образ виноградной лозы полностью отличается от образа отдельных животных. В земледельческом обществе растения выращивали, чтобы их съесть.

МОЙЕРС: На какие истории вдохновлял земледельцев их собственный опыт?

КЭМПБЕЛЛ: Основной мотив, появлявшийся в мифах, и особенно характерный для тихоокеанской традиции, был связан с возникновением растений из частей тела принесенного в жертву божества или из погребенного тела предка.

Мифы о растениях распространены и на американском континенте, там, где, как принято считать, были охотничьи угодья. Мифология

Северной Америки дает очень красноречивый пример взаимодействия между охотничьими и сельскохозяйственными традициями. Индейцы в основном охотились, но они также выращивали кукурузу. Один из мифов индейцев племени алгонкинов рассказывает о происхождении кукурузы. У мальчика было видение: к нему подошел молодой человек с зелеными листьями на голове и предложил помериться силами в борьбе. Он выиграл поединок, но через некоторое время снова появился, снова бросил вызов и снова победил, затем опять пришел и так далее. Но когда он пришел в следующий раз, молодой человек сказал, что мальчик должен будет его убить, похоронить и следить за могилой. И мальчик послушался: он убил и похоронил прекрасного молодого человека. Спустя какое-то время он пришел на могилу и увидел, что на том месте, где был похоронен (или, скорее, посажен) молодой человек, выросла кукуруза.

Мальчик беспокоился о своем старом отце-охотнике и думал о том, есть ли еще способы, кроме охоты, прокормить семью. И его опять посетило видение. И в конце истории мальчик сказал отцу: «Нам больше не нужно ходить на охоту». Вероятно, для этих людей это был великий поворотный момент, момент пробуждения.

МОЙЕРС: Идея состоит в том, что молодой человек из видения должен был умереть и быть похороненным в земле, чтобы из его тела могли вырасти растения. Является ли эта тема общей для всех мифов в земледельческих культурах?

КЭМПБЕЛЛ: Да, так и есть. Например, нечто похожее встречается в Полинезии. Жила-была одна девушка, которая любила купаться в пруду. Но там жил большой угорь, и изо дня в день он царапал ее бедро, когда она купалась. И вот однажды угорь превратился в красивого молодого человека и стал ее любовником. Но затем он исчез, потом возвратился, снова исчез и опять вернулся… И так несколько раз. Но однажды, вернувшись, он сказал то же самое, что юноша в мифе индейцев племени алгонкинов: «В следующий раз, когда я приду к тебе, ты должна убить меня, отрубить мне голову и похоронить». Девушка так и сделала, и из его головы выросло кокосовое дерево. Поэтому кокос размером с человеческую голову. А три отверстия на его скорлупе придают ему схожесть с человеческим лицом. Большинство американских антропологов, однако, утверждают, что нет никакой связи между культурами Тихого океана и культурами Центральной Америки, откуда пришли наши мифы.

МОЙЕРС: То есть одна и та же история возникает в мифах разных стран, никак не связанных друг с другом. О чем это может свидетельствовать?

КЭМПБЕЛЛ: Это самое удивительное в мифах. Я всю свою жизнь занимаюсь мифами и все еще восхищаюсь той поразительной точностью, с которой эти истории повторяются. Как если бы одно и то же явление воплощалось в разных формах. Так вместо кукурузы появляется кокос.

МОЙЕРС: Самое удивительное в этих историях – это то, как в них рассказывается о происхождении людей: первые люди выходят из чрева земли. Образ утробы появляется в этих мифах снова и снова.

КЭМПБЕЛЛ: Это особенно заметно в мифах американского юго-запада, которые рассказывают о том, что первые люди родились из земли. Они выходят из «ямы происхождения», и она становится священным местом, центром мира. Обычно на этом месте стоит гора.

Согласно этим легендам, люди, которые были не вполне людьми, жили под землей. Один из них, однако, нарушил запрет, потому что никто не подозревал, что такой запрет существовал, и тогда начинается наводнение. Поэтому им приходится подняться наверх по веревке, спускающейся из отверстия в небе. Так они приходят в другой мир. Существует также история о шаманах, которые стали настолько злыми, что оскорбили солнце и луну. Те скрылись, и тьма окутала все вокруг. Затем шаманы заявили, что они могут вернуть солнце, начали проглатывать деревья и вытаскивать их из своих животов. А потом они похоронили себя, оставив на поверхности только глаза, и совершали всякие шаманские магические трюки. Но ничего не помогало. Солнце не возвращалось.

Потом жрецы сказали: «Пусть народ пробует свои силы». А народ представлял собой всех животных. И эти животные встали в круг и начали танцевать. Они танцевали, и именно благодаря силе танца перед ними вырос холм, который затем превратился в гору. Это был центр мира, из которого потом вышли все люди.

И потом происходит нечто интересное, как в Ветхом Завете: все, что мы слышали, – это история конкретной группы, скажем, индейцев навахо. Когда люди появляются из горы, индейцы уже существуют. Это вызывает определенные вопросы, как и в случае Ветхого Завета, например, вопрос о том, где сыновья Адама нашли своих жен. Если история сотворения этих людей понятна, то совершенно неясно, откуда взялся мир, в который они приходят. Как будто это другая неизвестная история.

МОЙЕРС: Это как идея об избранном народе.

КЭМПБЕЛЛ: Конечно. Каждая нация считает себя избранной. И это очень забавно, потому что сами себя они именуют «людьми», а другим дают странные имена вроде «смешнолицые» или «кривоносые».

МОЙЕРС: Индейцы, проживающие в северо-восточных лесах

Америки, говорят, что была женщина, которая пришла с неба и родила близнецов. По легенде индейцев юго-запада, близнецы родились у девственницы.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Женщина с неба имеет отношение к культуре охотничьих племен, тогда как земледельческим культурам ближе земная женщина. Близнецы воплощают два противоположных начала, но совершенно иные по сравнению с теми, которые олицетворяют библейские Каин и Авель. В истории индейцев ирокезов одного из братьев звали Росток, а второго – Кремень. При рождении Кремня его мать умерла. Росток и Кремень символизируют две традиции. В древние времена кремень использовали для изготовления ножей, чтобы убивать животных, поэтому брат, названный Кремнем, представляет собой охотничью традицию, а Росток, конечно же, символизирует сельскохозяйственную традицию. В Библии Росток – это Каин, а Кремень – Авель, который скорее пастух, чем охотник.

Иными словами, в Библии пастух и земледелец противопоставлены друг другу, и именно последний вызывает отвращение. Таким образом, на этот миф можно посмотреть с точки зрения конфликта между племенами охотников и земледельцев. Этот миф рассказывает о том, как пастухи или охотники вторглись в мир земледельцев и унижают людей, которых они завоевали.

МОЙЕРС: Напоминает о скотоводческих войнах на Диком Западе.

КЭМПБЕЛЛ: В библейской традиции второй сын – всегда победитель, положительный персонаж. Второй сын – человек нового времени, он олицетворяет еврейский народ. Старший сын, который воплощает ханаанитов, жил до появления младшего. Каин является символом аграрного образа жизни.

МОЙЕРС: Эти истории в значительной степени объясняют и сегодняшние конфликты, не так ли?

КЭМПБЕЛЛ: Да, так и есть. Интересно сравнить это смешение сельскохозяйственного общества с охотничьим или пастушьим племенем, которые всегда находятся в конфликте с земледельцами. Эти противоборствующие стороны одинаковы во всем мире – две системы, которые находятся в конфликте, но в то же время взаимосвязаны.

МОЙЕРС: Вы говорите, что женщина, которая пришла с неба, уже была беременна, как и другая женщина, тоже беременная, родившая близнецов на земле. Как вы объясните, что во многих культурах есть легенды о девственницах, которые рожают героев, а те, в свою очередь, умирают и воскресают?

КЭМПБЕЛЛ: Смерть и воскрешение Спасителя – распространенный мотив во всех этих легендах. Например, в истории о происхождении кукурузы мы встречаем молодого человека, который является маленькому мальчику и умирает, чтобы дать ему кукурузу. Кукуруза произрастает из его тела. То есть кто-то должен умереть, чтобы появилась жизнь. Я сам стал более ясно понимать эту невероятную закономерность, согласно которой смерть рождает жизнь, а жизнь приводит к смерти. Одно поколение должно умереть, чтобы освободить место для следующего.

МОЙЕРС: Вы пишете: «Павшие, гниющие деревья и листья дают жизнь новым побегам. Это означает, что смерть приносит жизнь и что за смертью следует рождение. И мрачный вывод, который неизбежно следует из этого: чтобы появилось больше жизней, должно увеличиться количество смертей. Вот почему весь экваториальный пояс так охвачен страстью к жертвоприношениям – растительным, животным, человеческим».

КЭМПБЕЛЛ: Существует ритуал, который приписывается мужским обществам Новой Гвинеи и который фактически воссоздает земледельческий миф о смерти, воскрешении и людоедстве. Мужчины собираются на священном поле, звучат монотонные напевы, сопровождаемые барабаном, затем все останавливается. И так продолжается от четырех до пяти дней без перерыва. Вы знаете, ритуалы – это очень скучное занятие, они изматывают, но именно тогда, когда силы уже на исходе, и случается прорыв.

Наконец наступает великий момент – большой праздник, хотя по сути это настоящая сексуальная оргия, во время которой нарушаются все правила. Юноши, которые прошли обряд посвящения в мужчин, должны совершить свой первый половой акт. Для этого из тяжелых бревен строили огромный навес, стоящих на двух опорах. Туда входила разукрашенная, как божество, девушка и ложилась там. Шестеро или больше мальчиков заходили туда друг за другом под бой барабанов и монотонные напевы, чтобы совокупиться с этой девушкой. Когда последний из мальчиков овладевал ею, опоры выдергивали, бревна падали на юную пару и убивали ее.

И снова мы видим единство мужчины и женщины, какое существовало до того, как они были разделены. Это воссоединение рождения и смерти, потому что на самом деле это одно и то же. Потом тела молодых людей вытаскивали, готовили и съедали в тот же вечер. Этот ритуал повторяет первоначальный акта убийства божества, из тела которого произросла пища. Во время причастия мы принимаем тело и кровь Спасителя. Этот акт побуждает нас к мыслительному процессу, который непосредственно

воздействует на нас.

МОЙЕРС: Какая истина кроется за этими ритуалами?

КЭМПБЕЛЛ: Жизнь проявляет себя через акты жизнетворчества. Принося жертвы своим богам, охотники тем самым пытались умилостивить их таким подарком или взяткой, чтобы что-то от них получить. Но если жертва приносится в земледельческих культурах, то этой жертвой оказывается само божество. Умершего хоронят, и он становится пищей. Христа распяли на кресте, а его тело стало нашей духовной пищей.

История Христа представляет собой сублимацию распространенного растительного образа, существовавшего ранее. Иисус на Кресте Господнем – как плод на дереве, он сам является плодом дерева. Иисус – плод вечной жизни, который рос на втором запретном дереве в Эдемском саду. Когда человек вкушает плод от первого дерева – дерева познания добра и зла, его изгоняют из сада – центра единства и гармонии, потому что в нем не работают законы дуальности и нет разделения на мужское и женское, божественное и человеческое. Вы познаете дуальность – и вас выгоняют. Чтобы вернуться назад в сад, нужно вкусить другой плод – плод с дерева вечной жизни, то есть вкусить его тогда, когда вам приходит понимание того, что Иисус и Бог Отец едины.

Возвращение в Эдемский сад – цель многих религий. Когда Иегова изгонял человека из сада, он поставил у дверей рая двух херувимов с огненным мечом. Допустим, вы захотите войти в буддийский храм и подойти к статуе Будды, сидящего под деревом бессмертия, но у ворот вас встретят два стражника, охраняющих храм, и вам придется пройти мимо них, как если бы вы проходили между двумя херувимами к дереву вечной жизни.

В христианской традиции Иисус на кресте воплощает тот самый плод с дерева вечной жизни. Иисус на кресте и Будда под деревом – это два символа, которые означают одно и то же. И херувимы у ворот – кто они? У одного из стражей перед буддийским храмом рот обычно открыт, а у второго закрыт. Это символизирует страх и желание, две противоположности. Предположим, вы направились к такому саду, и две эти фигуры на самом деле встречаются вам на пути и пугают вас. Если вами овладевает страх и вы боитесь за свою жизнь, то вы не войдете в сад. Но если вы больше не привязаны к своему эго, а смотрите на свое существование в контексте чего-то большего, вечного, целостного, если вы предпочитаете мелочности земного существования высшие цели, то вам нечего опасаться, и вы смело пройдете между этих двух фигур. Мы не можем вернуться в сад, потому что оказываемся в плену страхов, желаний

и того, что мы называем жизненными благами.

МОЙЕРС: Неужели люди всегда чувствовали этот разрыв между собственной жизнью и некой высшей духовной реальностью, ощущая удаленность от Бога, от его благодати и радости?

КЭМПБЕЛЛ: Да, но есть и моменты экстаза. Разница между повседневной жизнью и моментами восторга – это на самом деле разница между жизнью в саду и за его пределами. Вы преодолеваете страхи, желания и противоположности.

МОЙЕРС: И обретаете гармонию?

КЭМПБЕЛЛ: Контакт с трансцендентным. Это главная составляющая любого мистического опыта. Ваша плоть умирает, а ваш дух воспаряет. Вы отождествляетесь с сознанием и самой жизнью, для которых ваше тело является только носителем. Вы умираете как форма, но остаетесь как содержание, для которого тело было просто контейнером. Вы соединяетесь с Богом.

Во всех земледельческих культурах присутствует понимание того, что под маской дуальности на самом деле скрывается единство, что дуальность – только лишь иллюзия. В бесконечном многообразии форм жизни проявляется единство всего, пронизанное сиянием духа. Задача искусства как раз в том, чтобы обнаружить это сияние и отразить его в творчестве. Когда человек видит красоту произведения искусства, его переполняет восторг. Каким-то образом искусство находит дорогу прямо к вашей душе и помогает вам осознать то, о чем говорит религия.

МОЙЕРС: Смерть значит жизнь, а жизнь значит смерть, и эти два явления пребывают в гармонии?

КЭМПБЕЛЛ: И что? Надо найти баланс между смертью и жизнью, потому что это две стороны одного и того же – существования.

МОЙЕРС: И об этом рассказывают абсолютно все истории?

КЭМПБЕЛЛ: Все. Я не знаю ни одного мифа, в котором смерть отвергалась бы. Быть принесенным в жертву означает не то, что нам может показаться. Например, у майя была игра, которая очень напоминала баскетбол. В конце каждой игры капитана команды-победителя приносили в жертву прямо на поле. И делал это капитан проигравшей команды. Он лично отрезал ему голову. Возможность принести себя в жертву богам как награда для победителя – вот в чем суть всей идеи.

МОЙЕРС: Такое восприятие жертвоприношения совершенно чуждо нашему миру. Сегодня правила заключаются в том, что победителю достается все.

КЭМПБЕЛЛ: В том же ритуале майя название игры в переводе

означает «стать достойным, чтобы быть принесенным в жертву как бог».

МОЙЕРС: Как вы думаете, это правда, что тот, кто теряет свою жизнь, на самом деле выигрывает?

КЭМПБЕЛЛ: Это то, о чем говорит Иисус.

МОЙЕРС: А вы верите, что это так.

КЭМПБЕЛЛ: Да, я верю, если вы отдаете свою жизнь во имя чего-то. Хроники XVII века, написанные миссионерами-иезуитами, проповедовавшими в Восточной Канаде, рассказывают о молодом воине из племени ирокезов, который был захвачен вражеским племенем. Его должны были замучить до смерти. У северо-восточных индейцев был такой обычай – пытать своих пленных. Ни один мускул не должен был дрогнуть у него во время пытки. Это было последним испытанием его мужественности. Когда молодой ирокез узнал, что будет подвергнут этой ужасной пытке, он, к величайшему удивлению иезуитов, пришел в восторг, как если бы он готовился отпраздновать собственную свадьбу. Он украсил себя и громко пел. Его мучители относились к нему так, словно они были добрыми хозяевами, а он – их почетным гостем. И он, и они играли свои роли с полным осознанием того, что его ждет. Французские иезуиты были шокированы происходящим и считали все это диким фарсом, называя мучителей жестокими тварями. Но нет! Эти люди на самом деле были жрецами, приносившими в жертву молодого воина. Это акт жертвоприношения, в котором воин-ирокез может быть отождествлен с Иисусом, распятым на кресте. Французские священники сами ежедневно совершают мессу, повторяя крестную казнь Христа.

Подобная сцена описывается в апокрифах христианства, например в «Деяниях Иоанна».

Действие разворачивается непосредственно перед распятием. Это одно из самых мощных мест в христианской литературе. В Евангелии от Матфея, Марка, Луки и Иоанна упоминается только то, что после Тайной вечери Иисус и его ученики поют псалмы перед тем, как расстаться. Но в «Деяниях Иоанна» момент пения описан подробно. Перед тем как пойти в сад после окончания Тайной вечери, Иисус обращается к своим спутникам со словами: «Давайте танцевать!» И все они берутся за руки, встают в круг и кружатся вокруг Иисуса, а он поет: «Слава тебе, Господи!» На что все присутствовавшие отвечают «Аминь!»

«Слава тебе, Слово!»

И снова: «Аминь».

«Хочу быть спасенным и спасти хочу».

«Аминь».

«Хочу быть освобожденным и освободить хочу».

«Аминь».

«Хочу быть уязвленным и уязвить хочу».

«Аминь».

«Пожрать хочу и хочу быть пожранным».

«Аминь».

«Послушать хочу и хочу быть услышанным».

«Аминь».

«Будучи Сам весь разумом, хочу, чтобы Меня уразумели».

«Аминь».

«Омытым быть хочу и омыть хочу».

«Аминь».

«Благодать руководит хором, Я хочу играть на флейте, пляшите все».

«Аминь».

«Плакать хочу, плачьте все».

«Аминь».

И когда танец заканчивается, он выходит в сад, где его берут под стражу, чтобы потом распять.

Когда вы идете на свою смерть таким образом, как бог в этом мифе, вы идете к своей вечной жизни. Так о чем же тогда тут грустить? Пусть этот момент будет великолепным, каким он и является. Давайте отпразднуем его.

МОЙЕРС: Бог смерти также и бог танца.

КЭМПБЕЛЛ: Бог смерти – это и бог секса.

МОЙЕРС: Что вы имеете в виду?

КЭМПБЕЛЛ: Удивительно, но каждый раз, погружаясь в мифы, обнаруживаешь, что все эти боги смерти отвечают и за продолжение жизни. В гаитянской традиции вуду миром мертвых правит бог Геде, который одновременно является и богом секса. Египетский бог Осирис – судья и правитель в царстве мертвых – считается еще и богом возрождения. Это основная тема: что умерло, то рождается вновь, чтобы была жизнь, нужна смерть.

Эта же идея лежит и в основе охоты за головами в Юго-Восточной Азии, особенно в Индонезии. Охота за головами – священный акт, священное убийство. Прежде чем юноше разрешат жениться и стать отцом, он должен совершить свое первое убийство. Ибо, если нет смерти, нет рождения. Дело в том, что каждое предыдущее поколение должно умереть, чтобы уступить место следующему. Как только у вас рождается ребенок, это означает, что скоро настанет ваш черед умирать. Ребенок – это новая

жизнь, и теперь ваша обязанность – защищать эту жизнь.

МОЙЕРС: Ваше время пришло.

КЭМПБЕЛЛ: Вот почему существует такая глубокая психологическая связь между зачатием и умиранием.

МОЙЕРС: И есть ли связь между тем, что вы говорите, и тем фактом, что каждый родитель готов отдать свою жизнь за своего ребенка?

КЭМПБЕЛЛ: У Шопенгауэра есть замечательное эссе, в котором он задается вопросом о том, как один человек может настолько сопереживать страданиям другого, что готов, не задумываясь, пожертвовать собственной жизнью ради другого? Как так получается, что инстинкт самосохранения, который является основной движущей силой нашего существования, вдруг перестает работать? Четыре или пять лет назад на Гавайях произошло нечто необычное, которое очень хорошо иллюстрирует эту проблему. Там есть место под названием Пали, где пришедшие с севера сухие тропические ветра пассаты с невероятной силой проносятся через горный хребет. Людям нравится забираться на гору, чтобы порывы ветра трепали их волосы или чтобы совершить самоубийство, прямо как те, кто прыгает с моста Золотые Ворота в Сан-Франциско.

Однажды двое полицейских ехали по дороге в Пали и увидели молодого человека. Он стоял за отбойником и готовился спрыгнуть вниз. Они остановились, и один из офицеров успел поймать молодого человека как раз в тот момент, когда тот уже прыгнул, потянув полицейского за собой. Но второй полицейский сумел вытащить их обоих.

Можете ли вы представить, что испытывал тот парень, который практически жертвовал своей жизнью ради незнакомого юноши? Все остальное внезапно потеряло смысл: семья, работа, даже собственная жизнь – все его желания и надежды, которые он питал, мгновенно исчезли. Он был на волоске от смерти.

Позже корреспондент спросил его: «Почему ты не отпустил его? Ты же чуть не погиб». Он ответил так: «Я не мог. Если бы я отпустил его, то не простил бы себя всю свою жизнь». Как же так?

Ответ Шопенгауэра заключается в том, что такой психологический кризис – прорыв к метафизическому пониманию того, что и вы, и другой человек составляете одно целое, представляете собой две стороны одной жизни, что видимое различие между вами является результатом нашего восприятия формы в условиях пространственно-временного поля. Наша истинная реальность заключается в единении с жизнью. Это метафизическая истина, понимание которой может внезапно прийти в условиях кризиса, потому что, по словам Шопенгауэра, это правда нашей

жизни.

Герой – это тот, кто отдает свою физическую жизнь во имя торжества этой истины. Возлюбить ближнего своего означает принять этот факт. Но независимо от того, любите ли вы своего ближнего или нет, может настать такой момент, когда осознание этой истины заставит вас рискнуть собственной жизнью.

Гавайский полицейский не знал молодого человека, которого он собирался спасти, несмотря на то, что сам мог погибнуть. Шопенгауэр отмечает: наша повседневная жизнь полна подобными историями, которые не дают остановиться естественному ходу жизни, когда люди совершают самоотверженные поступки ради других.

МОЙЕРС: Получается, когда Иисус говорит «Возлюби ближнего своего, как самого себя», он на самом деле имеет в виду «Возлюби ближнего твоего, ибо он есть ты».

КЭМПБЕЛЛ: В восточной традиции есть замечательный персонаж, так называемый бодхисаттва – воплощение бесконечного сострадания, с чьих пальцев стекает амброзия, которая капает вниз, достигая самых глубин ада.

МОЙЕРС: И в чем смысл этого?

КЭМПБЕЛЛ: В самом конце «Божественной комедии» Данте говорит, что любовь Бога заполняет всю Вселенную – до самого дна ада. Это точно такой же образ. Бодхисаттва воплощает принцип сострадания – принцип исцеления, благодаря которому жизнь становится возможной. Жизнь есть страдание, но благодаря состраданию она может продолжаться. Бодхисаттва – это тот, кто достиг бессмертия, но тем не менее он добровольно разделяет печали мира. Добровольное участие в жизни мира сильно отличается от того, чтобы просто родиться в нем. Апостол Павел в своем Послании к Филиппийцам говорит то же самое о Христе: «Который, будучи существом Божьим, не считал для Себя достижением быть равным Богу, но Сам от этого отказался, восприняв существо раба, родившись подобно людям, и внешностью оказавшись как человек. Он унизил Себя до того, что стал послушным даже до смерти, причем смерти на кресте». Это добровольное участие в ходе жизни.

МОЙЕРС: Таким образом, вы согласитесь со словами Пьера Абеляра, который в XII веке сказал, что смерть Иисуса на кресте нельзя считать расплатой или наказанием за грех, она была актом искупления и отождествления себя с людскими страданиями.

КЭМПБЕЛЛ: Это более сложное объяснение того, почему Христоса должны были распять и почему именно его. Согласно более ранней

интерпретации, после греха, совершенного в Эдемском саду, человечество перешло во власть дьявола, и Бог должен был выкупить человека у «владельца ломбарда». Поэтому он предложил своего сына, Иисуса, в качестве выкупа. Папа римский Григорий считал, что Иисус служил приманкой для дьявола. Это идея избавления. Согласно третьей версии, Бог был настолько оскорблен неосмотрительным поступком в Эдемском саду, что ужасно возмутился и отказал человеку в милосердии. Единственное, что могло примирить Бога с человеком, была жертва, такая же великая, как и грех. Ни один смертный не годился на роль этой жертвы, поэтому Сын Божий стал человеком, чтобы оплатить этот долг.

Абеляр, однако, утверждает, что Христос спустился на землю, чтобы быть принесенным в жертву, чтобы пробудить в человеческом сердце сострадание к страданиям жизни и отвести человека от слепого стремления к благам мира. Именно из сострадания к Христу мы обращаемся к нему, и он, униженный, становится нашим Спасителем. То же самое отражено в средневековой легенде о раненом короле, короле Грааля, который страдал из-за неизлечимой раны. Раненый становится избавителем. Только страдания пробуждают милосердие в человеческом сердце.

МОЙЕРС: Итак, вы согласитесь с Абеляром в том, что люди, жаждущие Бога, и Бог, жаждущий людей, столкнулись с состраданием на этом кресте?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Там, где есть время, есть и страдания. У вас не может быть будущего без прошлого, и как бы вы ни любили настоящее, оно неизменно станет прошлым. Утрата, смерть, рождение, утрата, смерть… Глядя на крест, человек на самом деле созерцает символ таинства, называемого жизнью.

МОЙЕРС: Вот почему так много боли связано с истинным религиозным опытом или переходом в другую веру. Всегда нелегко терять себя.

КЭМПБЕЛЛ: Новый Завет учит нас умерщвлять свою плоть, терпеть муки смерти ради мира и его ценностей. Это терминология мистиков. Самоубийство к тому же – символический акт. Он выводит вас из того психологического состояния, в котором вам случится быть в данный момент, чтобы вы могли прийти к лучшему состоянию. Ты умираешь в своей нынешней жизни, чтобы вернуться в другую. Но, как говорит Юнг, лучше избегать попадания в такие символические ситуации. На самом деле вам не нужно умирать в действительности, физически и буквально. Достаточно умереть духовно и возродиться к более свободной жизни.

МОЙЕРС: Но все это так чуждо нашему мышлению сегодня. Религия

намного проще. Вы примериваете ее на себе, как одежду, когда собираетесь идти в кино.

КЭМПБЕЛЛ: Да, Большинство церквей превратились в места для приятных светских встреч. Вы обычно встречаете там людей, которые вам нравятся, честных и уважаемых, старых друзей, которых ваша семья знает много лет.

МОЙЕРС: В сегодняшней культуре есть место для этой мистической идеи о спасительном самопожертвовании?

КЭМПБЕЛЛ: Я помню, что во время войны во Вьетнаме по телевизору показывали, как молодые люди на вертолетах собирались спасти сослуживца, подвергая свою жизнь огромному риску. И никто не был обязан это делать. И тогда я снова убедился, что тот принцип, который описал Шопенгауэр, – желание пожертвовать своей жизнью ради другого – все еще работает. Мужчины иногда признаются, что любят войну, потому что это дает им ощущение чего-то настоящего. Когда вы каждый день идете на работу в офис, вы не можете почувствовать этого, но во время войны нет другого варианта, как осознать жизнь во всей ее полноте. Жизнь – это боль, это страдание, это ужас, но, ради бога, вы живы! И те юноши во Вьетнаме, готовые пожертвовать собой во имя спасения своих товарищей, осознали это очень четко.

МОЙЕРС: Один человек, много лет проработавший в метро, сказал мне: «Я каждый день понемногу умираю здесь, но я делаю это для своей семьи». То есть такие небольшие, казалось бы, проявления героизма случаются каждый день, оставаясь незамеченными. Например, это относится к любой матери, которая частично отказывается от своей жизни ради детей.

КЭМПБЕЛЛ: Материнство – это жертва. Птицы часто прилетают на крыльцо моего дома на Гавайях, чтобы поклевать крошки. Каждый год среди них есть одна или две матери. Птицу-мать видно сразу же, ее окружают пять птенцов, некоторые больше ее самой, и требуют еду, хлопая крыльями и не давая ей покоя. «Вот! – думаете вы. – Это настоящий символ материнства – отдавать все до последнего своему потомству». Вот почему мать является символом Матери-земли. Она дала нам жизнь, мы живем на ней и находим пропитание в ее теле.

МОЙЕРС: Пока вы говорили, я вспомнил еще один образ, который встречается в «Пути животных сил» и который по своей сути напоминает образ Христа. Помните спасителя из мифа индейцев племени пима о сотворении мира?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Это очень поучительная история. Этот персонаж

является классическим спасителем, который сначала дает жизнь человечеству, а потом оказывается разорванным человечеством на куски. Знаете, как в старой поговорке: «Спаси человеку жизнь – и станешь его врагом навсегда».

МОЙЕРС: Когда мир уже создан, спаситель появляется из центра мира и ведет своих людей, которые живут под землей, на свет, но они ополчаются против него, убивают его, причем не один раз, а несколько…

КЭМПБЕЛЛ: …даже стирают его в порошок.

МОЙЕРС: Но он всегда возвращается к жизни. Он, наконец, скрывается в горах, где его следы теряются, и никто больше не может его выследить. Это образ, похожий на Христа, верно?

КЭМПБЕЛЛ: Так и есть. Тут еще присутствует тема лабиринта. Следы намерено запутываются, но если вы знаете секрет лабиринта, то сможете продолжить путь и найти его обитателя.

МОЙЕРС: Если у вас есть вера, она приведет вас к Христу.

КЭМПБЕЛЛ: Именно. Одна из вещей, которые человек узнает как последователь мистического культа, состоит в том, что лабиринт, который препятствует вашему пути, ведет в то же время к вечной жизни. Это великая тайна мифа, который рассказывает вам, как пройти лабиринт жизни таким образом, чтобы обрести духовные ценности.

То же самое мы наблюдаем в «Божественной комедии» Данте. Кризис происходит в середине земной жизни, когда тело начинает увядать, и вас посещают совершенно новые вопросы. Данте говорит, что в середине своей жизни он потерялся в сумрачном лесу. Там ему угрожали три животных, символизирующих гордость, желание и страх. Затем появляется Вергилий – олицетворение поэтического мастерства – и проводит его через лабиринт ада, где обитают те, кто не смог побороть свои желания и страхи, они не могут вырваться оттуда к вечности. Затем Данте лицезреет прекрасные картины райского блаженства.

В мифе индейцев пима присутствует тот же мифологический образ, хотя и меньшего масштаба. Пима были одними из самых примитивных индейских культур в Северной Америке, но они по-своему разработали этот чрезвычайно сложный образ, который никоим образом не уступает творению Данте.

МОЙЕРС: Вы пишете в одной из своих книг, что «крест следует рассматривать как символ признания всего, что было и будет. Он символизирует не только исторический момент на Голгофе, но и таинство присутствия Бога во времени и пространстве и участие в страданиях всех живых существ».

КЭМПБЕЛЛ: Одним из наиболее важных моментов в развитии средневекового мифа является пробуждение сердца к милосердию, превращение мучений Христа в человеческое сострадание. Это главная тема в истории о Святом Граале – сострадание к раненому королю. И здесь мы приходим к мысли, которую нам предложил Абеляр в качестве объяснения смерти на кресте, а именно: Сын Божий пришел на землю, чтобы быть распятым и, таким образом, пробудить сострадание в наших сердцах и отвлечь наши мысли от земных потребностей мирской жизни, возвращая нас к человеческим ценностям, самоотречению и состраданию. В этом смысле раненый король в легендах о Святом Граале соответствует образу Христа.

Он вызывает сострадание и таким образом вдыхает жизнь в мертвую землю. Существует идея о том, что страдания этого мира нужны, чтобы помочь духовному развитию человека. Другими словами, тот, кто страдает, то есть Христос, пришел к нам, чтобы пробудить единственное, что может сделать человека-хищника настоящим человеком. И это сострадание. Джеймс Джойс развивает эту тему в «Улиссе»: пробуждение его героя, Стивена Дедала, к человечеству через сострадание к Леопольду Блуму. Герой открыл свое сердце для любви и обрел свой путь.

В другом произведении Джойса, в «Поминках по Финнегану», постоянно повторяется таинственное число – 1132. Оно возникает как дата, как цифры в адресе (32 West 11th Street). Число 1132 так или иначе появляется в каждой главе. Когда я писал «Отмычку к „Поминкам по Финнегану“», то попытался понять, что, черт возьми, имел в виду Джойс, повторяя 1132? Я вспомнил, как в «Улиссе», когда Блум блуждает по улицам Дублина, он видит, что в полдень с башни падает шар, и думает: «Тридцать два фута в секунду за секунду. Закон падения тел: в секунду за секунду». Тогда я решил, что число 32 должно символизировать грехопадение, тогда как 11 – число обновления: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, а затем 11, и все сначала. В «Улиссе» было много других эпизодов, которые подсказывали мне, что, скорее всего, 32 – это число грехопадения, а 11 – число спасения; греха и прощения, смерти и обновления. В «Поминках по Финнегану» рассказывается о событии, которое произошло в парке Феникс, крупнейшем в Дублине парке. Феникс – это птица, которая сгорает, умирает, а затем возрождается из пепла. Таким образом, этот парк становится воплощением Эдемского сада, места грехопадения, а также местом, где над черепом Адама возвысился крест[38]. «O felix culpa» («О счастливая вина!»[39]) – восклицает Джойс. Итак, у нас есть смерть и

искупление. Это показалось мне очень удовлетворительным объяснением, и именно его я привел в «Отмычке к „Поминкам по Финнегану“».

Но однажды вечером, готовясь к лекции по сравнительной мифологии, я перечитывал Послание апостола Павла к Римлянам и случайно наткнулся на любопытное предложение, которое как будто бы резюмировало все, что имел в виду Джойс в «Поминках по Финнегану». Апостол Павел пишет: «Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать». Невозможно ослушаться настолько, чтобы оказаться недостойным милости Божией. «Грешите смело!» – говорит Лютер, чтобы удостовериться в Божьей милости. Великий грешник пробуждает Божиею милость. Это основная идея относительно парадоксов морали и ценностей жизни.

Затем я сказал себе: «А ведь это и правда то, о чем говорит Джойс». И я записал: «Римлянам, глава 11, стих 32». Вы представляете мое удивление? Опять то же число 1132, прямо из старой доброй книги! Оказывается, Джойс взял этот парадокс христианской веры в качестве основного девиза для своего величайшего шедевра. И он неустанно описывает уродства личной и общественной жизни и греховность человеческой историей. Всё там, рассказанное с любовью.

МОЙЕРС: Может ли западный человек понять мистический опыт, который как бы выходит за рамки богословия? Если вы воспринимаете Бога определенным образом, так, как принято в мире, где наука формирует ваше восприятие реальности, можно ли испытать состояние транса, о котором говорят шаманы?

КЭМПБЕЛЛ: Люди переживают подобный опыт. Правда, в Средние века таких людей, переживших подобный опыт, сжигали на кострах как еретиков. Самая большая ересь, существовавшая в западной культуре, – это ересь, произнесенная Христом, когда он сказал: «Я и Отец – одно». Его за это распяли. Спустя 900 лет великий суфийский мистик сказал: «Я и мой Возлюбленный Бог едины», – и тоже был распят[40]. Идя к кресту, он молился: «Господь мой, если бы ты научил этих людей тому, чему научил меня, они не сотворили бы этого со мной. Если бы ты не научил меня тому, чему научил, то со мной этого не случилось бы. Благословен Бог и все его творения». Другой суфийский мистик говорил: «Функция ортодоксальной общины в том, чтобы дать желаниям мистика сбыться, дать ему возможность пережить единение с Богом через умерщвление и смерть».

МОЙЕРС: Возможен ли такой опыт сегодня?

КЭМПБЕЛЛ: Для демократии характерно считать, что власть большинства доказала свою эффективность не только в политике, но и в способе мышления. Однако, когда дело касается мышления, большинство

всегда ошибается.

МОЙЕРС: Всегда?

КЭМПБЕЛЛ: В вопросах такого плана – да.

Роль большинства в отношении духа заключается в том, чтобы слушать и пытаться понять того, кто пережил опыт, выходящий за границы привычных вещей – пищи, дома, потомства, богатства. Вы читали «Бэббит» Синклера Льюиса?

МОЙЕРС: Очень давно.

КЭМПБЕЛЛ: Помните одно из последних его высказываний? «Но сам-то я никогда… сам я за всю жизнь не сделал ничего так, как мне хотелось». Это человек, который ни разу не последовал за своим счастьем. Я слышал нечто подобное, когда преподавал в колледже Сары Лоуренс. Я не был женат и часто завтракал или обедал в ресторанах. В четверг вечером у всех служанок Бронксвилла был выходной, поэтому многие семьи также шли в рестораны. Однажды вечером я пришел в свой любимый ресторан. За соседним столом ужинали мать, отец и тощий двенадцатилетний мальчик. В какой-то момент отец сказал сыну: «Выпей томатный сок». – «Я не хочу», – ответил мальчик.

«Через не хочу, выпей томатный сок», – настаивал отец, повышая тон. «Не заставляй его делать то, чего он не хочет», – сказала мать.

«Он не может делать то, что хочет, всю жизнь. Если он будет делать то, что хочет, он не выживет. Возьми меня. Я никогда не делал того, чего хотел».

«Господи Боже, еще один Бэббит!» – подумал я тогда.

Человек, который никогда не следовал за своим счастьем. Возможно, вы преуспели в этой жизни, но подумайте только – что это за жизнь? Какая польза от того, что вы никогда не делали того, что любили, о чем мечтали? Я всегда говорю своим ученикам: «Идите туда, куда зовут вас ваше тело и душа. Как только вы почувствуете это желание в себе, держитесь за него, не позволяйте никому отобрать его у вас».

МОЙЕРС: Что происходит, если мы следуем своему счастью?

КЭМПБЕЛЛ: Нас ждет блаженство. В Средние века одним из наиболее распространенных изображений, встречающихся в разных контекстах, было колесо судьбы. Оно состоит из ступицы и вращающейся части – обода. И если вы привязаны к ободу, то будете двигаться либо сверху вниз, либо снизу вверх. Но если вы оказываетесь в центре колеса, то никуда не движетесь. В этом смысл брачного обета: я принимаю тебя в здоровье и болезни, в богатстве и бедности, то есть когда вы находитесь на самом верху или в самом низу колеса. Но я буду воспринимать тебя так, как если

бы ничего не изменилось, ты мой центр, моя благодать, мое счастье, а не богатство, которое ты можешь мне принести ради престижа, ты – это ты. Вот что значит следовать за своим счастьем.

МОЙЕРС: Как вы посоветовали бы кому-то найти в себе этот источник вечной жизни, это счастье, которое в нем есть?

КЭМПБЕЛЛ: Человек всегда переживет такой опыт, через который у него может появиться интуитивное понимание своего предназначения. Надо его хватать! Никто не знает, что из этого выйдет. Нужно учиться познавать свои внутренние глубины.

МОЙЕРС: Когда вы научились распознавать свои?

КЭМПБЕЛЛ: Еще будучи ребенком. Я не позволял никому сбивать меня с собственного курса. Но в этом отношении мои родители всегда помогали мне, побуждали меня делать именно то, что я всегда хотел. Я даже не понимал, что кто-то может не согласиться со мной.

МОЙЕРС: Каким образом мы как родители могли бы помочь своим детям найти их путь?

КЭМПБЕЛЛ: Прежде всего, вы должны хорошо знать своего ребенка и быть внимательным к нему. Тогда вы можете ему помочь. Преподавая в колледже Сары Лоуренс, я говорил по крайней мере раз в две недели с каждым учеником около получаса. Когда вы говорите с ними о вещах, которые им следовало бы знать, то внезапно чувствуете, что студент начинает горячо реагировать на определенные темы, потому что его глаза широко распахиваются, а щеки пылают от волнения. Это знак. Единственное, что вы можете сказать в таком случае: «Надеюсь, этот ребенок не упустит своего». Конечно, это может произойти, а может и нет, но когда это случится, вы можете быть уверены, что этот ребенок нашел свое место в жизни.

МОЙЕРС: И для этого не нужно быть поэтом.

КЭМПБЕЛЛ: Поэты – это те, кто соприкоснулся с блаженством, и это определило их профессию и образ жизни. Большинству других людей приходится иметь дело с иными вещами. Они занимаются экономикой или политикой, оказываются на войне, которая никак не связана с их интересами, и в этих условиях очень трудно не потерять связь с самим собой. Каждый из нас должен разработать какую-то собственную технику для этой цели, потому что универсальных рецептов нет.

Тем не менее большинство людей, которые живут в таких условиях, могут пробудиться и уйти в другую сферу. Я знаю, потому что видел, как это происходило студентами.

Когда я преподавал в средней школе для мальчиков, мне нравилось

разговаривать с ними о том, кто кем хочет быть. То и дело ко мне подходил кто-нибудь из мальчишек и спрашивал: «Как вы думаете, у меня получится? Думаете, я смогу? Думаете, я смогу стать писателем?»

«О, – говорил я, – я не знаю. Сможете ли вы вынести десять лет разочарований, когда никто не обращает на вас внимания, или вы думаете, что сразу же напишете бестселлер? Если вы думаете, что вы готовы сопротивляться до конца, не сдаваться независимо от того, что с вами происходит, тогда хорошо, вперед!»

Затем его отец обычно говорил: «Нет, тебе нужно выучиться на адвоката, потому что так ты сможешь заработать деньги». Это обод колеса, а не ступица, не следование за своим счастьем. Вы собираетесь думать о богатстве или о блаженстве?

После учебы в Европе я вернулся в Америку в 1929 году, всего за три недели до краха на Уолл-стрит, поэтому у меня не было работы пять лет. Работы просто не было. Это великое время для меня.

МОЙЕРС: Великое время? В разгар Великой депрессии? Что в ней было чудесного?

КЭМПБЕЛЛ: Я не чувствовал себя бедным, я просто был человеком, у которого не было денег. В то время люди были такими добрыми и теплыми друг к другу. Например, я открыл для себя Фробениуса[41]. Он поразил меня. Я читал все, что он написал. Я позвонил в знакомое издательство в Нью-Йорке, и мне немедленно отправили книги и сказали, что я могу заплатить, когда найду работу. Это произошло четыре года спустя.

В Вудстоке, штат Нью-Йорк, у одного замечательного старика был дом с курятниками little chicken coop places. Он сдавал такое «жилище» за двадцать долларов в год любому молодому человеку, который, как он думал, в будущем может достигнуть успеха в области искусств. Проточной воды не было, только несколько колодцев с насосом. Он с гордостью заявлял, что намеренно не проложил канализацию, потому что ему не нравятся такие люди, которые не могут жить без удобств. Именно в этом курятнике я прочитал все самые нужные книги, связанные с моей будущей работой. Это было здорово! Я чувствовал себя полностью счастливым.

Идея о блаженстве пришла ко мне из санскрита, который является великим духовным языком мира. В нем есть три слова, которые означают «крутой берег» или «место, откуда вас бросают в океан трансцендентного»: *сат-чит-ананда*. Слово «сат» – это бытие, «чит» – сознание, «ананда» – блаженство или экстаз. И затем я сказал себе: «Я не знаю, достигло ли мое сознание того развития, которого оно должно было достичь, или нет. Я не знаю, являюсь ли я тем, кто я есть на самом деле; но я точно знаю, в чем

мой восторг. Поэтому я буду придерживаться этого курса, ориентированного на блаженство, и тогда он выведет меня к моему истинному сознанию и моему истинному бытию». И так оно и было.

МОЙЕРС: У нас есть шанс познать истину? Можем ли мы ее обрести?

КЭМПБЕЛЛ: У каждого есть своя собственная глубина, опыт и определенная уверенность в том, что он соприкасается со своей сат-чит-анандой, то есть со своим собственным существованием, через сознание и блаженство. Религиозные люди утверждают, что мы не можем испытать блаженство прежде, чем умрем, то есть до того, как встретимся с Богом, но лично я считаю, что нужно получить столько блаженства, сколько это возможно, находясь здесь, на земле, пока ты еще жив.

МОЙЕРС: Блаженство здесь и сейчас.

КЭМПБЕЛЛ: На небесах вы будете так чудесно проводить время, наблюдая за Богом, что не получите свой собственный опыт вообще. Это не место для получения опыта, это месте здесь, на земле.

МОЙЕРС: У вас не возникает такое же чувство, как иногда и у меня, что вас поддерживают невидимые руки, когда вы следуете за своим счастьем?

КЭМПБЕЛЛ: Все время. Это настоящее чудо. У меня даже есть такое внутреннее убеждение, которое появилось в результате помощи этих невидимых сил: если вы действительно ищете свое счастье, то на самом деле идете по пути, который всегда существовал и ожидал вас, и что жизнь, которую вы должны прожить, – это та, которой вы действительно живете.

Когда вы это осознаете, жизнь сталкивает вас с людьми, которые попадают в поле действия вашего счастья и сами открывают перед вами двери. Вот почему я говорю вам: следуйте за своим счастьем, и тогда вам откроются двери, о существовании которых вы не подозревали.

МОЙЕРС: Вы когда-нибудь сочувствовали тому, кому не помогают невидимые силы?

КЭМПБЕЛЛ: Кто не слышит голоса сердца? Да, разумеется, он вызывает сочувствие, бедный малый. Глядя на человека, который спотыкается на каждом шагу и падает, когда вода жизни находится под его носом, это очень жаль.

МОЙЕРС: Воды вечной жизни протекают прямо здесь? Где?

КЭМПБЕЛЛ: Везде, где бы вы ни были – когда следуете за своим счастьем, – вы все время получаете удовольствие от того, что силы ваши восстанавливаются, и от собственной внутренней жизни.

Глава V
Похождения героя

К тому же у нас даже нет необходимости пускаться в это рискованное путешествие в одиночку; ибо перед нами прошли герои всех времен. Лабиринт тщательно изучен. Нам остается только идти по путеводной нити героя. И там, где мы боялись обнаружить нечто отвратительное, мы найдем Бога. И там, где мы думали убить другого, мы убьем себя. Там, где мы рассчитывали вырваться наружу, мы попадем в самое сердце собственного существования. Там, где думали остаться в одиночестве, мы встретимся лицом к лицу со всем миром.

Джозеф Кэмпбелл

МОЙЕРС: Почему существует столько мифов о героях?

КЭМПБЕЛЛ: Потому что о них стоит писать. Даже в популярных романах главный персонаж – это всегда герой или героиня, который обнаружил или сделал что-то необычное, выходящее за грани привычного повседневного опыта. Герой жертвует своей жизнью ради чего-то большего, чем является он сам.

МОЙЕРС: Какой подвиг совершает герой? Ведь, в сущности, это не зависит от того, к какой культуре этот герой принадлежит?

КЭМПБЕЛЛ: Есть два вида подвигов. Один из них – реальный, земной, как, например, храбрый поступок или спасение чьей-то жизни. Другой – это духовный подвиг, благодаря которому герой приобретает сверхъестественный опыт, а затем возвращается к людям с посланием.

Как правило, путешествие героя начинается с того, что у кого-то что-то несправедливо отбирают, или с того, что некто ощущает нехватку чего-то очень важного. Именно этот человек и отправляется в путь, чтобы вернуть утраченное либо обрести что-то новое, например животворящее зелье. Во время пути с ним происходят необычные приключения, а все героическое путешествие представляет собой вечный жизненный цикл – уход и возвращение.

Структура и духовное содержание такого рода путешествия отражаются в различных обрядах перехода, обрядах инициации, которые существовали еще у самых ранних племенных обществ. Через них ребенок отказывается от своего детства, чтобы стать зрелым мужчиной или женщиной; то есть, если можно так выразиться, он должен умереть как ребенок и родиться как взрослый.

Это фундаментальная духовная трансформация, через которую должны пройти абсолютно все. В детстве мы полностью зависим от своих опекунов, а обретать независимость начинаем в период от 14 лет до 21 года. Если же вы решите писать докторскую диссертацию, то можно оставаться в зависимом положении и до 35 лет. Быть зависимым означает не нести никакой личной ответственности, не обладать свободой воли, а только быть послушным и ждать наказания или поощрения. Чтобы совершить переход из состояния психологической незрелости к принятию личной ответственности за свою жизнь, необходимо пройти через символическую смерть и воскреснуть. Это главный мотив в путешествии героя – выйти из одного состояния и найти источник жизненной силы, чтобы жить более полной жизнью.

МОЙЕРС: И даже если мы не являемся героями, то есть не совершаем в своей обычной жизни невероятные по смелости поступки, нам все равно необходимо отправиться в это путешествие, духовное и психологическое.

КЭМПБЕЛЛ: Отто Ранк в своей небольшой замечательной книге «Миф о рождении героя» утверждает, что каждый из нас рождается героем, когда совершает невероятный в физиологическом и психологическом смыслах путь от небольшого водного существа, обитающего в царстве амниотической жидкости, к земному млекопитающему, которое в итоге будет ходить на двух ногах. Это поистине грандиозная трансформация, и если ее нужно было бы проходить сознательно, то это действительно был бы подвиг. Мать также совершает героический поступок, решаясь на все это.

МОЙЕРС: Героями могут быть не только мужчины?

КЭМПБЕЛЛ: Конечно, нет. Просто условия жизни таковы, что мужчины обычно оказываются на виду, они проявляют активность во внешнем мире, тогда как женщины больше сконцентрированы на доме. Однако, например, в ацтекской традиции, где различались несколько видов рая и где судьба человека после смерти определялась условиями, при которых он умер, души воинов, павших на поле битвы, и души матерей, умерших при родах, попадали в один и тот же рай. То есть рождение ребенка понимается как героический поступок, как умение пожертвовать

своей жизнью ради другого.

МОЙЕРС: Разве вы не думаете, что в нашем обществе сегодня это потеряло смысл, и сейчас зарабатывание денег считается чем-то более героическим, чем воспитание детей?

КЭМПБЕЛЛ: Зарабатывание денег считается более престижным. Вы знаете, как говорят: если собака кусает человека, это не новость, новость – если человек кусает собаку. То есть то, что случается постоянно, независимо от того, насколько героическим оно может быть, не воспринимается как новость. Я сказал бы, что в наше время материнство потеряло ореол новизны.

МОЙЕРС: Но ведь это прекрасный образ – мать как герой.

КЭМПБЕЛЛ: Мне тоже всегда так казалось. Я почерпнул это понимание из мифов.

МОЙЕРС: Это ведь тоже своего рода путешествие, потому что материнство сопряжено с выходом из зоны комфорта и безопасности в неизвестное.

КЭМПБЕЛЛ: Нужно, чтобы девушка стала матерью. Это требует огромных изменений, многие из которых просто опасны.

МОЙЕРС: И когда ты возвращаешься из «путешествия» с ребенком, это то новое, что ты приносишь с собой в этот мир.

КЭМПБЕЛЛ: И не только это. Впереди тебя ждет жизнь, полная новых обязанностей. Отто Ранк пишет в своей книге, что многие люди считают себя героями уже по факту рождения и поэтому требуют к себе особого уважения и поддержки со стороны общества, в котором они живут.

МОЙЕРС: Но после рождения предстоит отправиться в «путешествие».

КЭМПБЕЛЛ: В «путешествие», полное разных испытаний.

МОЙЕРС: В чем смысл всех этих испытаний, проверок, злоключений, через которые проходит герой?

КЭМПБЕЛЛ: Испытания служат для того, чтобы удостовериться, подходит ли конкретный человек на роль героя. Справится ли он с такой задачей? Преодолеет ли он опасности на своем пути? Обладает ли он достаточным мужеством, знаниями и силой, чтобы выполнить свое предназначение?

МОЙЕРС: Мне кажется, в нашей культуре с ее поверхностной религиозностью и дешевыми достижениями забыли, что три великих религии учат: испытания являются неотъемлемой частью жизни, не бывает награды без самоотречения, нельзя получить что-то, не заплатив за это определенную цену. В Коране сказано: «Иль думаете вы, что в рай войдете,

Не испытав того, чему подверглись те, / Кто был до вас?» И в Евангелии от Матфея Иисус говорит: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». А все герои в еврейской традиции проходят чрезвычайно сложные испытания, прежде чем они достигнут спасения.

КЭМПБЕЛЛ: Если вы понимаете, что суть заключается в том, чтобы отдавать себя более высокой цели или другому человеку, то осознаете, что именно в этом и заключается самое большое испытание.

Когда мы перестаем думать только о себе и о нашем собственном существовании, мы переживаем настоящую героическую трансформацию сознания. И все мифы так или иначе повествуют об этой трансформации. Раньше вы думали так, но теперь пришло время изменить свой образ мышления, начать думать по-другому.

МОЙЕРС: Каким образом происходит эта трансформация сознания?

КЭМПБЕЛЛ: Либо непосредственно в ходе испытаний, либо в ходе духовного просветления. Других вариантов нет.

МОЙЕРС: Разве во всех этих историях не настает момент искупления? Например, деву освобождают из плена дракона, город спасают от разрушения, герой уходит от смертельной опасности в последний момент.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Не было бы героев, если бы не было подвигов. Есть герои, которые терпят неудачу, но они обычно выглядят шутами, кем-то, кто претендует на большее, чем позволяют его реальные возможности.

МОЙЕРС: Чем герой отличается от лидера?

КЭМПБЕЛЛ: Это проблема, которой занимался Толстой в романе «Война и мир». Наполеон уже опустошил Европу и собирается напасть на Россию. И Толстой поднимает этот вопрос: действительно ли лидер должен быть предводителем, или им может стать человек, который оказался на гребне волны? В психологическом плане лидера можно охарактеризовать как человека, который знает, чего можно достичь, и достигает этого.

МОЙЕРС: Говорят, что лидер – это человек, который видит неизбежное и идет на опережение. Наполеон – лидер, но не герой, так как его поступок был совершен не во имя человечества. Это было сделано во имя Франции, для славы Франции.

КЭМПБЕЛЛ: Он был героем Франции, так ведь? В этом кроется проблема.

Нужен ли нам герой определенной страны или нации теперь, когда наши заботы и усилия должны быть направлены на планету в целом? В XIX веке Наполеон был тем, кем был Гитлер в XX веке. Разрушения

Наполеона в Европе были ужасными.

МОЙЕРС: То есть можно быть местным кумиром, но не справиться с более масштабными задачами?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Или вы можете быть местным божеством, но для людей, которых вы завоевали, вы будете врагом. Герой или монстр – зависит от точки зрения.

МОЙЕРС: Поэтому надо быть осторожным, определяя какой-то поступок как героический, если в более высоком, мифологическом смысле он не соответствует этим критериям.

КЭМПБЕЛЛ: Я не знаю. Поступок может быть безусловно героическим, например, когда кто-то жертвует собой ради своего народа.

МОЙЕРС: Да. Немецкий солдат, который умирает…

КЭМПБЕЛЛ: …точно такой же герой, как и американский солдат, которому было приказано его убить.

МОЙЕРС: Героизм предполагает моральную основу?

КЭМПБЕЛЛ: Моральная сторона героического поступка состоит в том, что вы спасаете нацию или отдельного человека либо поддерживаете идею. Герой всегда приносит себя в жертву во имя чего-то, и это воплощение моральной цели. Конечно, есть и другая точка зрения, и можно сказать, например, что идея, во имя которой он жертвует собой, недостойна. Это уже мнение противоположной стороны, но это не отменяет героизма поступка.

МОЙЕРС: Это другой взгляд на героизм, отличающийся от того, что я усвоил в детстве из мифа о Прометее: похитить огонь у богов, принести его людям и понести наказание за свой человеколюбивый поступок.

КЭМПБЕЛЛ: Да, Прометей приносит огонь людям, он делает возможным развитие цивилизации. Кстати, кража огня – универсальная тема в мифологии. Очень часто огонь бывает украден каким-то хитроумным животным или птицей, и они передают его другим животным, которые убегают с ним. Пока они несут этот огонь, пламя обжигает их, и этим объясняется происхождение разных расцветок у животных. Кража огня – мифологическая тема, широко распространенная во всем мире.

МОЙЕРС: В каждой ли культуре люди пытались объяснить происхождение огня?

КЭМПБЕЛЛ: Речь на самом деле не о том, чтобы объяснить, откуда взялся огонь. Здесь скорее говорится о ценности огня как такового.

Кража огня разделяет человека и животных. Когда ночь застает вас в лесу, вы разжигаете огонь, и он оберегает вас от диких зверей. Вы можете видеть, как сверкают их глаза в темноте, но они не осмеливаются пересечь

круг, освещенный огнем.

МОЙЕРС: Так эти истории рассказываются не для того, чтобы люди сделали выводы и поняли их мораль?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, не для этого. Эти истории восхваляют огонь, его ценность. Они показывают, что человек стал отличаться от животного, когда у него появился огонь.

МОЙЕРС: Можете ли вы утверждать, основываясь на мифологических исследованиях, что человеческие устремления и мысли, духовные поиски оказываются чем-то общим для всего человечества? И неважно, миллион лет назад они сформировались или сложатся только через тысячу лет?

КЭМПБЕЛЛ: Существуют такие типы мифов, которые можно назвать мифами духовных поисков, и все они следуют одному и тому же образцу. Я попытался рассказать об этом в своей первой книге «Тысячеликий герой». Все мифы описывают, по сути, один и тот же путь. Вы оставляете мир, в котором живете, чтобы погрузиться в самые глубины или подняться очень высоко. И там вы обнаружите то, чего вам недоставало все это время в мире, в котором вы раньше жили.

И тогда возникает второй вопрос: остаться ли человеку с этим новым знанием или источником силы и уйти из прежнего мира навсегда либо все-таки вернуться назад в свой мир и поделиться открывшимся ему откровением. Не самый простой выбор.

МОЙЕРС: Итак, герой начинает свое путешествие *ради чего-то*, он не просто выходит на прогулку ради приключений?

КЭМПБЕЛЛ: Есть герои двух типов: одни сознательное решили отправиться в путешествие, а другие – нет. Если говорить о намеренно предпринятых путешествиях, можно вспомнить Телемаха, сына Одиссея, которому Афина сказала: «Иди и найди своего отца». Поиск отца – основной героический поступков юности. Это на самом деле поиск собственного пути в жизни, своей природы и источника жизненной силы. Такое путешествие осуществляется сознательно, преднамеренно. Или еще легенда о шумерской богине небес, Инанне, которая спускается в загробный мир, чтобы пережить смерть и оживить своего возлюбленного.

Но есть истории, когда вы оказываетесь вынужденными отправиться в путешествие, например, когда вас забирают в армию. Это происходит не по вашей воле, но делать все равно нечего, вы уже оказались в армии. Вы переживаете умирание и воскресение, надеваете униформу и становитесь другим человеком.

Есть один тип героев, часто встречающийся в кельтских мифах, – принц-охотник, который бросился в погоню за косулей и оказался в темном

лесу, где он раньше никогда не бывал. Там животное, за которым он гнался, меняет облик и превращается в Королеву Волшебной горы или кого-то подобного. Это такое путешествие, когда герой не знает, что он делает, что с ним происходит, но внезапно, по воле случая, он оказывается в некоем измененном пространстве.

МОЙЕРС: А является ли с точки зрения мифологии героем тот, кто отправляется в путешествие как бы случайно, не осознавая этого?

КЭМПБЕЛЛ: Да, потому что он к нему готов. Во всех этих историях с героями происходят только такие приключения, к которым они уже готовы. Приключения – это проявление личности героя. Даже условия, в которых они случаются, соответствуют уровню его готовности.

МОЙЕРС: В фильме Лукаса «Звездные войны» Хан Соло сначала предстает в образе предприимчивого торгаша, а потом проявляет себя как герой, спасая жизнь Люка Скайуокера.

КЭМПБЕЛЛ: Да. В этом как раз и заключается героический поступок – готовность отдать свою жизнь за другого.

МОЙЕРС: Как вы думаете, это вина толкает его на героический поступок? Чувствовал ли Соло себя виноватым, потому что бросил Скайуокера?

КЭМПБЕЛЛ: Зависит от того, как вы это интерпретируете. Вначале Соло ведет себя как очень практичный человек, или, по крайней мере, он считает себя типичным материалистом. Но в то же время он оказывается способным к состраданию, но этого он про себя не знал. Приключение дает ему возможность проявить то качество, которым, как он думал, он не обладал.

МОЙЕРС: Возможно, герой прячется в каждом из нас?

КЭМПБЕЛЛ: Жизнь, которую мы ведем, развивает наш характер. Со временем вы все больше узнаете про себя. Вот почему очень полезно оказываться в ситуациях, которые будут раскрывать вашу высшую природу, а не низшую сущность. «И не введи нас в искушение».

Ортега-и-Гассет в своей книге «Размышления о Дон Кихоте» говорит об окружающей среде и о герое. Дон Кихот – последний герой Средневековья. Он пошел сражаться с гигантами, но вместо гигантов среда может предложить ему только ветряные мельницы. Ортега указывает, что эта история разворачивается как раз в то время, когда механистический взгляд на мир становится все более необходимым, и поэтому окружающая среда больше не может удовлетворять духовные потребности героя. То же самое происходит с современным героем, сражающимся с миром, который неспособен ответить на его духовные запросы.

МОЙЕРС: Ветряные мельницы.

КЭМПБЕЛЛ: Да, но Дон Кихот не отказался от этого приключения и придумал злого волшебника, который якобы и превратил гигантов в ветряные мельницы непосредственно перед атакой. Конечно, и вы можете это сделать, если обладаете поэтической фантазией.

Раньше мир был не механистическим, а живым и отвечал на духовные потребности. Однако теперь мир напоминает механизм, все явления в котором можно объяснить физикой, марксистской социологией и поведенческой психологией; а мы стали не чем иным, как сгустком нервов, реагирующих на раздражители. Такой подход, получивший развитие в XIX веке, выжал последнюю каплю свободы человеческой воли из современной жизни.

МОЙЕРС: С точки зрения здравого смысла есть ли опасность в том, что мифы о героях учат нас смотреть на героические поступки других как бы из зрительного зала? Так мы оправдываем свою неспособность к подобным действиям.

КЭМПБЕЛЛ: Мне кажется, что в последнее время именно это и происходит в нашей культуре. Тот, кто наблюдает, скажем, за спортивными соревнованиями, а не участвует в них, чувствует свою причастность к победе. Но если подумать о том, какие испытания выпали на долю современного человека, то становится понятным, что жить в современном мире не так уж и просто. Нудная работа, которую многим приходится выполнять, чтобы прокормить свою семью, выжимает все жизненные соки.

МОЙЕРС: Но разве эпидемия чумы в XII и XIV веках не была большим испытанием?

КЭМПБЕЛЛ: В то время люди вели гораздо более активную жизнь. Мы сидим в офисах. Неудивительно, что в наше время кризис среднего возраста переживается настолько остро.

МОЙЕРС: Вы воспринимаете это близко к сердцу!

КЭМПБЕЛЛ: Я давно прошел середину жизненного пути, поэтому знаю, о чем говорю. Типичным для нашего малоподвижного образа жизни является большое количество интеллектуальных стимулов и очень незначительная физическая активность.

Вот почему люди постоянно должны делать зарядку, определенное количество приседаний или отжиманий в день. Сложно получать от этого удовольствие, но так надо. В противном случае ваше тело рано или поздно скажет: «Послушай, ты обо мне совсем забыл. Я засорилось и закупорилось».

МОЙЕРС: Тем не менее мне все равно кажется, что эти героические

легенды могут ослаблять наше желание действовать и что-то делать самим. А с другой стороны, из нашего мира как будто бы ушли духовные ценности. Люди чувствуют себя беспомощными и бессильными. На мой взгляд, это проклятие нашего современного общества, это разочарование, слабость, раздражение, которое испытывают люди, их отчужденность от окружающего мира. Возможно, нам нужен герой, который выразит наши потаенные надежды и мечты.

КЭМПБЕЛЛ: То, о чем вы говорите, уже описано Т. Элиотом в «Бесплодной земле». Он говорит о том, что мы проживаем ненастоящие жизни, пребывая в состоянии социальной стагнации, бездуховности, не имея каких-либо возможностей, даже мужества, пока мы все не окажемся втянутыми в войну.

МОЙЕРС: Вы же не противник технологий?

КЭМПБЕЛЛ: Совсем нет. Когда Дедал, архитектор и механик Древней Греции, прикрепляет изобретенные им крылья к спине своего сына Икара, чтобы тот мог выбраться из критского Лабиринта, который Дедал сам и построил, он говорит своему сыну: «Сын мой, когда ты будешь лететь, держись середины. Если ты опустишься слишком низко, морские волны намочат крылья и ты утонешь в море, а если поднимешься высоко, от жаркого солнца растает воск, скрепляющий крылья. Держись между морем и солнцем, лети вслед за мной». Сам Дедал летел посредине, но увидел, что его сын, забывшись в восторге от полета, поднялся слишком высоко. Воск растаял, и Икар упал в море. Неизвестно, почему люди больше говорят о нем, чем о Дедале, как будто бы это крылья были виновны в падении юного астронавта. Но эта история не является иллюстрацией негативного отношения к промышленности и науке. Бедный Икар упал в воду, а Дедал, который летел посередине, приземлился на противоположном берегу.

В одном индуистском тексте говорится: «Опасный путь похож на лезвие бритвы». Это тема, которая также встречается в средневековой литературе. Ланселот, отправившись освобождать Гвиневеру из плена, должен пересечь бурный поток, пройдя по лезвию клинка босиком, как по мосту.

Когда вы решаетесь на новое приключение, когда отправляетесь на новую совершенно неизвестную «территорию», будь то техническое изобретение или просто новый образ жизни, всегда существует опасность чрезмерно увлечься, в опьянении часто забываются мелкие детали. И тогда ты падаешь. «Это опасный путь». Когда вы следуете по пути своих собственных желаний и эмоций, то должны держать мысли под контролем, иначе ваши собственные желания и эмоции так увлекут вас, что в конечном

счете уничтожат.

МОЙЕРС: Одним из наиболее интересных ваших утверждений является то, что наука и мифология не противоречат друг другу.

КЭМПБЕЛЛ: Нет, не противоречат. Современная наука уже прорывается в те сферы, которые раньше находились под покровом тайны. Наука сейчас занимается теми же вопросами, вокруг которых построены мифы. Она на границе.

МОЙЕРС: На границе с чем?

КЭМПБЕЛЛ: На границе между тем, что мы можем узнать, и тем, что никогда не будет познано, так как лежит за пределами человеческих познавательных возможностей. Как зародилась жизнь? Никто не знает. Мы даже не знаем, что такое атом, волна или частица, или и то и другое. Мы понятия не имеем об этом.

И именно по этой причине мы говорим о божественном. Существует источник трансцендентальной энергии. Когда физик наблюдает субатомные частицы, он видит на экране следы. Эти следы появляются и исчезают, появляются и исчезают, как и мы появляемся и исчезаем, поскольку все живое появляется и исчезает. Это энергия, которая движет всем. Мифы говорят о почитании этой энергии.

МОЙЕРС: У вас есть любимый мифический герой?

КЭМПБЕЛЛ: В детстве у меня было два любимых героя. Один из них – Дуглас Фэрбенкс[42], другой – Леонардо да Винчи. Я хотел объединить в себе обоих. Однако сейчас у меня нет такого единственного любимого героя.

МОЙЕРС: А у нашего общества?

КЭМПБЕЛЛ: Был раньше. Иисус Христос. Потом в Америке появились такие люди, как Вашингтон и Джефферсон, а потом еще и Даниэль Бун[43]. Но жизнь сегодня такая сложная, и она так стремительно меняется, что просто нет времени для того, чтобы такой герой снова появился.

МОЙЕРС: Кажется, сегодня мы поклоняемся знаменитостям, а не героям.

КЭМПБЕЛЛ: Да, и это очень печально. Учеников старшей школы в Бруклине как-то попросили ответить на вопрос: «Кем вы хотите стать?» Две трети из них ответили: «Знаменитостью». Никто не объяснил им: чтобы чего-то добиться, нужно приложить усилия и пожертвовать чем-то.

МОЙЕРС: Просто чтобы стать известным.

КЭМПБЕЛЛ: Да, знаменитым, известным, заработать имя и добиться

славы. Очень печально.

МОЙЕРС: Нужны ли обществу герои?

КЭМПБЕЛЛ; Думаю, да.

МОЙЕРС: Почему?

КЭМПБЕЛЛ: Потому что в обществе должны существовать некие «звездные» образы, которые объединяли бы все эти стремления, объединяли бы людей, чтобы те могли направить свои усилия на достижение некой цели.

МОЙЕРС: И следовать по определенному пути.

КЭМПБЕЛЛ: Думаю, да. Мне кажется, некое общее намерение должно объединять общество, и это позволит ему действовать как единому организму.

МОЙЕРС: Что вы думаете по поводу общей скорби о смерти Джона Леннона? Он был героем?

КЭМПБЕЛЛ: Да, разумеется, он им был.

МОЙЕРС: А можете объяснить это с точки зрения мифологии?

КЭМПБЕЛЛ: В мифологическом смысле Леннон был новатором. «The Beatles» создали новое искусство, к приходу которого все уже были готовы. Так или иначе, они пришли в нужное время. Если бы они появились тридцатью годами ранее, их музыка осталась бы незамеченной. Общественный герой очень чувствителен к потребностям своего времени. «The Beatles» привнесли глубокую духовность в популярную музыку и отразили наше увлечение медитацией и восточной музыкой. Восточная музыка была нам знакома и раньше, но как нечто необычное и любопытное, а теперь, после «The Beatles», кажется, молодые люди понимают ее смысл. Теперь мы слышим ее все чаще и чаще, но она все больше звучит в тех случаях, для которых предназначалась, а именно для медитации. Это началось с «The Beatles».

МОЙЕРС: Иногда мне кажется, что мы должны пожалеть героя, а не восхищаться им. Многие из них жертвуют своими потребностями во имя других.

КЭМПБЕЛЛ: Не просто многие, они все.

МОЙЕРС: И слишком часто то, что они совершили, оказывается непонятым.

КЭМПБЕЛЛ: Да, ты приходишь из леса с золотом, а оно обращается в пепел. Это очень распространенный мотив в сказках.

МОЙЕРС: Я помню этот захватывающий момент в истории Одиссея, когда его корабль разламывается, его товарищи и он сам оказываются за бортом, но ему удается схватить кусок сломанной мачты и добраться до

берега. А дальше в тексте написано буквально следующее: «Наконец один. Наконец один».

КЭМПБЕЛЛ: Приключения Одиссея – достаточно сложная тема, чтобы говорить о ней вкратце. Но в этом случае его корабль потерпел крушение вблизи острова бога Гелиоса – это на самом деле остров высшего просветления.

Если бы корабль не разбился, Одиссей мог остаться на острове и стать кем-то вроде йога, который, достигнув полного просветления, навсегда остается в этом состоянии блаженства и никогда не возвращается. Но греческая идея велит нести знание в массы и применять его в жизни, поэтому Одиссей возвращается.

На этом острове было запрещено убивать и есть быков. Люди Одиссея, однако, были голодны, поэтому они убили быков, разгневав тем самым бога, что и привело к крушению. Они пошли на поводу у низших инстинктов, тогда как находились во власти высшего духовного света. Оказавшись вблизи такой сакральности, ты не должен думать: «Черт, я голоден. Я все отдам за бутерброд с ростбифом». Люди Одиссея не были готовы к тому, чтобы воспринять то, что им было послано свыше, и не обладали необходимыми качествами для этого. Это типичная история героя, который достиг наивысшего просветления, но затем решил вернуться.

МОЙЕРС: Какие выводы мы должны сделать из этой «сладко-горькой» истории Одиссея? Вы пишете: «Чувство трагического в этой истории связано именно с глубокой радостью от красоты жизни – благородства красивой женщины, которая всегда будет самой большой ценностью для мужественного мужчины. Но в конце истории нас ждет пепел и прах».

КЭМПБЕЛЛ: Нельзя сказать, что жизнь бесполезна только потому, что заканчивается в могиле. В одном из своих стихотворений Пиндар[44] прославляет молодого человека, который выиграл в поединке во время Пифийских игр. Он пишет: «Однодневки, что – мы? что – не мы? Сон тени – Человек. Но когда от Зевса нисходит озарение, То в людях светел свет и сладостен век». Это мрачно и сердито: «Тщеславие, тщеславие, все суета!» Это неправда, не все – тщеславие, Здесь, например, этот момент не тщеславие, а триумф и восторг. Ощущение совершенства в момент триумфа очень характерно для греческой традиции.

МОЙЕРС: Много ли мифологических героев умирает за этот мир? Они страдают, подвергаются преследованию.

КЭМПБЕЛЛ: Многие из них жертвуют своей жизнью. Но миф говорит также о том, что жертва ведет к появлению новой жизни.

Возможно, на смену умершему герою не придет новый герой, но все равно это будет новая жизнь, новый способ существования и бытия.

МОЙЕРС: Героические истории меняются от культуры к культуре. Чем отличается восточный герой от западного?

КЭМПБЕЛЛ: Различна только степень просветления или активности. Герой, типичный для ранних культур, обычно ходит и убивает всяких чудовищ. Это также своего рода приключение доисторических времен, когда в мире человека было полно опасностей, а сам он жил в дикой среде. Поэтому герой шел и убивал чудовищ.

МОЙЕРС: То есть образ героя развивается со временем, как любая другая идея?

КЭМПБЕЛЛ: Он развивается по мере развития культуры. Возьмем Моисея, например. Он поднимается на гору, встречает на вершине Яхве и возвращается назад с заповедями, которые ложатся в основу нового общества. Типичный путь героя – уход, посвящение, возвращение.

МОЙЕРС: Будда тоже герой?

КЭМПБЕЛЛ: Будда следует практически по тому же пути, что и Иисус. За исключением того, что Будда жил на пятьсот лет раньше. Можно найти поразительное сходство между двумя этими образами вплоть до одинаковых черт характера и учеников. Например, можно сопоставить Ананду и святого Петра.

МОЙЕРС: Почему вы назвали свою книгу «Тысячеликий герой»?

КЭМПБЕЛЛ: Потому что существует определенная последовательность, которую можно встретить в мифах всего мира, описывающих путь героя в разные исторические эпохи. На самом деле можно предположить, что есть только один архетипический мифический герой, чья жизнь повторялась разными людьми во многих странах. Легендарный герой, как правило, является основателем чего-то – новой эпохи, новой религии, нового города, нового образа жизни. Но для того, чтобы создать что-то новое, вы должны сначала отказаться от старого и отправиться на поиски источника идеи, ее «зародыша», из которого, возможно, и появится что-то новое.

Основатели всех религий пошли таким путем. Будда отказался от всего мирского и сел под баньяном, деревом вечного познания, и ему там открылся источник духовного света, который освещает всю Азию в течение двух тысяч пятисот лет.

После крещения Иоанном Крестителем Христос сорок дней провел в пустыне и вернулся оттуда с посланием. Моисей поднялся на вершину горы и спустился оттуда с заповедями. Так становились героями, которые

создавали города. Почти все греческие города были основаны героями, которые отправились в путешествие, пережили удивительные приключения, и каждый из них заложил город. То же самое можно сказать и о том, кто дает жизнь вам или мне, – вашей жизни или моей жизни, если мы живем своей жизнью, а не подражаем чьей-то – это также результат долгого поиска.

МОЙЕРС: Почему все эти истории так важны для человечества?

КЭМПБЕЛЛ: Зависит от того, какая именно это история. Если ее можно назвать архетипическим приключением, то есть это рассказ о мальчике, который становится подростком, или о новом мире, который открывается юношам, то она поможет получить представление о решении той или иной проблемы.

МОЙЕРС: Вы говорите о том, как эти мифы помогают нам справляться с кризисами в жизни. Тем не менее, читая их в детстве, я видел, что у всех них всегда был счастливый конец. Тогда я не знал, что жизнь полна болезненных и часто невыносимых испытаний. Иногда я представляю себе ситуацию: мы покупаем билет на Гилберта и Салливана[45], а придя в театр, оказываемся на спектакле Гарольда Пинтера[46]. Возможно, сказки делают нас неприспособленными к реальности.

КЭМПБЕЛЛ: В сказках рассказывается о развлечениях. Необходимо различать мифы, в которых содержатся размышления о серьезных жизненных вопросах, таких, как законы общества и природы, и истории с подобными темами, в которых рассказывается о развлечениях. Но в то время как большинство волшебных сказок заканчиваются счастливо, на пути к финалу могут встретиться поистине мифологические мотивы, как, например, находясь в полной тупиковой ситуации, персонаж вдруг услышал голос или вдруг кто-то пришел ему на помощь.

Сказки для детей. Очень часто они рассказывают о девушке, которая не хочет становиться взрослой женщиной. Она противится наступлению этого переходного периода. Поэтому она погружается в глубокий сон до тех пор, пока к ней не приходит принц, преодолевший всевозможные препятствия. Именно он дает ей понять, что быть женщиной, несмотря ни на что, не так уж и плохо. Во многих сказках братьев Гримм маленькая девочка оказывается в трудном положении. Все эти убийства драконов, необходимость перейти из одного состояния в другое связаны с желанием выйти из сложной ситуации.

Все примитивные ритуалы посвящения и инициации уходят корнями в

мифы. Ритуалы связаны с возможностью зрелой личности прийти на смену детскому эго после его символического убийства, независимо от того, мальчик это или девочка. Этот переход от одного состояния к другому у мальчиков всегда сложнее, чем у девочек, потому что такая инициация заложена в девушек самой природой. Девочка становится женщиной, хочет она этого или нет, но мальчику нужно приложить усилия, чтобы стать мужчиной. С наступлением первой менструации девушка становится женщиной. Следующий этап – и она знает об этом – беременность, потом она уже мать. Мальчик же должен сначала порвать с матерью, собрать все свое мужество и двигаться вперед самостоятельно. Именно об этом говорится в мифе: «Юноша, иди, найди своего отца». В мифе об Одиссее Телемах жил со своей матерью. Когда ему исполнилось двадцать лет, ему явилась Афина и сказала: «Иди и найди своего отца». И это тема многих мифов. Иногда ищут духовного отца, а иногда, как в случае с Одиссеем, – вполне реального.

Сказка – это миф для детей. Для разных периодов жизни – свои мифы. Чем старше человек, тем более «крепкие» нужны мифы. Конечно, история о распятии – ключевая в христианской традиции – говорит о проявлении вечного в мире времени и пространства и о его уничтожении. Но она также рассказывает о переходе из мира времени и пространства в царство вечности. Вот почему мы жертвуем нашими преходящими, земными телами, отдаем их на растерзание, и через это мы входим в духовную сферу трансцендентного, где земные боли и страдания неизвестны. Существует распятие, известное как «Торжество Христа», где Христос не склоняет голову и не истекает кровью, но смотрит на нас с высоко поднятой главой и открытыми глазами, как будто он добровольно принял распятие на Кресте. Святой Августин пишет где-то, что Иисус пошел на крест, как жених идет к своей невесте.

МОЙЕРС: То есть существуют истины для детей и истины для взрослых.

КЭМПБЕЛЛ: Именно. Я помню лекцию, которую читал в Колумбийском университете Генрих Циммер[47], о индуистской идее жизни как о мечте или воздушном пузыре. В ней говорилось, что жизнь – это иллюзия материального мира, так называемая майя. После лекции студент подошел к нему и сказал: «Доктор Циммер, ваша лекция по индийской философии была замечательной! Но эта майя – почему-то я этого не понимаю – мне ни о чем не говорит».

«О! – ответил он. – Не будьте так нетерпеливы. Вам слишком рано это понимать, мой дорогой». И это точно так: когда вы стареете и те, кого вы

знали и любили, покидают этот мир, а привычный вам уклад жизни меняется, вот тогда-то и приходит понимание того, что такое майя. Но для молодых людей мир полон открытий, любви и знаний, поэтому им нужна совсем другая мифология.

МОЙЕРС: Писатель Томас Берри говорит, что все дело истории. История – это сюжет, который мы приписываем жизни и Вселенной, история, которая включает в себя наши основные мнения и предположения, наши ключевые убеждения о мире и жизни. Берри утверждает, что мы сейчас зашли в тупик, «потому что находимся между двумя историями. Старая история долго поддерживала наши позиции: она сформировала наши эмоциональные отношения, дала нам цель в жизни, побудила нас действовать, благословляла наши страдания, руководила нашим образованием. Мы просыпались утром с ясным осознанием того, кто мы, и могли отвечать на вопросы наших детей. И все было ясно для нас, потому что история была на месте. Но наступает время, когда старая история перестает работать, а новую мы еще не изучили».

КЭМПБЕЛЛ: Я согласен, но только частично. Отчасти потому, что есть старая история, которая все еще в силе, и это история духовного поиска. Это усилия, чтобы найти что-то внутри вас, и это история, которую я попытался рассказать в своей книге, написанной около сорока лет назад, – «Тысячеликий герой». Связь мифологии с космологией и социологией очевидна для человека, который оказывается перед лицом нового мира и должен привыкнуть к нему, так как он живет в нем. Сегодня мир отличается от того, каким он был пятьдесят лет назад. Но внутренняя жизнь человека абсолютно одинакова. Поэтому – если мы отбросим в сторону миф о создании мира – в любом случае ученым придется объяснить, как возникла жизнь, и вернуться к мифу о человеческом пути, об этапах его становления, об испытаниях перехода от детства к зрелости и о том, что такое зрелость. Эта история существует во всех религиях.

Возьмем, к примеру, историю Иисуса – это типичный универсальный подвиг героя. Сначала он понимает, что его время подходит к концу, и уходит к Иоанну Крестителю, чтобы креститься. Пройдя через это, он отправляется в пустыню на сорок дней. В еврейской традиции число сорок – это мифологический символ. Дети Израиля провели сорок лет в пустыне, а Иисус – сорок дней. В пустыне Иисус подвергается трем искушениям. Первое, так сказать, экономическое, когда пришел дьявол и сказал ему: «Ты выглядишь голодным, молодой человек! Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами». Иисус ответил: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст

Божиих». Затем дьявол искушает его властью над всем миром. Иисуса поднимают на вершину горы и показывают ему все страны мира. Дьявол говорит: «Все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне». Сегодня об этом мало кто догадывается, но этот урок показывает, что значит быть успешным политиком. Иисус отказывается. Наконец, дьявол говорит ему: «Если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею».

Это уже пример того, что называется инфляцией духа. Другими словами, я настолько духовен, что меня не волнуют проблемы плоти и этого мира. Но Иисус – воплощенный дух, не так ли? Поэтому он отвечает: «Не искушай Господа Бога твоего». Эти три искушения Христа присутствуют в нашей жизни и сегодня, как и в тридцатом году нашей эры.

История искушения Иисуса в пустыне чем-то похожа на историю искушения Будды. Будда тоже ушел из мира, и в лесу он долго разговаривал с лучшими гуру своего времени. Затем, после испытаний и поисков, он садится под баньян, дерево просветления, где также подвергается трем искушениям. Первое – это желание, второе – страх, а третье – подчинение общественному мнению.

Во время первого искушения Демон-искуситель показывает ему трех прекрасных дочерей. Их имена – Вожделение, Наслаждение и Сожаление – Будущее, Прошлое и Прошлое. Но Будда, который отринул все плотские желания и больше не был связан со своей чувственной природой, остается равнодушным.

Тогда Демон превращается во Властелина смерти и посылает на него вооруженную армию чудовищ. Но Будда нашел в себе проявление вечности, нетронутой временем. Он оставался спокоен, и оружие, направленное против него, превратилось в цветы, используемые для обрядов поклонения.

Наконец, Властелин смерти превратился во Властелина социального долга и сказал ему: «Молодой человек, разве вы не читаете утренние газеты? Разве вы не знаете, что надо делать сегодня?» Но Будда ответил одним лишь жестом, коснувшись земли кончиками пальцев правой руки. В то же мгновение голос Матери Богини Вселенной раздался раскатами грома: «Этот возлюбленный сын уже и так посвятил себя миру, поэтому никто не может ему приказывать, что делать. Оставь эти глупости». А потом слон, который носил на спине Властелина социального долга, поклонился Будде, и все противники его растворились в воздухе и исчезли, как сон. В ту же ночь Будда достиг просветления, и в последующие

пятьдесят лет он оставался в мире, чтобы учить людей, как избавляться от оков эгоизма.

Первые два искушения – желания и страх – такие же, какие переживают Адам и Ева на замечательной картине Тициана (теперь она в Музее Прадо), идея которой пришла ему в возрасте девяноста четырех лет. Дерево, конечно же, является мифологической осью мира, вокруг которой все вращается, а время и вечность, движение и покой едины. Но здесь оно представлено только в своем временном образе, в виде древа познания добра и зла, приобретений и утраты, желания и страха. Справа от него Ева, которая видит соблазнителя в образе ребенка, предлагающего ей яблоко, и она терзается желанием. Но Адам, на противоположной стороне, видит змеиные ноги искусителя и испытывает страх. Желание и страх – это две эмоции, которые управляют всей жизнью мира. Желание – искушение, смерть – это безвыходное положение.

Адам и Ева поддаются искушению; Будда же устоял. Ева и Адам создают жизнь, и Бог проклинает их; а Будда проповедует освобождение от страха в жизни.

МОЙЕРС: Но вместе с ребенком на этот свет приходят опасности, страхи и страдания?

КЭМПБЕЛЛ: Возьмите меня. Мне уже восемьдесят, и сейчас я работаю над одним произведением в нескольких томах. Я действительно хочу жить, чтобы закончить эту работу. Это мое детище. Вот почему я боюсь смерти. Если бы я не хотел закончить книгу, я не боялся бы смерти. И Будда, и Христос находят спасение после смерти и возвращаются из пустыни, чтобы найти и обучить своих учеников, которые, в свою очередь, распространяют их послание миру. Послания великих учителей – Моисея, Будды, Христа, Мухаммеда – сильно различаются. Но их духовные пути очень похожи. Когда Мухаммед стал избранным, он был неграмотным погонщиком верблюдов. Но каждый день он покидал свой дом в Мекке, чтобы отправиться в горную пещеру и медитировать там. Однажды он услышал голос: «Пиши!» Так появился Коран. Это старая, старая история.

МОЙЕРС: Однако в каждом из этих случаев получатели этого послания начинают интерпретировать сообщение героя очень странным образом.

КЭМПБЕЛЛ: Есть даже такие учителя, которые вовсе отказываются распространять свои знания, поскольку общество всегда искажает их идеи.

МОЙЕРС: Что происходит, когда герой возвращается после испытаний, а мир не хочет брать того, что он готов ему дать?

КЭМПБЕЛЛ: Это, конечно, самый распространенный случай. Но мир

не столько не хочет его подарка, сколько не знает, как именно его получить и как его узаконить…

МОЙЕРС: …как хранить его и как развивать.

КЭМПБЕЛЛ: Да, как поддерживать его существование.

МОЙЕРС: Мне всегда нравился такой образ жизни, когда в сухие останки, руины и святыни вдыхают новую жизнь.

КЭМПБЕЛЛ: Есть такой тип героя, который должен возродить традицию. Этот персонаж переосмысливает традицию, обновляет ее и «очищает» ее от старых и уже отработавших клише. Так должно происходить со всеми старыми обычаями.

МОЙЕРС: Много религий началось с таких мифов о героях. Весь Восток был благословлен, чтобы узнать учения Будды, и весь Запад был удостоен узнать заповеди, которые Моисей принес с Синая. Герои племени или нации совершают подвиги во имя одного народа, в то время как известные всему миру герои, такие как Мухаммед, Иисус и Будда, приносят свои послания издалека. Эти герои разных религий приходят к людям с чудесной вестью о Боге, а не с программным заявлением.

КЭМПБЕЛЛ: Правда в том, что в Ветхом Завете есть много законов.

МОЙЕРС: И тогда религия превращается в теологию. Религия начинается с чувства удивления и благоговения, а также с попыток рассказать такие истории, которые связывают нас с Богом. Но потом это становится серией богословских работ, в которых все сводится к законам и уставам.

КЭМПБЕЛЛ: Это на самом деле превращение мифологии в теологию. Мифология постоянно меняется. Большинство мифов даже противоречат друг другу. В рамках одной культуры четыре-пять мифов могут предлагать разные объяснения одной и той же загадки. Но затем приходит теология и утверждает, что только одна из интерпретаций верна. Но мифология – это поэзия, а поэтический язык очень гибкий.

Религия превращает поэзию в прозу. Бог на самом деле сидит наверху, и то, что написано в религиозных книгах, является действительно его буквальными мыслями, и есть определенный способ поведения, который поможет вам обрести связь с ним.

МОЙЕРС: Вам не нужно верить в существование реального короля Артура, чтобы понять смысл легенд о нем. Но, как говорят христиане, мы должны верить, что Иисус жил на самом деле, иначе чудеса, совершенные им, теряют смысл.

КЭМПБЕЛЛ: Это те же чудеса, какие сотворил пророк Илия. Есть много чудес, которые носятся, как частицы в воздухе, и когда появляется

определенный тип человека, они начинают собираться вместе вокруг него. Рассказы о чудесах помогают нам просто понять, что этот замечательный человек проповедует не что иное, как духовный порядок, который не следует путать с чисто физическим порядком вещей, и именно поэтому человек обычно также совершает духовные чудеса. Однако из этого не следует, что он обязательно сотворил их, хотя это не исключено. Три или четыре раза в жизни я видел подобное: мужчины и женщины делают то, что каждый воспринимает как невозможное. На самом деле мы не знаем границ возможного. Но необязательно, чтобы чудеса из легенд воспринимались как буквальные факты истории. Будда ходил по воде точно так же, как Христос. Будда восходит к небу, а затем возвращается.

МОЙЕРС: Я помню, как-то на лекции вы нарисовали круг и сказали: «Это ваша душа».

КЭМПБЕЛЛ: Это был просто преподавательский прием. Платон утверждал, что душа – это круг. Я взял эту идею у него, чтобы показать всю область психического на доске. Затем я разделил круг горизонтальной линией, которая представляет собой границу, отделяющую сознательное от бессознательного. Центр, из которого идут все наши силы, я отмечаю точкой в середине круга, который оказывается ниже горизонтальной линии. У ребенка нет других желаний, кроме тех, которых требует его маленький организм. Так начинается жизнь. Ребенок – это, как правило, порыв жизни. После этого, однако, вмешивается сознание и немедленно оглядывается, чтобы посмотреть, что происходит вокруг, что ему нужно и как удовлетворить эту потребность.

Над горизонтальной линией находится Эго, которое я обозначаю небольшим квадратом: это аспект нашего сознания, который мы отождествляем со своим внутренним центром. Но вы видите, что это совсем не в центре. Мы представляем, что именно Эго всем командует, но это не так.

МОЙЕРС: И кто же командует парадом?

КЭМПБЕЛЛ: Все «команды» идут снизу. Период, когда человек понимает, что он не полноправный хозяин самого себя, – это период полового созревания, когда в организме происходят определенные изменения и появляется целый новый набор потребностей и желаний. Молодой человек, однако, понятия не имеет, как он может справиться с ситуацией и не перестает удивляться тому, откуда все это в нем берется.

МОЙЕРС: Очевидно, мы приходим в этот мир с чем-то вроде встроенной памяти. На круге она показана в нижней его части.

КЭМПБЕЛЛ: Удивительно, какой большой объем информации

отражен на этой схеме. Младенец знает, что делать, когда у него во рту оказывается грудь матери. Существует целая система врожденных действий, которые мы называем инстинктами, когда речь идет о животных. Это наша биологическая основа. Но определенные вещи, случающиеся с нами, могут быть ужасными, или трудными, или пугающими, или греховными, но им очень сложно противостоять, так как что-то постоянно побуждает вас делать их, и именно тогда начинаются основные психологические проблемы.

В таких делах мифы оказываются прежде всего основным указанием, наставлением. Сегодня наше общество не предлагает такого рода мифического руководства, поэтому молодым людям так сложно понять самих себя. У меня есть одна теория на этот счет. Я считаю, что для выхода из психологической проблемы нужно подобрать соответствующую мифологическую модель, с помощью которой можно будет преодолеть это затруднение.

МОЙЕРС: Когда люди говорят «найди себя», что имеется в виду?

КЭМПБЕЛЛ: Вполне возможно, что на человека могут влиять идеалы или окружающая среда, а он просто не знает, что он на самом деле хочет и кем является. Я думаю, что все, кто вырос в очень строгой, авторитарной социальной среде, имеют очень мало шансов познать себя.

МОЙЕРС: Потому что нам говорят, что делать.

КЭМПБЕЛЛ: Вам говорят, что именно вам нужно делать, каждую минуту. Как в армии. Так оно и есть. Как ребенок в школе, вы всегда делаете то, что вам было сказано, поэтому считаете дни до каникул, когда вы можете быть самим собой.

МОЙЕРС: Как мифология предлагает узнавать свое истинное Я?

КЭМПБЕЛЛ: Первое, что вам нужно знать, – это следовать советам, содержащимся в мифах, или советам вашего гуру, вашего учителя, который, конечно, должен знать больше, чем вы. Точно так же спортсмен идет к своему тренеру. Тренер рассказывает ему, как развить свои сильные стороны и как их использовать. Хороший тренер не говорит спортсмену, как бежать, как держать руки или что-то в этом роде. Нет, он наблюдает за ним, помогает раскрыть его естественный потенциал. Хороший учитель должен распознать способности в своем ученике, дать ему советы, а не приказания. Приказ звучит так: «Вот как делаю это я, так и ты так же должен делать!» Есть люди, которые так и учат. Но учитель, конечно же, должен что-то объяснять, руководить молодыми в целом. Если такого человека не будет рядом с вами, вам придется проделать всю работу с нуля. Это то же самое, что заново изобретать колесо.

Один из лучших способов учиться – найти книгу, в которой рассматриваются проблемы, подобные вашим. Это, несомненно, откроет вам глаза. В свое время я многое понял, прочитав книги Томаса Манна и Джеймса Джойса, потому что они использовали в своих работах основные мифологические темы, чтобы объяснить проблемы и вопросы, возникающие в нашем современном мире, которые важно решить молодым людям. Каждый должен открыть свои собственные мифы в работах хорошего писателя, который понимает эти вопросы.

МОЙЕРС: Вот что занимает меня. Если нам повезло, если боги и музы улыбаются, то в каждом поколении появляется кто-то, кто стимулирует наше воображение и вдохновляет нас на предстоящее путешествие. В свое время это были Джойс и Манн. Теперь, однако, кажется, что в большинстве случаев это кино. Как вы думаете, кинематограф создает героев? Например, фильм «Звездные войны» может восполнить необходимость в определенном герое?

КЭМПБЕЛЛ: Я часто слышу, как дети используют слова из фильма Джорджа Лукаса – «сила» и «темная сторона». И это очень показательно. Видимо, он попал в цель. Я сказал бы, что это очень хорошая и очень ценная подготовка.

МОЙЕРС: Думаю, это несколько объясняет успех «Звездных войн». Дело не только в достоинствах самого фильма – он действительно захватывающий, – но и в том, что он был создан в то время, когда людям нужно было увидеть столкновение добра и зла в знакомых им образах. Им нужен идеализм, романтика, основанная на самоотречении, а не на эгоизме.

КЭМПБЕЛЛ: Сам факт, что зло не отождествляется с определенной нацией, означает, что это абстрактная сила, отдельный принцип, а не конкретная историческая ситуация. Мы имеем дело с действием определенных принципов, но не действиями одной нации против другой. Чудовища, которых играют актеры «Звездных войн», представляют собой истинную силу в нашем современном мире. Когда маска с лица Дарта Вейдера сорвана, мы видим бесформенное лицо, которое сложно назвать человеческим. Оно являет собой странный и жалкий вид.

МОЙЕРС: Что это значит?

КЭМПБЕЛЛ: То, что Дарт Вейдер не смог развить в себе человечность. Он робот. Он чиновник, который живет не для себя, а для системы, навязанной ему. Это угроза, с которой мы сталкиваемся сегодня. Будет ли система подавлять вас и лишать вас индивидуальности, или вы сможете использовать систему для реализации человеческих ценностей? Как выстроить отношения с системой так, чтобы вам не пришлось служить

ей? Нет смысла пытаться изменить ее в соответствии с вашей собственной системой ценностей. Исторический стимул слишком силен для того, чтобы из такого действия можно было бы извлечь что-то стоящее. Что нужно сделать, так это научиться жить в своем историческом периоде и оставаться человеком. Это нечто другое, и это можно воплотить в жизнь.

МОЙЕРС: Каким образом?

КЭМПБЕЛЛ: Не отказываться от своих идеалов, как Люк Скайуокер, и отвергать претензии системы к вам.

МОЙЕРС: Я привел двоих своих сыновей на «Звездные войны», и они вели себя так же, как и другие зрители, когда Бен Кеноби в самый напряженный момент последней схватки обратился к Люку Скайуокеру со словами: «Люк, отключи компьютер. Заглуши машину. Люк, доверься своим чувствам… Используй силу, Люк. Положись на нее». И когда ему это удалось, весь зал начал аплодировать.

КЭМПБЕЛЛ: Вот видите! Фильму есть что сказать. Он говорит на языке молодежи, и это важно. На самом деле он задает основной вопрос: «Останешься ли ты человеком, потому что в этом и есть жизнь, зов сердца, или ты будешь делать все, что тебе скажет так называемая „преднамеренная сила“»? И когда Бен Кеноби говорит: «Да пребудет с тобой сила», – он говорит о силе и энергии жизни, а не о каких-либо программных политических целях.

МОЙЕРС: Я был впечатлен определением, которое Бен Кеноби дает силе. Он говорит: «Это энергетическое поле, создаваемое всеми живыми существами. Оно окружает и пронизывает нас. Оно связывает Вселенную воедино». И потом я вспомнил, что в «Тысячеликом герое» прочитал такое же описание центра Земли – священного места, символа непрерывного сотворения.

КЭМПБЕЛЛ: Да, конечно. Сила приходит изнутри. Но сила Империи основана исключительно на идее подчинения и правления. «Звездные войны» – это не обычное морализаторское повествование, там рассказывается о силе жизни и разных ее вариантах – во благо или ради разрушения и подавления других людей.

МОЙЕРС: Когда я впервые увидел «Звездные войны», то подумал: «Это очень старая история, рассказанная на новый лад». Рассказ о молодом мальчике, который жаждет приключений, о герое, который переживает несчастья и беды, чтобы вернуться победителем и принести обществу благо…

КЭМПБЕЛЛ: Нет сомнений, что Лукас использует стандартные мифологические персонажи. Старик, который дает советы молодому Люку,

напоминает мне японских мастеров меча. Я встречал таких и могу сказать, что Бен Кеноби действительно напоминает их по характеру и поведению.

МОЙЕРС: Что именно делает мастер меча?

КЭМПБЕЛЛ: Он мастер в искусстве владения холодным оружием. Обучение восточным боевым искусствам превосходит все, что я когда-либо видел в системе образования в наших американских школах. В ходе обучения приходится осваивать не только разные техники, но и психологические основы, которые невозможны друг без друга. Там освоены не только физические, но и психологические методы, которые идут вместе. И вот этот персонаж из «Звездных войн» обладает таким качествами.

МОЙЕРС: Есть что-то от мифов в том, что герою помогает незнакомец и дает ему инструмент…

КЭМПБЕЛЛ: Он дает ему не только реальный инструмент, но и умственную выносливость, целеустремленность и ментальный центр. То есть обязательства стоят выше намерений, и вы становитесь единым с событием.

МОЙЕРС: Моя любимая сцена – когда они находятся в камере для отходов, а стены постепенно надвигаются на них. Я постоянно думаю: «Как Иона во чреве кита».

КЭМПБЕЛЛ: Там, во чреве кита, они и находились.

МОЙЕРС: В чем мифологическое значение этого чрева?

КЭМПБЕЛЛ: Чрево, живот – это темное место, где происходит пищеварение и зарождается новая энергия. Притча об Ионе во чреве кита – почти универсальная мифическая тема для героя, который попадает в живот большой рыбы, чтобы потом выйти оттуда, но уже преображенным.

МОЙЕРС: Почему герою это необходимо?

КЭМПБЕЛЛ: Это спуск во тьму. Психологически кит олицетворяет силу жизни, скрытую в бессознательном. Вода – это метафора бессознательного, а человек в воде – это жизнь или энергия бессознательного, которая «затопила» сознание человека, поэтому ее нужно освоить и контролировать.

На первом этапе приключений этого типа герой покидает область знакомого, где он мог хотя бы отчасти контролировать ситуацию, и достигает предела, скажем, берега озера или моря, а там его встречает чудовище.

В типичной истории, подобной притче об Ионе, бездна поглощает героя, который позже выбирается из нее. Это вариант темы смерти и воскресения. В данном случае сознательная личность вступает во

взаимодействие с такой силой бессознательного, что человек не может справиться с ситуацией и, следовательно, должен пройти все испытания во время своего ужасающего путешествия в морской темноте, чтобы научиться, как справляться с этой силой, и обрести возможность вернуться к новой жизни.

Другой вариант – когда герой, столкнувшийся с силой тьмы, побеждает ее, убивает ее, как Зигфрид и святой Георгий, которые убили дракона. Но Зигфрид узнает, что он должен испить кровь дракона, чтобы забрать себе его силы. Убив дракона и вкусив его крови, Зигфрид слышит песню природы. Он вышел за пределы человеческого и воссоединился с силами природы – силами нашей жизни, от которых наш ум отделяет нас.

Вы понимаете, предполагается, что сознание управляет ситуацией shop. Но оно – производное человеческого бытия, и не следует позволять ему контролировать себя. Оно должно подчиниться и служить природе человеческого организма. Когда оно контролирует вас, появляется такой человек, как Дарт Вейдер из «Звездных войн», который руководствуется только сознательными намерениям и целями.

МОЙЕРС: Темная фигура.

КЭМПБЕЛЛ: Да, как Мефистофель у Гёте.

МОЙЕРС: Но я уже слышу, как кто-то говорит: «Да, да. Все это очень хорошо, когда речь идет о воображении Джорджа Лукаса или исследованиях Джозефа Кэмпбелла, но это не имеет ничего общего с событиями, которые происходят в моей жизни».

КЭМПБЕЛЛ: Конечно, если человек не распознает этого, то он, несомненно, превратится в Дарта Вейдера. Если человек придерживается определенной программы и не слушает зов своего сердца, он рискует получить шизофреническое расстройство. Он теряет ориентир. Он живет согласно определенной программе, не отвечающей требованиям его тела. В мире полно людей, которые давно перестали слушать себя и слушают только других, чтобы понять, что они должны делать, как себя вести и каких ценностей придерживаться.

МОЙЕРС: Учитывая ваши знания о человеческой природе, можем ли мы сказать, что есть некая точка мудрости за пределами конфликта между истиной и иллюзией, благодаря которой наша жизнь снова может обрести смысл? Возможно ли разработать новые модели?

КЭМПБЕЛЛ: Эти модели уже существуют, их предлагают религии. Все религии соответствовали своему времени. Если вы можете найти вечную сторону истины, которую они проповедуют, и отделить ее от преходящего, тогда у вас есть нужная модель. Мы говорили об этом: речь

идет об отказе от физических желаний и страхов тела во имя того, что духовно поддерживает его. Может ли организм научиться распознавать и выражать свою внутреннюю жизнь в мире времени и пространства? Так или иначе, мы все должны выяснить, что лучше всего подходит для развития нашей человеческой природы в существующем мире, и посвятить себя этой цели.

МОЙЕРС: Не просто цели, а высшей цели?

КЭМПБЕЛЛ: Я сказал бы, более духовной цели. «Высшее» означает где-то там, но «там» не существует. Мы это знаем. Вы должны найти силу внутри себя. Вот почему в глазах сегодняшней молодежи восточные гуру выглядят гораздо более убедительными. Они говорят: «Все внутри тебя. Тебе просто нужно это найти».

МОЙЕРС: Но разве это не удел избранных – принять вызов и выстроить свою жизнь в соответствии с ним?

КЭМПБЕЛЛ: Нисколько! Мало кто может быть учителем и проводником, но в остальном это то, на что каждый мог бы ответить, так же, как любой может броситься спасать ребенка. Каждый из нас может признать в себе ценности своей собственной жизни, которые связаны не только с поддержанием тела и ежедневными материальными заботами дня.

МОЙЕРС: Мне нравилось читать «Рыцарей Круглого стола», когда я был маленьким мальчиком. Мифы пробудили во мне мысль, что и я мог бы стать героем. Я хотел драться с драконами, я жаждал пойти в темный лес и победить зло. Почему мифы так влияют на сына фермера из Оклахомы, что он думает о себе как о герое?

КЭМПБЕЛЛ: Потому что мифы вдохновляют вас на реализацию своих возможностей личностного роста, на развитие своей силы в полной мере, на то, чтобы принести больше солнечного света в этот мир. Убийство чудищ означает уничтожение тьмы. Мифы общаются с вашим бессознательным. Мальчиком вы воспринимаете их по-своему, как я когда-то, когда читал истории про индейцев. Позже, однако, мифы начинают говорить вам все больше и больше. Я думаю, что любой, кто когда-либо всерьез занимался религией или мистикой, может сказать вам, что в детстве мы понимаем эти вещи однобоко, но затем перед нами открывается их многосторонность. В этом отношении мифы – источник неисчерпаемого богатства.

МОЙЕРС: Как я могу убить дракона в себе? Какое оно, это путешествие, которое каждый из нас должен предпринять? Путешествие, которое вы называете «великим приключением души»?

КЭМПБЕЛЛ: Моя основная идея, которую я передаю своим студентам,

такая: «Следуйте голосу своего сердца». Поймите, куда он вас ведет, и не бойтесь следовать ему.

МОЙЕРС: А это касается моей работы или моей жизни?

КЭМПБЕЛЛ: Если работа выбрана вами, потому что вам она нравится, то это счастье. Но если вы думаете: «О нет! Я не смогу, я не справлюсь!», – это означает, что вы оказались в плену дракона. Или «Нет, мне никогда не стать писателем», или «Нет, у меня никогда не получится так же хорошо, как у него».

МОЙЕРС: В этом смысле, в отличие от героев, таких как Прометей или Иисус, мы отправляемся в путь не для того, чтобы спасти мир, но чтобы спасти себя.

КЭМПБЕЛЛ: Но, делая это, мы спасаем мир. Не вызывает сомнений, что действия неординарного человека придают нам силы. Мир без духа – пустота. Люди думают, что могут спасти мир, изменив все вокруг, в том числе законы, сменив правителей и так далее. Нет, нет! Мир существует, только если это живой мир. Единственное, что нужно сделать, – это вдохнуть жизнь, и единственный способ сделать это – самому найти источник жизни и стать живым.

МОЙЕРС: Когда я отправляюсь в путь, чтобы убить драконов, я должен быть один?

КЭМПБЕЛЛ: Если у вас есть кто-то, кто может вам помочь, это еще лучше. Но самый последний шаг вы должны сделать в одиночку. С точки зрения психологии дракон – ваша собственная привязанность к своему эго. То есть мы попадаем в собственную ловушку. Например, задача психиатра – вывести нас из этой ловушки, уничтожить дракона, чтобы мы могли взаимодействовать с окружающим миром. В конце концов, дракон находится внутри нас, это ваше собственное эго сжимает вас в тисках.

МОЙЕРС: Что такое эго?

КЭМПБЕЛЛ: То, что вы думаете о том, чего хотите, во что верите, что вы думаете о том, что можете себе позволить, что вы любите, к чему, как вам кажется, вы привязаны. Все это может быть незначительным, и тогда оно хватает вас за горло. Если вы делаете то, что говорят другие, вы оказываетесь в тисках. Тогда другие станут вашим внутренним драконом, который будет действовать за вас.

В нашей западной традиции дракон олицетворяет жадность. Однако в Китае дракон – совершенно другой персонаж. Он символизирует жизненную силу и, выходя из вод, в которых обитает, хлопает себя по животу и рычит: «Хау-ха-ха-хау». Это чудный дракон, потому что он щедро делится водой, очень ценным подарком. Однако в наших западных сказках

дракон пытается захватить все для себя, а в своей тайной пещере он скрывает все: кучи золота и зачастую – девственницу, которую держит в плену. Он не знает, что со всем этим делать, поэтому только охраняет свое добро. Есть такие люди, мы называем их мерзкими типами. Они не излучают жизненную энергию, ничего не дают. Они просто приклеиваются к вам, повисают на вас, медленно высасывая из вас жизненные силы.

У Юнга была пациентка, которая обратилась к нему, потому что чувствовала себя одинокой. Когда он попросил ее нарисовать ее состояние, она изобразила себя на берегу мрачного моря, застрявшую между скалами, по пояс в воде. Ветер раздувал ее волосы, и все золото, вся радость жизни были завалены большими камнями. На следующей картине, которую она нарисовала, было изображено то, что предложил сам Юнг. Молния ударила в камни, и из расщелины появился золотой диск. Не было больше золота, спрятанного под камнями. Все золото оказалось на поверхности. Потом они разбирались, что это за золото. Это были ее друзья. Она не была одна. Но она закрылась в «комнатушке» своей собственной жизни, хотя у нее были друзья. А чтобы понять это, она должна была сначала убить дракона в себе.

МОЙЕРС: Мне нравится то, что вы пишете о мифе про Тесея и Ариадну. Тесей говорит Ариадне: «Я буду любить тебя вечно, если ты покажешь мне, как выбраться из этого Лабиринта». Она дает ему клубок, который он разматывает, пока идет по Лабиринту, а потом по этой нити возвращается обратно. Вы пишете: «Нить – это все, что у него было. Все, что нам нужно, – это и есть нить».

КЭМПБЕЛЛ: Да, нить Ариадны – это все, что нам нужно.

МОЙЕРС: Иногда нам кажется, что для спасения нам нужно большое богатство, или великая сила, или гениальные идеи, хотя единственное, что нам нужно, – это нить.

КЭМПБЕЛЛ: Но найти ее не так-то просто. Здорово, когда есть кто-то, кто подскажет. Это уже работа учителя – помочь вам найти свою собственную нить Ариадны.

МОЙЕРС: Как и другие герои, Будда не раскрывает самой истины, он только показывает вам путь к ней.

КЭМПБЕЛЛ: И это должен быть ваш путь, а не его. Например, Будда мог рассказать вам, как избавиться от ваших страхов. Некоторые учителя рекомендуют выполнять упражнения, но они могут вам и не помочь. Поэтому все, что учитель может сделать, это советовать, предлагать. Учитель – как маяк, который предупреждает: «Впереди камни, держись от них подальше. Есть путь, по которому их можно обойти».

Главная проблема в жизни каждого молодого человека – найти примеры, которые натолкнули бы на мысль о других возможностях. Ницше говорит: «Человек – это больное животное».

Человек подобен животному, которое не знает, что делать с самим собой. Ум раскрывает перед нами много возможностей, но мы проживаем только одну жизнь. Как поступить, как прожить эту жизнь? Миф подсказывает нам возможные варианты.

МОЙЕРС: Сегодня у нас в распоряжении множество разнообразных возможностей и примеров для подражания. Многие люди делают выбор в пользу уже готовых вариантов, так никогда по-настоящему и не узнав себя.

КЭМПБЕЛЛ: Когда вы выбираете профессию, то фактически выбираете некую модель жизнь, которая вскоре будет соответствовать вам. Во второй половине жизни вы уже достаточно можете рассказать о своей профессии. Куда бы я ни пошел, люди знают, что я профессор. Я точно не знаю, что это такое и есть ли что-то особенное в том, как выглядит профессор, но я также безошибочно могу отличить профессора от инженера или торговца. Наша жизнь накладывает на нас отпечаток.

МОЙЕРС: В легендах о короле Артуре есть одна замечательная метафора. Когда рыцари Круглого стола собираются на поиски Святого Грааля в Темном лесу, рассказчик говорит: «Но они думали, что недостойно будет идти всем вместе. Вот почему каждый вошел в лес с той стороны, которую избрал сам». Вы говорите о том, что в этом эпизоде воплощается характерная для западного мышления идея об уникальности человеческой жизни, о том, что каждый из нас должен противостоять тьме в одиночку.

КЭМПБЕЛЛ: Когда я читал «Поиск Святого Грааля» (Queste del Saint Graal), произведение XIII века, мне пришло в голову, что оно олицетворяет типичные западные духовные цели и идеалы, то есть проживание именно своей жизни и раскрытие именно своего потенциала, которого нет больше ни у кого.

Это, на мой взгляд, великая истина западной культуры: каждый из нас – совершенно уникальное существо, и если мы и можем сделать что-то в этом мире, то это, в первую очередь, раскрыть заложенные в нас возможности и получить свой собственный опыт, который никто, кроме нас, получить не сможет.

Для восточной традиции, как и для всех восточных культур, характерно понимание человека как вылепленного по определенном шаблону. Его обязанности были четкими и определенными, а возможности увильнуть от них не было. Если вы пойдете за советом к гуру относительно своего духовного развития, он четко будет знать, где вы находитесь в

данный момент согласно принятому в этой традиции пути развития, куда вам надо двигаться дальше и что вам нужно сделать, чтобы туда попасть.

Он даст вам свой путеводитель, чтобы и вы тоже следовали ему. Для западного мира такая модель не подходит. На Западе ученики ждут некоего руководства, в соответствии с которым они смогут разработать свой собственный маршрут. Каждый из нас ищет того, чего никто другой никогда не видел. Это нечто, рожденное благодаря нашим уникальным возможностям, нечто, чего никто другой сотворить не мог бы, потому что каждый из нас должен реализовать только самого себя.

МОЙЕРС: Об этом говорит Гамлет, когда рассуждает о том, готов ли он принять судьбу такой, какова она есть.

КЭМПБЕЛЛ: Проблема Гамлета в том, что он не готов. Он не может вынести своего предназначения, и это уничтожает его. Такое тоже случается.

МОЙЕРС: Какие мифы помогают нам понять смерть?

КЭМПБЕЛЛ: Смерть невозможно понять, нужно научиться ее принимать. Я сказал бы, что история Христа, который принимает образ человека, чтобы умереть на кресте, является основным уроком принятия смерти для всех нас. История Эдипа и Сфинкса тоже говорит нам кое-что об этом. Сфинкс в истории об Эдипе – это не египетский сфинкс, это особь женского пола с телом льва, крыльями птицы, лицом и грудью женщины.

Она символизирует судьбу. Она наслала на людей мор, и, чтобы снять это проклятие, герой должен разгадать ее загадку: «Кто ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех?» Это человек. Ребенком он ползает на четвереньках, взрослым ходит на двух ногах, а когда стареет, передвигается, опираясь на трость.

Загадка Сфинкса – это отражение самой жизни во времени: детство, зрелость, старость и смерть. Если принять такое понимание жизни, если согласиться с ответом на загадку Сфинкса, то окажется, что смерть больше не страшна вам и не имеет над вами власти, и тогда проклятие Сфинкса исчезает. Преодоление страха смерти возможно через возвращение к радости жизни. Другими словами, жить полной жизнью можно только после принятия факта смерти, но не как противоположности жизни, а как одного из ее аспектов. Смерть – это часть жизни. Жизнь постоянно встречается со смертью вплоть до самого момента смерти. Победа над страхом смерти дает мужество жить. Такое осознавание является сутью любого героического приключения – принятие смерти открывает путь к жизни.

Помню, как в детстве я читал о боевом кличе индейских воинов,

который они издавали перед тем, как начать сражаться с армией генерала Кастера и попасть под дождь пуль. «Какой прекрасный день, чтобы умереть!» – кричали они. Они не цеплялись за жизнь. И это одно из великих посланий, которые несут нам мифы. Я, каким я себя знаю, не последнее проявление моего существования. Мы должны постоянно умирать так или иначе, чтобы обрести свою индивидуальность.

МОЙЕРС: Можете проиллюстрировать это на примере какой-нибудь истории?

КЭМПБЕЛЛ: Думаю, что хорошим примером будет старая английская легенда о сэре Гавейне и Зеленом Рыцаре.

Однажды зеленый гигант въехал на зеленой лошади в большой зал короля Артура. «Я бросаю вызов любому из вас, – взревел он. – Пусть он возьмет мой гигантский боевой топор и отрубит мне голову, но с условием: через год мы встретимся вновь в Зеленой часовне, где я отрублю голову ему».

Единственным рыцарем в зале, у которого хватило мужества ответить на этот нелепый вызов, был Гавейн. Он встал из-за стола, Зеленый Рыцарь слез с лошади, отдал топор Гавейну, подставил шею, и Гавейн одним ударом отрубил ему голову. Зеленый Рыцарь встал, взял голову под руку, забрал топор, вскочил на лошадь и ускакал прочь, прокричав на ходу изумленному Гавейну: «Увидимся через год!»

Весь следующий год все были очень любезны с Гавейном. Примерно за две недели до назначенного срока он отправился на поиски Зеленой часовни, так как он хотел быть верен своему рыцарскому слову, данному Зеленому Рыцарю. Когда до встречи оставалась всего три дня, Гавейн оказался перед хижиной охотника, у которого он спросил, где находится Зеленая часовня. Охотник, вежливый и дружелюбный, тепло приветствовал его и сказал: «Часовня очень близко, всего в нескольких сотнях ярдов отсюда. Почему бы вам не провести здесь еще три дня? Мы будем рады вам. И когда наступит день, ваш зеленый друг будет всего в нескольких шагах отсюда».

Гавейн принял приглашение. В тот же день охотник сказал ему: «Завтра утром я пойду на охоту, но вернусь вечером, и мы обменяемся тем, что добудем в течение дня. Я отдам вам свою добычу, а вы отдадите мне то, что получите вы». Они посмеялись, и Гавейн согласился. Они заснули.

Рано утром, пока Гавейн все еще спал, хозяин отправился в путь. Через некоторое время пришла удивительно красивая жена охотника, которая стала щекотать сэра Гавейна под подбородком, призывая его к любовным утехам. Он был рыцарем двора короля Артура, и последнее, что

он мог бы себе позволить, – это предать гостеприимного хозяина, поэтому Гавейн держался стойко.

Но она продолжала настаивать все более решительно и наконец сказала ему: «Ладно, позволь мне поцеловать тебя только один раз!» Она поцеловала его, и на этом все закончилось.

Вечером охотник привез большую тележку мелкой дичи и вывалил ее на пол. Сэр Гавейн поцеловал его. Они посмеялись.

На следующее утро жена охотника снова пришла к Гавейну. Она была еще более страстной, чем в прошлый раз, и результатом этой встречи стал уже не один, а два поцелуя. Вечером охотник принес добычи почти в два раза меньше, чем в предыдущий день, и взамен получил два поцелуя. Снова оба посмеялись.

На третье утро жена охотника была еще более настойчивой, и Гавейн, молодой человек, которому скоро суждено было умереть, собрал всю свою волю в кулак, чтобы сохранить честь рыцаря и отказаться от этого последнего роскошного подарка жизни. На этот раз он принял три поцелуя. Поцеловав его три раза, она попросила его принять подвязку в знак ее любви… «Она волшебная, – сказала она ему, – и убережет тебя от опасностей». И Гавейн взял подвязку. А когда охотник принес только одну тощую облезлую лису и бросил ее на пол, то получил взамен три поцелуя от Гавейна, но подвязку он ему не отдал.

Смысл испытаний, через которые проходит молодой рыцарь, более чем очевиден. Они такие же, как и первые два у Будды. Первое – это испытание желанием. Второе – страхом смерти. Гавейн доказывает свою храбрость, оставаясь верными своему слову чести. Подвязка, однако, оказалась более сильным искушением.

Подойдя к Зеленой часовне, сэр Гавейн услышал, как Зеленый Рыцарь точит топор. Гавейн вошел, и гигант сразу сказал ему: «Клади голову вот сюда, на плаху». Делать нечего, Гавейн так и сделал. Зеленый Рыцарь занес над ним топор, но остановился. «Вытяни немного шею», – сказал он. Гавейн вытянул шею, гигант снова замахнулся, но опять остановился. «Давай еще немного вытяни», – сказал он ему.

Гавейн как мог вытянул шею, и через мгновение на его шее появилась лишь небольшая царапина. Тогда Зеленый Рыцарь, который на самом деле принял облик охотника, сказал ему: «Это за подвязку».

Утверждают, что эта легенда легла в основу при создании ордена Подвязки.

МОЙЕРС: И в чем мораль этой истории?

КЭМПБЕЛЛ: Мораль, я полагаю, заключается в том, что герой в

первую очередь должен обладать рыцарскими качествами, такими, как верность, умеренность и смелость. Верность в данном случае имеет отношение к выбранному пути и идеалам рыцарства. Однако верность идеалам как бы проводит разграничительную линию между Гавейном и Буддой. Когда Властелин долга говорит Будде о служении, об исполнении социального долга, предписанного его касте, Будда просто игнорирует это и в ту же ночь достигает просветления и освобождается из круга перерождений.

Гавейн же принадлежит европейской культуре, подобно Одиссею, который остается верным своей земле и возвращается с острова Гелиоса к своей жене Пенелопе. Он принимает обязательства своей жизни, он не жаждет освобождения, он остается преданным своим ценностям. Однако, как мы только что видели, неважно, каким путем мы идем, будет ли это серединный путь Будды или серединный путь Гавейна, путь к самореализации проходит через искушение желаниями и страхом.

Третий возможный путь, более близкий к пути Будды, чем путь Гавейна, но также подразумевающий верность своим ценностям, описан Ницше в его работе «Так говорил Заратустра». Облекая свое повествование в форму притчи, Ницше говорит о трех трансформациях духа. Первая из них – о верблюде, детстве и юности. Верблюд преклоняет колени и говорит: «Положите груз на мою спину». Это время послушания, получения наставлений и знаний о том, какие требования предъявляются к вам, чтобы вы жили с чувством ответственности.

Но когда верблюд перегружен, он брыкается и убегает в пустыню, где превращается в льва. Чем тяжелее был груз, тем сильнее будет лев. Задача льва – убить дракона, а имя дракона: «Ты должен». На каждой его чешуйке – надпись «ты должен», Некоторые из них появились четыре тысячи лет назад, другие – из заголовков современных утренних газет. И пока верблюд, то есть ребенок, подчиняется всем этим «ты должен», лев, то есть молодой человек, должен отказаться от них и реализовать себя.

Итак, когда дракон мертв, и все его «ты должен» побеждены, лев превращается в ребенка, который осознает свою природу и живет в соответствии с ней, подобно колесу, чье вращение обеспечивается ступицей.

Больше нет необходимости подчиняться. Больше нет правил, основанных на исторических потребностях и задачах общества, только чистый импульс и открытость к существованию.

МОЙЕРС: То есть мы возвращаемся в Эдем?

КЭМПБЕЛЛ: В Эдем перед падением.

МОЙЕРС: От каких именно детских «ты должен» необходимо отказаться?

КЭМПБЕЛЛ: От любых, которые препятствуют самореализации. Для верблюда все долженствования являются обязательными, они необходимы для цивилизованного существования. Именно эта сила превращает человеческое существо в цивилизованного человека. Но этот период молодости также является периодом самопознания, трансформации и превращения во льва. Тогда правила применяются в зависимости от желания, они не подчиняются давлению «ты должен».

Такой подход хорошо известен каждому, кто обучается искусствам. Если вы учитесь у великого художника, то перенимаете его технику и тщательно следуете его инструкциям. Но наступает такой момент, когда вы должны использовать эту технику по-своему, изменить ее под себя, а не копировать. Приходит время для подвигов льва. Вы даже можете забыть о правилах, поскольку они уже освоены. Вы художник. Вы воспринимаете мир глазами художника, который изменил свое прежнее «я». Потому что ты отличаешься от тех, кто никогда не занимался искусством.

МОЙЕРС: Вы говорите, приходит время. Но как ребенок поймет, что настало время? Например, в древних обществах мальчик проходил определенный ритуал и понимал, что время пришло. Он осознавал, что он уже не ребенок и должен избавиться от влияния других, взять свою жизнь в свои руки. Сегодня в нашем обществе нет ни такого четкого момента, ни какого-либо ритуала, благодаря которым мой сын понял бы, что он теперь мужчина. Где совершается этот переход в наше время?

КЭМПБЕЛЛ: У меня нет ответа. Я думаю, что мальчик поймет это, когда будет готов. Птицы знают, когда начать летать. В нашем доме, прямо над верандой, где мы обычно завтракаем, есть гнездо, в котором выросло несколько поколений птиц. Эти крохи никогда не ошибаются. Они сидят на ветке, пока не осознают, что пришло время летать, а затем улетают. Я так думаю, что это знание приходит изнутри.

Я могу привести вам примеры из жизни студентов, которые занимаются в художественных студиях. Наступает момент, когда они понимают, что учитель дал им все, что мог. Другими словами, они уже овладели определенными навыками и полностью готовы «лететь» в одиночку. И многие из преподавателей позволяют своим ученикам сделать это. Более того, они даже ждут от них этого. Другие же, однако, хотят, чтобы у них были последователи, поэтому не позволяют ученикам уходить. И вот тогда ученикам приходится говорить учителю грубости и вести себя неподобающим образом, чтобы получить возможность идти

свои путем. Но это вина учителя. Он должен знать, что его ученик уже готов принять свой собственный творческий путь и что он должен позволить ему «улететь». Из учеников, которых я знаю, действительно способные понимают, когда настало время.

МОЙЕРС: В одной старой молитве говорится: «Научи меня, Господи, когда отпускать». Мы все должны это знать, не так ли?

КЭМПБЕЛЛ: Это большая проблема, с которой сталкивается каждый родитель. На мой взгляд, быть родителем – одно из самых трудных дел в жизни. Думая о том, от чего отказались мои отец и мать, чтобы создать семью, я не могу не быть им благодарным.

Мой отец был бизнесменом, и, конечно, он был бы очень счастлив, если бы его сын пошел по его стопам, а он мог бы передать ему свое дело. Я действительно занимался этим пару месяцев, потом сказал себе: «Нет, я не могу этого делать». И он оставил меня, он не настаивал. В жизни наступает такой момент, когда ты должен проверить, можешь ли ты «летать» самостоятельно.

МОЙЕРС: Мифы нужны для того, чтобы помочь нам понять, когда следует освободиться от чего-то.

КЭМПБЕЛЛ: Мифы дают нам понять многое. Например, они говорят, что в определенном возрасте пора становиться взрослым. Этот возраст приблизителен и зависит от человека, то есть он может быть разным для каждого. Есть люди, которые развиваются позже и достигают определенного жизненного этапа в более позднем возрасте. Но вы точно должны знать, где вы находитесь и какой вы. Каждый человек проживает одну жизнь и не должен проживать ее за шестерых. Надо быть очень внимательным.

МОЙЕРС: А как насчет счастья? Я молодой человек и хочу быть счастливым. Что мифы могут рассказать мне о счастье?

КЭМПБЕЛЛ: Чтобы обрести счастье, нужно понимать, что именно доставляет вам счастье. Истинное счастье – не радость, восторг, а именно глубокое переживание счастья. Это требует определенного самоанализа. Что делает меня счастливым? Делайте именно это, несмотря на то, что говорят окружающие. Это то, что я называю «следовать за своим счастьем».

МОЙЕРС: Но как мифы помогут понять, что делает меня счастливым?

КЭМПБЕЛЛ: Они об этом и не расскажут. Они говорят о том, что происходит, когда идешь за своим счастьем, и о препятствиях на этом пути.

Например, в мифах американских индейцев присутствует общая тема, которую я называю «отказ поклонникам». Речь идет о молодой девушке,

обычно очень красивой и привлекательной, и молодых людях, которые хотят, чтобы она стала их женой. «Нет, нет, нет! – говорит девушка. – Никто из вас недостоин меня». И затем приходит змей или, если речь идет о мальчике, который отказывает девушкам, змея-королева великого озера. Как только вы отказываете своим поклонникам, вы как будто бы исключаете себя из своего общества и попадаете в область высшей силы, подвергаясь большей опасности. Вопрос в том, сможете ли вы справиться с этим?

Еще одна тема, опять же из мифов индейцев, это истории о матери и двух сыновьях. Мать говорит: «Играйте, но не ходите на север». И, конечно же, они сразу направляются на север. Это путь приключений.

МОЙЕРС: А смысл?

КЭМПБЕЛЛ: Отвергая ухажеров, вы пересекаете границу, за которой начинается приключение. Вы оказываетесь в мире, где вы не защищены, в совершенно новых для вас обстоятельствах. Творческие способности не проявятся, если не выйти за рамки правил и уже установленного.

Один из мифов ирокезов очень хорошо иллюстрирует смысл отказа от женихов. Одна девушка жила с матерью на краю деревни. Она была ослепительно красива, но также очень горда и отказывала всем женихам. Ее мать очень злилась из-за этого. Однажды они собирали дрова вдали от деревни и не заметили, как наступила кромешная тьма. Но это была не ночная темнота. Такая тьма означала, что поблизости был волшебник, который создал ее. Затем мать сказала: «Давай наберем коры деревьев, сделаем небольшой вигвам, разожжем костер и переночуем здесь». Так они и сделали. Они приготовили обед, а потом мать заснула. Неожиданно девушка увидела красивого молодого человека, стоящего перед ней в поясе из раковин, с блестящими черными перьями. Он сказал ей: «Я пришел просить тебя выйти за меня замуж, я буду ждать твоего ответа». Она ответила: «Я должна посоветоваться с мамой». И она действительно спросила совета у матери, и мать приняла молодого человека, а он подарил матери свой пояс из раковин в знак серьезности его намерений. Затем сказал девушке: «Хочу, чтобы ты сегодня вечером пришла в мой лагерь». И она осталась с ним. Обычные молодые люди не подходили этой юной леди, поэтому теперь ей предложили что-то особенное.

МОЙЕРС: Если бы она ответила на предложение самого первого жениха, как от нее ожидалось…

КЭМПБЕЛЛ: …с ней ничего такого не случилось бы.

Это странное и чудесное приключение. Девушка идет с молодым человеком в деревню, они входят в его хижину. Они проводят два дня и две ночи вместе, а на третий день он говорит: «Я пойду на охоту». И уходит. Но

как только он закрыл дверь, она услышала странный звук снаружи. Весь день она сидит в хижине, а вечером снова слышит тот же странный звук. Дверь открывается, и в хижину вползает огромный змей с острым языком. Он кладет ей голову на колени и говорит: «Посмотри, нет ли у меня вшей». В его голове она находит не только вшей, но и других отвратительных насекомых, и когда она убивает их всех, он уползает из хижины. Дверь закрывается, а через мгновение входит тот же самый молодой красавец. «Ты испугалась меня, когда я только что заходил к тебе?» – спросил он. «Нет, – ответила девушка. – Мне не было страшно».

На следующий день он снова отправился на охоту. Через некоторое время она вышла из хижины, чтобы собрать дров. И первое, что она увидела, это был огромный змей, который нежился под солнцем на камнях, а потом – еще одного, и еще… Она чувствовала себя несколько странно, ей захотелось домой, и, испугавшись, она вернулась в хижину.

В тот же вечер змей снова приполз, потом ушел и вернулся уже молодым человеком. На третий день, когда он отправился на охоту, девушка решила, что попытается сбежать из этого места. Она покинула хижину и оказалась одна посреди леса. Она остановилась, задумавшись, и услышала голос. Она обернулась и увидела маленького старика, который сказал ей: «У тебя проблемы, милая. Мужчина, за которого ты вышла замуж, – один из семи братьев, великих колдунов, а они, как и все колдуны, никогда не носят свои сердца в теле. Вернись в хижину, и в сумке, спрятанной под кроватью твоего мужа, ты найдешь семь сердец». Это широко распространенный шаманский мотив, который встречается в мифах всего мира. Сердце не в теле, поэтому волшебника нельзя убить. Вы должны найти и уничтожить сердце.

Девушка возвращается в хижину, находит там сумку с сердцами и бежит, но вдруг слышит голос: «Стой, не беги!» Голос, конечно, принадлежит волшебнику. Но она не останавливается, продолжает бежать. Голос летит ей вслед: «Ты думаешь, что убежишь от меня, но ты не сможешь».

И в этот момент, когда силы начинают покидать ее, она слышит голос старика: «Я помогу тебе!» И, к своему большому удивлению, она понимает, что старик вытащил ее из воды. Она даже не знала, что была в воде. Это означает, что, выйдя замуж, она пересекла границы рационального, сознательного и вошла в сферу бессознательного. Именно это и символизируют приключения под водой.

Персонаж вышел за пределы сферы контролируемых действий и оказался в области трансперсональных переживаний и событий. Их можно

освоить и преодолеть, но этого может и не произойти.

Что происходит в этой истории дальше? Старик вытаскивает девушку из воды, и она попадает в компанию таких же стариков, которые живут вдоль всего берега. Все они выглядят точно так же, как и ее спаситель. Это тандерберды (Громовые птицы) – силы воздуха. Это означает, что девушка все еще находится в сфере трансцендентного. А попала она туда только потому, что отвергла своих женихов. Только теперь, после отказа от негативных аспектов власти, она перешла во власть их положительной сферы.

Этот миф разворачивается дальше, рассказывая о том, как девушка, уже находящаяся во власти высших сил, помогает им уничтожить отрицательные силы, а затем, преодолевая бурю, возвращается к хижине своей матери.

МОЙЕРС: Вы могли бы рассказать эту историю своим ученикам в качестве иллюстрации того, что значит прислушаться к голосу своего сердца, воспользоваться возможностями, которые предоставляет жизнь, жить своей жизнью и получить в качестве награды такое вот путешествие?

КЭМПБЕЛЛ: Приключение само по себе является вознаграждением, но оно всегда опасно и всегда содержит как положительные, так и отрицательные стороны, ни одна из которых не находится в зоне нашего контроля. Мы следуем своим путем, а не путем мамы или папы. Вот почему мы вне всякой защиты, в области сил, которые превосходят наши знания.

Необходимо иметь хоть какое-то чувство того, какие конфликты могут возникнуть в этой области, и здесь архетипические истории, похожие на ту, что я рассказал, помогут нам узнать о том, чего ожидать. Если мы будем слишком самоуверенными и совершенно непригодными для роли, которую избрали, то нас ждет единение со злым духом-искусителем или полный хаос. Но даже тогда можно услышать голос спасения, и неудача может обернуться успехом, о котором мы даже и не мечтали.

МОЙЕРС: Проще оставаться дома, «в утробе», чем отправиться в путь.

КЭМПБЕЛЛ: Но тогда источник жизненной силы может высохнуть, так как вы никогда не путешествовали. С другой стороны, существует, к моему большему удивлению, и противоположный опыт. Я знаю такого человека, которого в юности постоянно контролировали и направляли. Это мой тибетский друг, в отношении которого было признано, что он – реинкарнация настоятеля монастыря, жившего в XVII веке. В возрасте четырех лет его отправили в монастырь, и никто никогда не спрашивал его,

что он хотел делать, но он должен был строго следовать указаниям своих учителей и строгим монашеским правилам. Вся его жизнь была спланирована заранее в соответствии с ритуальными требованиями тибетского буддийского монастыря. Каждый этап его духовного развития отмечался особой церемонией. Его личная жизнь превратилась в архетипическое духовное путешествие, так что хотя он, казалось бы, не переживал никакого сугубо личного опыта, его жизнь на самом деле представляла собой архетипическую жизнь божества.

В 1959 году эта жизнь была прервана. Коммунистическая военная база Китая, располагавшаяся в Лхасе, разбомбила летний дворец далай-ламы, а потом началась жестокая резня. Вокруг Лхасы были монастыри, в которых жили более шести тысяч монахов. Монастыри были разрушены, а монахов и настоятелей пытали и убивали. Многим удалось спастись, и вместе с сотнями других беженцев они отправились через почти непроходимые Гималаи, чтобы добраться до Индии. Это ужасная трагедия, которую замалчивают.

Наконец эти физически и морально надломленные люди прибыли в Индию, страну, которая едва могла прокормить собственное население. Среди беженцев был сам далай-лама, а также другие известные чиновники и настоятели великих, но уже разрушенных монастырей. Все они единодушно решили, что буддийскому Тибету пришел конец. Моему другу, а также другим молодым монахам, которые сумели спастись, было позволено оставить их монашеские обеты в прошлой жизни и выбрать свой путь, продолжая жить жизнью монаха или полностью отказаться от монашества и попытаться адаптироваться к требованиям современной светской жизни.

Мой друг выбрал второй путь, конечно не понимая, что его ожидает разочарование, бедность и страдания. Ему пришлось пережить много трудностей, но он сумел преодолеть их, так как обладал силой духа и спокойствием святого. Ничто не могло его расстроить. Я его хорошо знаю, работаю вместе с ним более десяти лет, и за все это время ни разу не слышал, чтобы он сказал плохое слово о китайцах или пожаловался на то, как с ним обошлись на Западе. От самого далай-ламы вы не услышите ни слова упрека и ненависти. Эти люди и все их друзья стали жертвами политического переворота, невероятного насилия, но, несмотря на это, в них не было ненависти. От этих людей я узнал, что такое вера. Это истинная вера, которая жива и сегодня.

МОЙЕРС: Любите врагов ваших.

КЭМПБЕЛЛ: Любите врагов ваших, потому что они являются

проводниками вашей судьбы.

МОЙЕРС: Что могут сказать нам мифы о Боге, который позволяет двум сыновьям из одной семьи умереть за короткий промежуток времени и который продолжает посылать этой семье одно испытание за другим? Я помню историю молодого Будды, который, увидев дряхлого старика, сказал: «Позорно рождение, ибо все рожденные будут поражены старостью». Что говорит мифология о страданиях?

КЭМПБЕЛЛ: Раз уж вы вспомнили Будду, давайте поговорим о нем. Будда был рожден принцем, и во время его появления на свет пророк сказал его отцу, что дитя его станет мировым правителем или мировым учителем, когда вырастет. Хороший царь, конечно, предпочел бы, чтобы его сын стал правителем, а не учителем. Поэтому он приказал воспитывать ребенка в очень красивом дворце, чтобы ничто уродливое или неприятное не омрачало его взора и не привело бы к серьезным размышлениям. Красивые молодые женщины играли для него на музыкальных инструментах и заботились о нем. Его окружали прекрасные сады, пруды, где росли лотосы, и тому подобное.

Но однажды молодой принц пришел к своему вознице, который был его самым близким другом, и сказал: «Я хочу уйти отсюда и посмотреть, есть ли в городе что-то подобное такой жизни, как моя». Услышав это, отец предпринял все возможное, чтобы его сын не увидел ни горя, ни нищеты, существующих в этом мире. Но боги, разумеется, позаботились о том, чтобы нарушить планы отца и чтобы его сын узнал, что такое разочарование.

И когда царская колесница ехала по чисто вымытому городу, а все уродливое было скрыто от взгляда принца, один из богов принял облик дряхлого старик. Принц увидел его и поинтересовался у своего возницы, кто это такой. Возница ответил «Это старик. Это старость».

«Всем ли людям суждено состариться?» – спросил принц.

«Да», – ответил возница.

«Тогда позор этой жизни», – сказал пораженный увиденным и услышанным принц и попросил отвезти его домой, жалуясь на боль в сердце.

Во время второй поездки он увидел больного человека, худого, слабого, еле державшегося на ногах, и снова сердце подвело его, когда он понял смысл увиденного. Колесница вернулась во дворец.

Во время третьей поездки принц увидел труп и похоронную процессию. «Это смерть», – пояснил возница.

«Возвращайся назад, – сказал принц, – а я смогу найти утешение от

столкновения с этими разрушительными силами: старостью, болезнью и смертью».

Еще одна поездка – и новая встреча, на этот раз с нищенствующим монахом. «Что это за человек?» – спрашивает принц.

«Это святой человек, – отвечает возница, – тот, кто презрел блага этого мира и живет без желания и страха». После этого молодой принц, вернувшись во дворец, решил покинуть дом своего отца и искать путь избавления от жизненных невзгод.

МОЙЕРС: Все ли мифы говорят о том, что страдания являются неотъемлемой частью жизни?

КЭМПБЕЛЛ: Я не могу вспомнить ни одного мифа, в котором говорится, что в жизни нет страданий. Мифы рассказывают, как можно вынести и осмыслить скорбь и горе, но в них нет и намека на то, что жизнь возможна без страданий.

Когда Будда говорит, что возможно избавление от страданий, то есть выход в нирвану, он не имеет в виду места вроде рая, он говорит об особом психологическом состоянии, достигнув которого, вы становитесь свободным от желаний и страхов.

МОЙЕРС: И тогда ваша жизнь становится…

КЭМПБЕЛЛ: …гармоничной, осмысленной и позитивной.

МОЙЕРС: Даже несмотря на страдания?

КЭМПБЕЛЛ: Именно.

Буддисты говорят о бодхисаттве – о том, кто познал бессмертие, но добровольно вернулся в это время и пространство, чтобы охотно и с радостью принимать участие в страданиях этого мира. И это означает не только испытывать боль самому, но и сопереживать страданиям других. Сострадание – это осознание животного эгоизма и следование по пути человеколюбия. Слово «сострадание» означает буквально «страдать вместе с кем-то».

МОЙЕРС: Но вы же не имеете в виду, что сострадание освобождает от страданий?

КЭМПБЕЛЛ: Освобождает, но в том смысле, что сострадание означает признание страданий. Признание того факта, что страдание есть жизнь.

МОЙЕРС: Невозможно прожить жизнь без страданий…

КЭМПБЕЛЛ: …невозможно прожить жизнь без страданий, и ты не собираешься избавляться от них. Кому, когда и где удавалось избежать страданий в этом мире?

Один случай открыл мне глаза. Я встретил женщину, которая не один год испытывала ужасные физические боли – результат болезни,

поразившей ее в молодости. Воспитанная в христианской традиции, она считала, что ее страдание было послано ей как наказание Бога за то, что она совершила или не совершила в свое время. Она страдала и физически, и духовно. Я сказал ей, что если она хочет избавления, то должна признать и не отрицать, что страдание было ее жизнью и что именно оно сделало ее таким благородным человеком, которым она на самом деле была.

Объясняя ей все это, я подумал: «Кто я такой, чтобы говорить с женщиной, которая страдает от физической боли, тогда как я никогда не чувствовал ничего сильнее зубной боли?» Но в этом разговоре подтвердилось, что ее страдания помогли ей в преобразовании себя. И пока мы говорили, в ней произошли изменения. Это было много лет назад. С тех пор мы поддерживаем отношения, а она действительно изменилась.

МОЙЕРС: Это был момент просветления?

КЭМПБЕЛЛ: Прямо во время разговора, я видел это.

МОЙЕРС: Вы рассказали о чем-то мифическом?

КЭМПБЕЛЛ: Да, хотя это немного сложно объяснить. Я заставил ее поверить, что она сама была причиной своих собственных страданий, которые она и вызвала. Это очень важная идея, которая встречается у Ницше, идея *Amor fati*, «любви к судьбе», которая есть не что иное, как ваша собственная жизнь. Это идея принятия всего. Чем более сложной или угрожающей оказывается ситуация, которую приходится принимать, тем сильнее становится человек. Демон, которого вы можете подавить, дает вам силы, и чем острее боль, тем более ценный ответ вы получаете от жизни.

Моя подруга долго думала: «Бог наказал меня». Я сказал ей: «Нет, ты сама это сделала. Бог внутри тебя. Ты сама себя создала. Если ты сможешь найти в себе то место, откуда пришла эта боль, то сможешь жить с ней, принять ее, возможно, даже полюбить, потому что она часть твоей жизни».

МОЙЕРС: Потому что альтернативой было бы отказаться от жизни.

КЭМПБЕЛЛ: «Жизнь есть страдание», – говорил Будда, а Джойс задавался вопросом: «Стоит ли уходит из жизни?»

МОЙЕРС: Но что вы думаете о том молодом человеке, который говорит: «Я не выбирал, рождаться или нет. Моя мать и мой отец сделали этот выбор за меня».

КЭМПБЕЛЛ: Фрейд говорит, что наши родители виновны во всех наших неудачах, а Маркс считает, что причиной всех бед является аристократия. Но вы не можете обвинять в своих неудачах никого, кроме себя. В этом смысле очень полезна идея кармы, которая существует в индуизме. Ваша жизнь – это плод ваших собственных усилий. Вы не можете обвинять никого, кроме себя.

МОЙЕРС: А как насчет случайности? Пьяный водитель повернул не туда и сбил вас. Это не ваша вина. Вы ничего не сделали, чтобы это произошло.

КЭМПБЕЛЛ: Но есть ли что-нибудь в жизни, что произошло не по воле случая? Мы должны быть готовы принимать эту волю. В конце концов, сама жизнь – это дело случая и зависит от того, встретятся ваши родители или нет. Случайность или то, что кажется таковой, – это способ воплощения жизни. Дело не в том, чтобы обвинять или пытаться понять случайности, а в том, чтобы принимать жизнь во всех ее проявлениях. Где-то объявили войну, и вас призвали в армию. Пять или шесть лет вашей жизни оказываются наполнены случайными ситуациями и событиями. Самое лучшее, что вы можете сделать, это принять все так, как будто все произошло по вашей воле. Тогда вы сможете принять участие в них не как пассивный наблюдатель, а активный участник.

МОЙЕРС: Во всех этих мифологических путешествиях всегда есть место, которое каждый хочет найти. Буддисты называют это нирваной, Иисус говорит о мире, о доме со многими комнатами. Это типично для путешествий героя – обязательно найти какое-то место?

КЭМПБЕЛЛ: Место, которое нужно найти, находится внутри вас. Я узнал это благодаря занятиям спортом. Спортсмен, который находится в самой превосходной форме, расслаблен, и всего его действия как будто бы управляются из этого внутреннего центра. Если все его усилия будут сосредоточены вовне, на поле действия, то он не сможет показать хороший результат.

Моя жена – танцовщица. Она утверждает, что это справедливо и для танца. Внутри вас есть центр тишины и покоя, который нужно поддерживать и чувствовать. Когда вы теряете его, то вас охватывает напряжение, и вы разваливаетесь.

Буддийская нирвана – это точно такой же центр покоя. Буддизм – это психологическая религия. Она начинается с психологической проблемы страданий: жизнь – это печаль; но есть спасение от боли, а спасение называется нирваной, которая является состоянием духа или сознания, а не местом, как, например, рай. Она возможна именно здесь, среди суеты жизни. Это состояние, которого вы достигаете, когда отказываетесь от навязчивых желаний, страхов, общественных обязанностей, потому что вы нашли свой источник свободы и можете действовать по своей воле. Добровольные действия, исходящие из этого центра, это и есть действия бодхисаттвы: участие в радостях и страданиях мира. Вы не делаете это принудительно, потому что уже освободились от страха, похоти и долга.

Эти чувства правят миром.

В тибетской буддийской традиции есть поучительный рисунок, который представляет собой так называемое Колесо бытия. В мужских монастырях его никогда не размещают внутри, обычно – снаружи. Это образ мира, когда он все еще одержим страхом перед Властелином смерти. Шесть сфер жизни представлены как спицы постоянно вращающегося колеса: первая – жизнь животного, вторая – жизнь человека, третья – жизнь богов на небесах, четвертая – жизнь мучеников в аду. Пятая сфера имеет отношение к миру воинственных демонов, антибогов, или Титанов. А шестая, последняя сфера, – это голодные духи, воплощение изображения тех, чья любовь к другим была привязанностью, верностью и надеждой. Голодные духи изображаются с огромными, ненасытными животами и с точно обозначенным ртом. Но в каждой из этих сфер присутствует Будда, показывающий возможность для освобождения и просветления.

Три символических животных изображены на ступице, то есть в самом центре колеса, – свинья, петух и змея. Это силы, которые управляют колесом, а именно невежество, похоть и злоба. И наконец, внешний обод колеса символизирует ограниченность сознания каждого, кем управляет эта троица и кто охвачен страхом смерти.

Вокруг центрального изображения, которое также носит название «три яда», можно увидеть, что одни души спускаются в темноту, а другие поднимаются к просветлению.

МОЙЕРС: Что такое просветление?

КЭМПБЕЛЛ: Просветление означает признание сияния вечности во всем, независимо от того, как мы оцениваем определенный отрезок своей жизни – как божественный или дьявольский. Чтобы достичь просветления, нужно полностью освободиться от желания обладать благами этого мира и от страха их потерять. «Не судите, да не судимы будете», – читаем мы слова Иисуса. «Если бы двери восприятия были чисты, все предстало бы человеку таким, как оно есть – бесконечным»[48], – пишет Блейк.

МОЙЕРС: Непростой путь.

КЭМПБЕЛЛ: Это божественный путь.

МОЙЕРС: Но неужели его могут пройти только святые и монахи?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, я думаю, что люди искусства тоже могут. Настоящий художник – это тот, кто научился распознавать и воссоздавать то, что Джойс называет «сиянием» всех вещей. Это своего рода прозрение, дар представления истинной природы вещей.

МОЙЕРС: Разве это не значит, что мы, простые смертные, остаемся за бортом?

КЭМПБЕЛЛ: Я не думаю, что есть простой смертный. У каждого есть возможность получить свой жизненный опыт. Нужно признать и развивать его. Я всегда чувствую себя неловко, когда люди говорят о простых смертных, потому что я никогда не встречал заурядных мужчину, женщину или ребенка.

МОЙЕРС: Искусство является единственным способом достичь просветления?

КЭМПБЕЛЛ: Искусство и вера – наиболее подходящие пути. Я не думаю, что можно достичь просветления с помощью чисто академических философских рассуждений, потому что наука все превращает в понятия. Жить по велению своего сердца, открытого для страданий других, – путь, доступный всем.

МОЙЕРС: Таким образом, просветление доступно всем, а не только святым и художникам. Но если предположить, что возможность этого есть в каждом из нас, что это знание спрятано внутри нас в той коробочке, где хранится многовековая память, как раздобыть ключ к этой коробочке?

КЭМПБЕЛЛ: Ее можно открыть с чьей-то помощью. У вас есть близкий друг или хороший учитель? Помощь может исходить от конкретного человека, или из опыта, который придет, например, после автомобильной аварии, или из мудрой книги. В моем случае речь идет в основном про книги, хотя у меня было много замечательных учителей.

МОЙЕРС: Когда я читаю ваши книги, то часто думаю: «Мойерс, мифология посадила тебя на ветку старого дерева. Ты часть общества живых и мертвых, всех тех, которые жили задолго до твоего рождения и которые останутся и после твоей смерти. Мифология питала и защищала тебя, и ты должен заботиться о ней и защищать ее в ответ».

КЭМПБЕЛЛ: Да, это прекрасная поддержка в жизни, уверяю вас. Лично мне мифология придала очень много сил.

МОЙЕРС: Люди часть спрашивают, не ложь ли миф?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, мифология – это не ложь, это поэзия и метафора. Говорят, что мифология – это предпоследняя истина, предпоследняя, потому что последняя не может быть выражена словами.

Мифология существует за пределами слов, за пределами представлений о чем-либо, за пределами буддийского Колеса жизни. Мифология заставляет разум выйти за границы знакомого к тому, что может быть узнано, но не может быть названо. Вот почему это предпоследняя истина.

В жизни важно приобретать опыт и, следовательно, приобщаться к тайне бытия, тайне нашего собственного существования. Это придает

жизни новое свечение, новую гармонию, новое великолепие. Когда мы думаем мифологически, то обретаем гармонию с неотвратимостью земной юдоли. Негативные аспекты существования играют новыми красками, а вы узнаете их смысл и ценность. Вопрос только в том, сможете ли вы всем сердцем согласиться на то, чтобы отправиться в это путешествие.

Затем вы узнаете о тех позитивных аспектах и моментах, которые сначала кажутся скорее негативными. Большой вопрос, сможете ли вы сказать «да» своим приключениям.

МОЙЕРС: Путешествию героя?

КЭМПБЕЛЛ: Да, путешествию героя – путешествию во имя жизни.

Глава VI
Дар богини

Мифы о Великой Богине учат нас состраданию ко всем живым существам. Именно через них человек начинает ценить истинную святость земли, потому что это и есть тело Богини.

МОЙЕРС: Молитва к Богу начинается со слов: «Отче наш, иже еси на небесе́х…» Могла бы она начинаться со слов, обращенных к Матери?

КЭМПБЕЛЛ: Это символический образ. Подобные отсылки к религиозным и мифологическим образам имеют отношение к определенным уровням сознания или определенным аспектам опыта, которые понятны человеку. Эти образы побуждают человека размышлять о тайне своего собственного существования, об истоках его происхождения.

Существуют религиозные системы, где мать – главная родительница, так сказать, «начало».

Роль матери действительно более важна, чем роль отца, потому что человека рожает мать, и первый опыт каждого ребенка связан именно с ней. В своих лекциях я часто говорил, что мифология – это сублимация материнского образа. Мы обычно говорим о Матери-земле. В Египте у нас есть Матерь Небесная, это богиня Нут, которая изображается как небесный свод, как все небесное пространство.

МОЙЕРС: Я был поражен, когда первый раз увидел фигуру богини Нут на потолке одного из храмов в Египте.

КЭМПБЕЛЛ: Да, я знаю этот храм.

МОЙЕРС: Образ абсолютно захватывающий, он одновременно вызывает благоговейный страх и излучает чувственность.

КЭМПБЕЛЛ: Это правда. Идея богини связана с тем фактом, что вы рождены матерью, в то время как ваш отец может быть вам неизвестен, или он, возможно, умер. Очень часто в эпосах герой рождается, когда отец уже умер или находится где-то далеко, а герой затем должен отправиться на его поиски.

В истории рождения Иисуса его Отец, по крайней мере с символической точки зрения, пребывал на небесах. Когда Сын идет на крест, он действительно идет к Отцу, оставляя свою мать. Однако крест –

символ земли, также является символом матери. Поэтому на кресте Иисус оставляет свое тело матери, от которой он его получил, и возвращается к Отцу – источнику высшего трансцендентного источника тайны.

МОЙЕРС: Какое влияние оказал на нас поиск отца, если иметь в виду историческую ретроспективу?

КЭМПБЕЛЛ: Тема поиска отца занимает существенное место в мифологии. Всегда есть такой момент в мифах о жизни героя, когда мальчик спрашивает: «Мама, кто мой отец?» И она обычно отвечает: «Твой отец находится там-то», и он отправляется его искать. В «Одиссее» сын Одиссея Телемах был еще ребенком, когда его отец отправился на Троянскую войну. Война продолжалась десять лет, а затем, по пути домой, Одиссей затерялся еще на десять лет в таинственном мире мифологического Средиземноморья. К Телемаху, которому уже исполнилось двадцать лет, приходит Афина и говорит ему: «Иди, найди своего отца». Но он не знает, где его искать, поэтому он отправляется к Нестору и спрашивает: «Как ты думаешь, где мой отец?» Нестор отвечает: «Спроси Протея». Он отправляется искать своего отца.

МОЙЕРС: В «Звездных войнах» Люк Скайуокер рассказывает своим друзьям: «Я хотел бы знать, кто мой отец». В этом образе отца есть что-то очень мощное. Но почему никто не отправляется на поиски матери?

КЭМПБЕЛЛ: Потому что мать всегда с вами. Вы рождены ею, именно она вас нянчит и заботится о вас до того возраста, пока не придет время отправиться искать отца.

Поиск отца связан с поиском и узнаванием своего собственного характера и судьбы. Существует такая концепция, что характер достается человеку от отца, а тело и очень часто ум – от матери. Но на самом деле ваш характер – это тайна, которую предстоит разгадать, а ваш характер – это ваша судьба. Поэтому поиск отца символизирует попытку найти свою собственную судьбу.

МОЙЕРС: То есть как только вы найдете отца, вы обретете себя?

КЭМПБЕЛЛ: В английском языке есть выражение «в согласии с отцом». Вы помните историю Иисуса, когда он еще маленьким мальчиком, лет двенадцати, потерялся в храме в Иерусалиме. Родители ищут его и, наконец, находят в храме, беседующим с учителями. Они спрашивают его: «Почему ты оставил нас? Почему напугал нас и заставил волноваться?» Иисус ответил: «Разве вы не знали, что я должен быть там, где мой Отец?» Ему двенадцать лет, именно в этом возрасте совершаются обряды инициации, через которые вы узнаете себя.

МОЙЕРС: Что произошло с культами поклонения богине – Великой

богине, Матери-земле, которые были характерны для примитивных обществ? Куда они делись?

КЭМПБЕЛЛ: Прежде всего, они были связаны с сельским хозяйством и сельскохозяйственными обществами. Эти культы относились к земле. Женщина рожает детей точно так же, как земля рождает растения. Мать кормит нас своим молоком, а земля – растениями). Магия женщины и волшебство земли – одно и то же. Они связаны. И само воплощение энергии, которая дарит жизнь и пищу, связано с женскими образами. Это происходит в сельскохозяйственном мире древней Месопотамии, на землях вдоль Нила в Египте, а также в ранних земледельческих культурах, где богиня является доминирующей мифической фигурой.

Существуют сотни маленьких фигурок с изображением богини, относящихся к раннему периоду европейского неолита. Но при этом едва ли найдется хоть одна фигурка с изображением мужчины, созданная в то время.

Есть, конечно, изображения быка и других животных, таких как кабан и козел, и их можно считать символами мужской энергии, но единственным божеством, образ которого находил реальное воплощение в то время, была богиня. И когда богиня является создателем, ее тело – это Вселенная. То есть она отождествляется со Вселенной. В этом смысле изображение богини Нут, которое вы видели в египетском храме, является персонификацией всего небесного свода.

МОЙЕРС: Есть эпизод, когда богиня проглатывает солнце. Помните такой?

КЭМПБЕЛЛ: Смысл образа в том, что она проглатывает солнце на западе и рождает его снова на востоке, а за ночь оно проходит через ее тело.

МОЙЕРС: Иными словами, вполне естественно, что люди, пытаясь найти объяснение природным явлениям, прибегают к образу женского тела, которое им знакомо.

КЭМПБЕЛЛ: Не только это. Но если вы посмотрите на это с философской точки зрения, как в Индии, где богиня является доминирующим символом и по сей день, то увидите, что женщина воплощает энергию *maya*. Женщина олицетворяет то, что Кант называл формами чувственности, к которым относятся время и пространство. И ключ к постижению этой тайны находится за пределами мира противоположностей. В конечном счете, это не женское и не мужское. Ни то ни другое. Но все в ней, поэтому боги – ее дети. Все, что вы можете придумать, все, что вы можете увидеть, – все это создания, рожденные

богиней.

Однажды я посмотрел прекрасный научный фильм о протоплазме, и он стал настоящим откровением для меня. Протоплазма все время в движении, она течет. Иногда кажется, что она течет то в одном направлении, то в другом, а потом вдруг возникают формы. Фактически она обладает способностью придавать форму вещам. Я смотрел этот фильм на севере Калифорнии, а потом по дороге на побережье Биг-Сюр повсюду видел протоплазму: протоплазма в форме травы, которую ела протоплазма в форме коров; протоплазма в форме птиц, которые спускаются, чтобы поймать протоплазму в форме рыбы. И вдруг я на физическом уровне почувствовал тот первоисточник, из которого пришли мы все. Но у каждой формы своя цель, свои возможности, и именно из этого рождается смысл. Его нет в самой протоплазме.

МОЙЕРС: Итак, мы снова возвращаемся к индийцам, которые верят, что земля наполняет все жизнью и дает энергию. Вы цитировали строки из Упанишад: «Ты темно-синяя птица и зеленый попугай с красными глазами. Ты носишь в себе молнии, как ребенка. Ты создаешь времена года и моря. У тебя нет начала, ты относишься к божествам, от которых рождается все». Тут говорится о том же самом – что мы и земля едины, не так ли?

Разве гибель этой идеи под грузом научных открытий не была предрешена? Теперь мы знаем, что растения не возникают из тел мертвых. Их рост зависит от правил культивирования земель, обработки почвы и климатических условий. Не убил ли Ньютон мифы?

КЭМПБЕЛЛ: О, нет. Я думаю, мифы возвращаются. Некоторые молодые ученые используют сегодня термин «морфогенетические поля» – поля, из которых рождаются формы. В этом и есть смысл образа богини, она является тем самым полем, рождающим формы.

МОЙЕРС: А какое значение этот образ имеет для нас?

КЭМПБЕЛЛ: Его значение – поиск источника вашей собственной жизни и связи вашего тела, вашей физической формы с той энергией, которая привносит в нее жизнь. Тело без энергии не живое, верно? Поэтому есть разница между телом, с одной стороны, и энергией и сознанием – с другой.

В Индии наиболее распространенным символом является фаллос бога, так называемый лингам, который проникает во влагалище богини или, как оно называется, йони. В этом образе перед вами в символической форме предстает таинство зарождения жизни.

Поэтому сексуальное таинство в Индии, как и во всем остальном мире, – святая тайна. Это тайна возникновения жизни. Акт зачатия

ребенка – это космический акт и должен восприниматься как священный. И символы, которые непосредственно представляют эту тайну вливания энергии жизни в поле времени, – лингам и йони, то есть мужское и женское начала, сливающиеся в творческом союзе.

МОЙЕРС: Что произошло бы, если кто-то в процессе развития начал вдруг молиться не «нашему Отцу» а «нашей Матери»? Какие последствия с психологической точки зрения это могло бы иметь?

КЭМПБЕЛЛ: Разумеется, психологический характер нашей культуры был бы иным. Например, западная цивилизация сформировалась на берегах великих рек: Нила, Тигра, Евфрата, Инда, а затем – Ганга. Это был мир богини. Название Ганг (Ганга) – это имя богини.

Но в четвертом тысячелетии до нашей эры начинаются вторжения. Они становятся все более агрессивными и разрушительными. Завоеватели приходят с севера и юга, истребляя за ночь целые города. Прочтите главу из Книги Бытия, в которой рассказывается о роли, которую племя Иакова сыграло в падении города Сихема.

За одну ночь город был полностью опустошен этими пастухами, которые появились совершенно неожиданно. Семитские захватчики пасли коз и овец, а индоевропейцы – крупный рогатый скот. Оба народа ранее занимались охотой, то есть их культура была в основном ориентирована на животных. Когда есть охотники, есть и убийцы. И с пастухами такая же история, потому что они всегда в движении – кочевники, атакующие другие племена и захватывающие земли, по которым они кочуют. В связи с этими вторжениями появился образ бога-воина, громовержца, такого, как Зевс и Яхве.

МОЙЕРС: Меч и смерть вместо фаллоса и плодородия?

КЭМПБЕЛЛ: Именно так, они приравниваются друг к другу.

МОЙЕРС: Вы рассказывали историю о свержении богини-матери Тиамат.

КЭМПБЕЛЛ: Эта история может считаться ключевым архетипическим событием.

МОЙЕРС: Вы назвали это критически важным моментом в истории.

КЭМПБЕЛЛ: Так и есть. Семитские племена вторглись в мир, где правила богиня-мать, и принесли с собой мифологию, ориентированную на мужское начало, сместив богиню-мать на роль богини-бабушки, то есть на задний план.

Это происходит в эпоху, когда Вавилон находится на пике своей славы. У каждого из этих ранних городов был бог-покровитель или богиня. Для империалистической нации или племени характерно выдвижение своего

бога на первый план как такого представителя Вселенной. Все прочие божества не в счет. И единственный способ это сделать – уничтожить всех предыдущих богов и богинь, которым покланялись до их прихода. До появления вавилонского бога Мардук высшим божеством была богиня-мать. Эта история начинается с великого совета на небе, на который собрались все боги мужчины. Каждый из богов – это какая-то звезда на небе, и собрались они, так как прослышали, что скоро придет бабушка, старая Тиамат, Бездна, неиссякаемый источник. Она прибывает в виде большой рыбы или дракона. И найдется ли бог, кто осмелится противостоять ей и убить ее? Единственный, кто решается на это, разумеется, главный вавилонский бог. Теперь он босс. Итак, когда Тиамат открывает рот, молодой бог Вавилона, Мардук, направляет ветра в ее горло и в живот, и они разрывают ее на куски. А потом он из частей ее тела создает землю и небо. Эта тема расчленения первородного существа и последующего создания Вселенной из его тела встречается во многих мифах в разных формах. В индусской мифологии есть существо Пуруша, из тела которого была создана Вселенная.

Дело в том, что в старых мифах богиня-мать обычно символизирует всю Вселенную, ее тело уже и есть Вселенная, поэтому сотворение Вселенной Мардуком оказывается излишним. Не было никакой необходимости резать ее на части и создавать Вселенную, потому что она и была Вселенной. Но миф, ориентированный на мужчин, берет верх, и тот становится, без сомнения, Творцом.

МОЙЕРС: И внимание переключается с богини на ее сына, молодого политика-выскочку, который…

КЭМПБЕЛЛ: Если говорить более определенно, внимание переключается на мужчину, правителя Вавилона.

МОЙЕРС: Таким образом, матриархальное общество стало уступать свое место…

КЭМПБЕЛЛ: О, к тому времени, около 1750 года до нашей эры, эпоха матриархата уже закончилась.

МОЙЕРС: Многие женщины сегодня говорят о том, что дух богини находился в изгнании в течение пяти тысяч лет.

КЭМПБЕЛЛ: Думаю, что пять тысяч лет – это преувеличение. Образ богини-матери почитался в эллинистические времена во всем Средиземноморье, а затем ее культ возвращается как почитание Богородицы в римско-католической традиции. Не было более торжественных и красивых церемоний, посвященных богине, чем те, что происходили в XII и XIII веках во французских соборах, каждый из

которых носит имя Нотр-Дам (Дева Мария).

МОЙЕРС: Да, но все эти мотивы, темы и церемонии были под контролем мужчин – священников, епископов, женщины не принимали в них равнозначного участия, поэтому, что бы это ни значило для верующих, образ богини находился в руках властной мужской фигуры, не желающей отдавать свою власть.

КЭМПБЕЛЛ: Конечно, можно и так сказать, хотя я думаю, что это будет не совсем точно, так как есть великие святые женщины. Например, Хильдегарда Бингенская[49] не уступает Иннокентию Третьему. Другой пример – Элеонора Аквитанская[50]. На мой взгляд, не было никого, кто бы мог сравняться с ней по статусу в Средние века. Сегодня, оглядываясь назад, безусловно, можно возмущаться, но положение женщин было не таким уж плохим.

МОЙЕРС: Но ни одна из этих святых не могла бы стать папой.

КЭМПБЕЛЛ: Стать папой римским еще ничего не значит, правда. Это бюрократический пост. Ни один из пап не смог бы стать матерью Христа. Всем предназначены разные роли. Роль мужчины состоит в том, чтобы защитить женщину.

МОЙЕРС: Отсюда берет начало идея патернализма.

КЭМПБЕЛЛ: Женщины – это трофей, товар. При захвате города всех женщин насиловали.

МОЙЕРС: Это этическое противоречие, упомянутое в вашей книге. В Книге Исхода сказано: «Не убивайте, не желайте жены своего ближнего, если только вы не находитесь в чужой стране. Тогда вы должны убить всех мужчин и взять женщин себе, как добычу»[51]. Это именно то, что написано в Ветхом Завете.

КЭМПБЕЛЛ: Пятая книга Моисеева. Второзаконие. Там есть очень жестокие предписания.

МОЙЕРС: И что там говорится о женщинах?

КЭМПБЕЛЛ: То, что там написано, больше говорит о времени создания Второзакония, чем об отношении к женщинам. Израильтяне были крайне безжалостны по отношению к своим соседям. Вышеприведенная цитата свидетельствует о том, что присуще большинству мифологий, ориентированных на конкретные общины. Другими словами, любовь и сострадание относятся только к членам племени, к сообществу, а по отношению к другим проявляются только агрессия и неуважение. Сострадание может быть направлено только на членов общества, к которому вы принадлежите. К другим же надо относиться так, как описано

во Второзаконии.

Но теперь больше не существует «других». И задача современной религии в том, чтобы проповедовать сострадание ко всему человечеству. Но тогда что делать с агрессией? Это проблема, с которой человечеству предстоит столкнуться, потому что агрессия – это природный инстинкт, более естественный, чем сострадание, и она никуда не исчезнет. Это биологический факт. Конечно, в библейские времена, когда пришли израильтяне, они действительно уничтожили богиню. В Ветхом Завете ханаанская богиня называется «Отвращением». По-видимому, в течение всего периода, описанного в Книге Царств, этот культ то забывался, то возрождался.

Многие древнееврейские цари осуждаются в Ветхом Завете за то, что совершали молитвы на вершинах гор. Эти горы символизируют богиню. Для израильтян была характерна выраженная неприязнь к богине, чего не скажешь об индоевропейской мифологии. В нашей культуре есть Зевс, который *женился* на богине, и эти двое играют совершенно равные роли. То, что мы встречаем в Библии, – абсолютная крайность, и подчинение женщины, которое возникло в западной культуре, является отголоском этого библейского сознания.

МОЙЕРС: Потому что когда вы заменяете женщину мужчиной, то получаете другую психологию, другую культуру. И в каждой культуре людям разрешается делать то, что делают боги, так что…

КЭМПБЕЛЛ: Именно. Мне кажется, можно говорить о трех разных ситуациях. Первая – самая ранняя, когда главным божеством является богиня, а среди мужских божеств практически нет ни одного значимого. Вторая – это ситуация наоборот, когда мужское божество играет главную роль. И, наконец, третья, классическая, когда мужские и женские божества взаимодействуют, например в Индии.

МОЙЕРС: Как складывается эта третья ситуация?

КЭМПБЕЛЛ: На ней основана индоевропейская традиция, в рамках которой не произошло полного отказа от женского начала.

МОЙЕРС: А что насчет непорочного зачатия? Внезапно богиня появляется снова, на этот раз в лице целомудренной и чистой девы, избранной, чтобы стать проводником Божьей воли.

КЭМПБЕЛЛ: Это чрезвычайно интересный эпизод в истории развития западных религий. В Ветхом Завете есть Бог, который создает мир без богини. Но потом в Книге Притчей Соломоновых внезапно появляется София, богиня мудрости, которая говорит: «Когда Он сотворил мир, и я была там, и я была Его величайшей радостью». Но для еврейской традиции

идея сына Божьего как будто бы неприемлема, ее даже не рассматривают как возможную. Предполагается, что Мессия как Сын Божий на самом деле не является сыном Бога, он человек, который заслуживает того, чтобы уподобляться Сыну Божьему в силу его характера и достоинств. Я уверен, что в этой традиции нет ни малейшего намека на непорочное зачатие. На самом деле христианство позаимствовало идею непорочного зачатия из греческой традиции. Единственное из четырех Евангелий, в котором упоминается непорочное зачатие, – это Евангелие от Луки, а Лука был греком.

МОЙЕРС: В греческой традиции много образов, легенд и мифов, связанных с непорочным зачатием?

КЭМПБЕЛЛ: О, да. Леда и Лебедь, Персефона и Змей и множество других. Непорочное зачатие представлено очень широко.

МОЙЕРС: То, что случилось в Вифлееме, не новость. Но в чем смысл непорочного зачатия?

КЭМПБЕЛЛ: На мой взгляд, лучший способ ответить на этот вопрос – обратиться к индийской мифологии, в которой описываются степени духовного развития. В ней существует представление о семи психологических центрах, которые располагаются вдоль позвоночника. Они представляют собой разные психологические уровни интересов, сознания, действий. Первый центр – прямая кишка, которая идентифицируется с питанием, то есть с самой основной функцией жизнеобеспечения. Образ змея – удачный символ этой потребности, потому что он похож на пищевод, который постоянно продвигает съеденную пищу. Никто из нас не может жить без еды. Однако то, что мы только что съели, мгновение назад было живым. Это таинство еды и процесса питания, о котором мы редко вспоминаем, когда садимся за стол. Воздавая молитвы перед едой, мы обычно благодарим этого известного персонажа из Библии за то, что послал нам еду. Но в ранних мифологиях, когда люди приступали к трапезе, они выражали благодарность животному, которое пожертвовало собой, чтобы стать их пищей.

В Упанишадах говорится: «О, прекрасно, прекрасно, прекрасно. Я пища, я пища, я пища! Я тот, кто ест пищу, я тот, кто ест пищу, я тот, кто ест пищу». Сегодня мы так не думаем. Но держась за свою жизнь и не разрешая себе стать чьей-то пищей, вы отрицаете естественный ход жизни. Вы прекращаете ее течение! Дать этому потоку течь – великий мистический опыт, начинающийся с благодарности животному, которое будет съедено, поскольку оно добровольно пожертвовало собой. Через некоторое время и вам придется принести себя в жертву.

МОЙЕРС: Я есть природа, природа есть я.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Символом второго психологического центра духовного развития являются гениталии, то есть стремление к продолжению рода. Третий центр находится на уровне пупка и воплощает волю к власти, к совершенствованию и к достижениям или, если стремление принимает негативную форму, к господству, превосходству над другими, унижению других. Это третья, или агрессивная функция. Начав исследовать символику индийской психологической системы, мы увидим, что первая функция, то есть питание, – это животный инстинкт; вторая, то есть продолжение рода, – тоже, как и третья – доминирование и завоевание. Все три этих символических центра расположены в области таза. Следующий центр, четвертый, находится на уровне сердца и символизирует нашу готовность к сочувствию. Поднимаясь вверх к этому центру, вы движетесь из сферы животных инстинктов к сфере человеческого и духовного.

Каждому из этих четырех центров соответствует определенный символ. Символами центра продолжения рода являются лингам и йони, то есть мужские и женские гениталии в слиянии. Сердечному центру также соответствуют лингам и йони, но здесь они уже представлены в золотом цвете, символизируя непорочное зачатие или, другими словами, рождение духовного человека из человека-животного.

МОЙЕРС: И это происходит, когда…

КЭМПБЕЛЛ: …когда пробуждается ваше сердце, то есть когда вы пробуждаетесь к сочувствию, состраданию к другим людям, когда вы разделяете их страдания. В этом состоит человеческое. И все религиозные размышления на самом деле находятся именно на этом уровне, на уровне сердца.

МОЙЕРС: Вы говорите, что сострадание пробуждает человеческое. Но в этих мифах непорочное зачатие – это момент, когда рождаются боги. Непорочное зачатие – это проявление бога.

КЭМПБЕЛЛ: А вы знаете, кто этот бог? Это *вы*. Все эти символы в мифологии относятся к вам. Разумеется, вы можете подумать, что все это вас не касается. Вы можете думать об Иисусе, сопереживая его страданиям издалека. Но его страдания – это те страдания, через которые придется пройти и вам. Вы развиваетесь духовно? Вы убили в себе животное и возрождаетесь к жизни как человеческое воплощение сострадания?

МОЙЕРС: Почему так важно, чтобы зачатие было непорочным?

КЭМПБЕЛЛ: Потому что отец – это дух. Это духовное рождение. Дева зачала через слово, произнесенное ей в ухо.

МОЙЕРС: Слово входит в него как луч света.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Считается, что и Будда тоже был рожден таким же образом, из сердечной чакры своей матери.

МОЙЕРС: Сердечная чакра – это…

КЭМПБЕЛЛ: Сердечная чакра – это символический центр, который находится на уровне сердца. Слово «чакра» означает «круг» или «сферу».

МОЙЕРС: И Будда вышел оттуда?

КЭМПБЕЛЛ: Будда вышел из бока матери. Это символическое рождение. Физически он не был рожден из бока, только символически.

МОЙЕРС: Но Иисус был рожден так же, как и мы с вами.

КЭМПБЕЛЛ: Да, но только от девственницы. И после родов она, согласно римско-католической доктрине, снова стала девственницей. То есть можно сказать, что ничего не произошло физически. Дело не в физическом рождении Иисуса, а в его духовном значении. В этом смысл непорочного зачатия. Таким образом, герои и полубоги рождаются как живые существа, основной мотив которых – сострадание, а не сексуальные желания, или стремление к превосходству, или к самосохранению.

В этом заключается смысл второго рождения: вы начинаете жить, руководствуясь принципами, исходящими из сердечного центра.

Однако это не означает, что нужно отвергнуть три центра, которые расположены внизу. Просто теперь они подчиняются сердцу и служат ему.

МОЙЕРС: Если мы вернемся назад в древние времена, найдем ли мы там образы, подобные Мадонне, матери Спасителя?

КЭМПБЕЛЛ: Древний образ Мадонны – это Исида, прижимающая к груди своего сына Хора.

МОЙЕРС: Исида?

КЭМПБЕЛЛ: Это очень запутанная история. На самом деле не только эта, там все истории довольно непростые. Исида и ее муж Осирис были близнецами, рожденными богиней Нут. Сет и Нефтида, тоже близнецы и дети Нут, были их младшими братом и сестрой. Однажды ночью Осирис спал с Нефтидой, думая, что это Исида – можно сказать, что он был невнимателен к деталям. Однако после этого родился Анубис, старший сын Осириса, но рожденный не его женой. Сет, муж Нефти-ды, рассердился и решил убить своего старшего брата Осириса. Ему удалось тайно снять мерки с Осириса и сделать красивый саркофаг нужного размера. И однажды вечером, когда все боги веселились на вечеринке, Сет принес саркофаг и объявил, что его сможет забрать в свою гробницу тот, кому он подойдет.

Один за другим боги ложились в саркофаг, чтобы примерить его, но,

разумеется, он подошел только Осирису. Тут же появились семьдесят два сообщника Сета, захлопнули крышку саркофага, надежно закрыли ее и бросили в воды Нила. Итак, бог умирает. А если умирает такой бог, как этот, можете не сомневаться – далее последует воскрешение.

Смерть Осириса символически связана с ежегодным разливом Нила, благодаря которому египетская земля становилась плодородной. Как будто бы гниющее тело Осириса каждый год удобряло ее и наполняло жизнью.

Осирис долго плавал по Нилу, пока однажды его не выбросило где-то у берегов Сирии. На этом месте выросло чудесное ароматное дерево, а саркофаг стал частью его ствола. У местного царя только что родился сын, и он собирался построить новый дворец. Он приказал срубить это дерево и использовать его в качестве центральной колонны в главном зале дворца.

Тем временем несчастная богиня Исида, муж которой был брошен в воды Нила, отправилась искать его тело. Тема поиска бога, который является мужем души, была главным мифологическим мотивом того времени: богиня ищет пропавшего мужа или любовника и, спустившись в царство мертвых, благодаря своей верности спасает его.

Однажды Исида приходит в королевский дворец и узнает об этой колонне. Она сразу же заподозрила, что это должно иметь какое-то отношение к Осирису, и попросила взять ее на работу в качестве кормилицы новорожденного ребенка. Она кормила его не грудью, а давала сосать палец – она же была богиней, и унижения, на которые она была готова пойти, были не беспредельны. Но она полюбила мальчика и решила сделать его бессмертным. Для этого она клала его в камин, чтобы сжечь его смертную плоть. Вы же понимаете, что, будучи богиней, она могла защитить его от разрушительной силы огня. Каждый вечер, пока ребенок оставался в камине, она превращалась в ласточку и с грустью летала вокруг колонны, в которой был заточен ее муж.

Однажды вечером мать ребенка вошла в комнату, когда разворачивалась вся эта сцена, и увидела своего ребенка в огне. Она закричала так, что из-за ее крика заклинание потеряло силу, и ребенка нужно было спасать, чтобы он не сгорел заживо. В это время ласточка обернулась няней и богиней и объяснила происходящее царице, добавив между прочим: «Кстати, мой муж заточен в этой колонне, и я буду вам очень признательна, если вы позволите мне забрать его домой». Царь, появившийся в тот же момент, ответил: «Конечно, пожалуйста!» Он приказал убрать колонну и отдать Исиде. Красивый саркофаг с телом Осириса водрузили на царскую лодку.

По дороге назад, в дельту Нила, Исида открыла крышку гроба, легла

на мертвого мужа и забеременела. Этот мотив постоянно встречается в древних мифах, принимая разные формы, но смысл остается один и тот же: *из смерти рождается жизнь*. Когда лодка пристала к берегу, Исида родила Хора среди тростника в болоте. Этот образ божественной матери с ее ребенком, зачатым от бога, впоследствии становится прототипом образа Мадонны.

МОЙЕРС: А ласточка превратилась в голубя?

КЭМПБЕЛЛ: Летящий голубь – почти универсальный символ духа, Святого Духа в христианстве, например…

МОЙЕРС: …связанным со святой матерью?

КЭМПБЕЛЛ: С матерью, зачавшей от духа, да. Но вот еще одна небольшая деталь. Ревнивый младший брат Сет уже занял трон Осириса. Но чтобы его признали как правителя, он должен был жениться на Исиде. В египетской иконографии Исида[52] представляет высшую власть. Фараон сидит на троне, как если бы младенец сидел на коленях матери. На западном портале Шартрского собора можно увидеть витраж, на котором поза Мадонны напоминает престол, а на нем сидит маленький Иисус и благословляет мир как император. Этот образ в точности заимствован из Древнего Египта. Древние священники и художники сознательно перенимали этот образ.

МОЙЕРС: Христианские священники заимствовали образ Исиды?

КЭМПБЕЛЛ: Несомненно. Они сами говорят об этом. Они даже пишут, что «те образы прошлого, которые являются чисто мифологическими, снова оживают, превращаются в нашего Спасителя». Здесь имеются в виду умершие и воскресшие боги: Аттис, Адонис, Гильгамеш, Осирис и другие. Смерть и последующие воскрешения бога ассоциируются с луной, которая умирает и воскресает каждый месяц. Этот процесс занимает две ночи или три дня. Христос тоже находился в гробнице в течение двух ночей или трех дней.

Никто не знает, когда на самом деле родился Иисус, но решили, что это произошло в день зимнего солнцестояния – 25 декабря, когда ночь становится короче, а день – длиннее. Это время возрождения света. В тот же день родился и персидский бог света Митра, Сол[53], Солнце.

МОЙЕРС: О чем это говорит вам?

КЭМПБЕЛЛ: Мне это говорит об идее смерти прошлого и рождении будущего в нашей жизни и нашем мышлении, о смерти нашей животной природы и рождении нашей духовной сущности. Так или иначе, эти символы говорят об этом.

МОЙЕРС: Вот почему Исида может сказать: «Я настоящая мать всего. Повелительница и правительница всех стихий. Госпожа божественных сил, царица всего, что находится в аду, и главная из всех тех, кто живет на небесах. Я единственное воплощение и проявление всех богов и богинь в одной форме».

КЭМПБЕЛЛ: Это очень поздняя формулировка. Об этом написал Апулей в «Золотом осле» во втором веке нашей эры. Кстати, «Золотой осел» – один из первых романов. Из-за своей похоти и магии главный герой был превращен в осла и должен пройти мучительные испытания и унизительные приключения, пока не получит спасения по милости богини Исиды. Она появляется с розой в руке (символ божественной, а не плотской любви), и когда он, будучи ослом, съедает розу, то к нему возвращается человеческий облик. Но теперь он больше, чем просто человек, – он просвещенный человек, святой. Он пережил второе рождение, как если бы был рожден на свет в результате непорочного зачатия. Так, пройдя через символическую смерть, из животного можно стать человеком. В результате второго рождения на свет появляется духовная сущность. Такое перерождение становится возможным благодаря духовной матери. Нотр-Дам де Пари, Нотр-Дам де Шартр – Наша Мать-Церковь. Мы возрождаемся духовно каждый раз, когда входим в церковь и выходим из нее.

МОЙЕРС: Эта особая сила, свойственная только женскому началу.

КЭМПБЕЛЛ: Так представлено в романе, но это необязательно присуще только женщине. Перерождение также может быть достигнуто с помощью мужчины. Но в этой системе символов преобразователем является женщина.

МОЙЕРС: Когда в Эфесе в 431 году после смерти Христа Эфесский собор объявил Марию матерью Бога, это было не первое обсуждение этого вопроса, не так ли?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, по сути, этот спор уже шел в Святой Церкви в течение некоторого времени. Но Эфес, где было принято окончательное решение, тогда был самым большим городом в Римской империи, в котором было множество храмов, в том числе храм богини Артемиды, или Дианы. Существует легенда о том, что, когда Собор собрался обсуждать вопрос о Богоматери, жители Эфеса вышли из своих домов на демонстрации, скандируя на улицах города в защиту Богоматери: «Богиня, богиня, конечно, она – богиня!»

В католической традиции имеет место объединение патриархального, монотеистического иудейского взгляда на Мессию как на того, кто объединит духовные и бренные принципы классической эллинистической

идеи о Спасителе как об умершем и воскресшем сыне Великой богини, рожденном в результате непорочного зачатия. Существует много примеров таких воскресших спасителей.

На Ближнем Востоке бог, который погрузился в поле времени, первоначально был богиней. Иисус взял на себя то, что действительно является божественной ролью в сострадании. Но когда Дева соглашается нести воплощение Бога внутри себя, она сама становится частью искупления. Это тем более ясно, потому что страдания Девы приравниваются к страданиям ее Сына. Я думаю, что теперь в католической церкви это называется «со-спасителем».

МОЙЕРС: Имеет ли все это какое-то отношение к объединению мужских и женских начал? В течение долгого времени в первобытных обществах женщина была доминирующим мифологическим образом. Затем на переднем плане появляется мужской, агрессивный, воинственный образ, но позже возвращается женщина, играющая важную роль в процессе творения и воссоздания. Это что-то говорит о стремлении мужчины и женщины друг к другу?

КЭМПБЕЛЛ: Да, но лично я более склонен рассматривать это в историческом контексте. Очень интересно, что богиня-мать царствовала в долине реки Инд. Она была доминирующим божеством на всей территории от Эгейского моря до Инда. Потом индоевропейцы спускаются с севера в Персию, Индию, Грецию, Италию, а затем повсюду появляется новая мифология, ориентированная на мужское начало: в индийских Ведах, в произведениях Гомера в Греции. Но спустя пятьсот лет Богиня возвращается снова. Даже в Упанишадах VII века до нашей эры (как раз в то время, когда она восстанавливает силы для возвращения в район Эгейского моря) рассказывается, как ведические боги собрались вместе и увидели странное, аморфное видение на расстоянии, что-то вроде тумана, и спросили: «Что это?» Но никто не знал, что это могло бы быть. Тогда один из них предложил: «Я постараюсь понять, что это такое». И он действительно приблизился к туманности, о которой идет речь, и сказал: «Я Агни, владыка огня; я могу все сжечь. А кто ты?» Из тумана вылетела соломинка, опустилась на землю, и раздался голос: «Давай посмотрим, сможешь ли ты это сжечь?» Агни потерпел неудачу. Он вернулся к другим богам и сказал: «Это что-то очень странное!» «Тогда позвольте мне попробовать», – сказал бог ветра. Он ушел, но с ним произошло то же самое. «Я – Ваю, властелин ветра, я могу все сдуть». Соломинка снова полетела и сказала: «Давай посмотрим, сможешь ли ты поднять это?» И ему не удалось сделать это. Он вернулся к другим богам. И затем Индра,

величайший из ведических богов, направился к туманности, но как только он приблизился, туман рассеялся, и на его месте появилась женщина – красивая и таинственная, которая стала обучать богов, раскрывая им тайну их собственного существования.

«Это великое таинство существования, – сказала она им, – из которого вы получили вашу силу. Оно может как отбирать вашу силу, так и давать ее вам по собственной воле».

Индийское название первоосновы всего сущего – Брахман, слово, не имеющее определенного рода, ни мужского, ни женского. А индийское слово, обозначающее женщину, – майя-шакти, Деви. «Богиня, которая является источником жизни и матерью всех форм». И в Упанишадах она, по-видимому, становится наставником ведических богов как источник их существования и их сил.

МОЙЕРС: Женская мудрость.

КЭМПБЕЛЛ: Женщина как творец форм. Она дает жизнь формам, и только она знает, откуда они пришли. Их источник за пределами мужского и женского, он вне существования и небытия. Он одновременно существует и не существует. Он и есть, и его нет. Ни то ни другое. Он выходит за рамки любой категории мышления и сознания.

МОЙЕРС: В Новом Завете сказано: «В Иисусе нет ни мужчины, ни женщины». В конечном счете он ни тот, ни другая.

КЭМПБЕЛЛ: И так должно быть. Если Иисус воплощает источник нашего существования, тогда мы все – мысли в голове Иисуса. Он есть слово, которое стало плотью в нас.

МОЙЕРС: У нас с вами ведь тоже есть как мужские, так и женские черты?

КЭМПБЕЛЛ: Даже в самом теле. Я не знаю всех подробностей, но на определенном этапе развития плода становится ясно, кто родится – мальчик или девочка. До этого момента, однако, у тела был потенциал развития в обоих направлениях.

МОЙЕРС: Итак, в течение нашей жизни мы проявляем или подавляем одно из двух.

КЭМПБЕЛЛ: На китайском символе инь и ян «белая рыба», или как ее еще можно назвать, имеет черную точку, а «черная рыба» – белую. То есть они взаимосвязаны. Вы не можете быть в отношениях с тем, чьей частички в вас нет. Поэтому идея Бога как Абсолютного Другого абсурдна, потому что у вас не может быть никаких отношений с Абсолютно Другим.

МОЙЕРС: Разве в процессе духовной трансформации, о котором вы говорите, изменения не связаны с присвоением таких женских качеств, как

забота, творчество и сотрудничество, которые должны прийти на смену конкуренции и соперничеству? Разве не они находятся в центре женского начала, о котором мы говорим?

КЭМПБЕЛЛ: Мать любит всех своих детей: и глупых, и умных, и непослушных, и хороших. Их характер не особенно важен. Таким образом, в определенном смысле женщина символизирует безусловную любовь к потомству. Отец поддерживает дисциплину. Он воплощает общественный порядок и устройство. Так происходит практически во всех обществах. Мать дает жизнь природному началу, а отец – социальному.

Итак, возврат к природе будет, несомненно, выводить материнское начало на первый план. Как это будет соотноситься с патриархальным принципом, я не знаю, потому что реорганизация этой планеты станет масштабной операцией, которая является мужской задачей, поэтому невозможно точно предсказать, каким будет это новое. Однако нет никаких сомнений в том, что природа возвращается.

МОЙЕРС: Итак, говоря «спасем землю», мы на самом деле говорим о нашем собственном спасении.

КЭМПБЕЛЛ: Определенно. Но для того чтобы произошли изменения в обществе, придется ждать, пока соответствующие изменения произойдут в человеческой психике, чтобы стало возможным принципиально иное восприятие общества. И самый важный вопрос здесь, по крайней мере, как мне представляется, – это то, с каким обществом, с какой группой вы себя идентифицируете. Отождествляете ли вы себя с людьми всей планеты или только с закрытым сообществом, к которому принадлежите? На самом деле это вопрос, который задавали отцы-основатели нашей нации, когда жители тринадцати штатов начали воспринимать себя как людей одной нации, не теряя своей идентичности, не пренебрегая конкретными интересами каждого из этих штатов. Почему это не может произойти во всем мире прямо сейчас?

МОЙЕРС: Рассуждения о мужских и женских началах, о непорочном зачатии и о духовной силе, которая дает нам наше второе рождение, наводят на определенную мысль. Мудрецы всех времен утверждали, что мы можем жить хорошо, если научимся жить духовно. Но как научиться жить духовно, если мы плотские существа? Святой Павел говорит: «Желания плоти против духа, а желания духа – против плоти». Как же тогда мы можем научиться жить духовно?

КЭМПБЕЛЛ: В древности это была работа учителя. Он должен был научить вас тому, что называется ключом к духовной жизни. Вот для чего нужен священник. Вот зачем нужен ритуал. Ритуал можно определить как

разыгрывание мифа. Участие в ритуале на самом деле дает возможность пережить мифологический опыт. И через это участие можно научиться жить духовной жизнью.

МОЙЕРС: Вы имеете в виду, что мифы на самом деле указывают путь к духовной жизни?

КЭМПБЕЛЛ: Да, у вас должна быть подсказка. У вас должно быть что-то вроде дорожной карты, и все это находится рядом с нами. Но не все одинаковы. Одни говорят только об интересах той или иной группы, того или иного бога племени. Другие, особенно те, которые выдают это за откровения Великой богини, матери Вселенной и всех нас, учат нас состраданию ко всем живым существам. И человек начинает ценить истинную святость самой Земли, поскольку она является телом богини. Иегова создает человека из земли и вдыхает жизнь в его тело. Сам он не присутствует в этом теле. Но богиня находится внутри вас и вне вас. Ваше тело – это ее тело. Таким образом, в этих мифах признается единство Вселенной.

МОЙЕРС: Вот почему я не уверен, что будущее человечества и его выживание связаны с космическими путешествиями, как утверждается. Я думаю, что это может произойти здесь, на Земле – в теле, лоне нашего бытия.

КЭМПБЕЛЛ: Да, конечно. Когда вы выходите в космос, вы перемещаете свое тело, и если оно не было преобразовано, космос не изменит вас. Но размышления о космосе могут помочь понять кое-что еще. На одном развороте атласа изображена наша галактика вместе со многими другими галактиками, а в нашей галактике – наша Солнечная система. И когда смотришь на эту карту, возникает ощущение того пространства, которое мы все еще находим для себя. Эти две страницы открыли мне глаза на Вселенную с ее невообразимыми размерами и немыслимым насилием. Миллионы и миллиарды громоздких термоядерных печей разбросаны на огромных расстояниях друг от друга. Каждая термоядерная печь – звезда, а наше Солнце – лишь одна из них. Они взрываются и разрываются на части, распыляя пыль и газ по самым дальним уголкам Вселенной, образуя новые звезды с планетами, вращающимися вокруг них, и все это происходит прямо сейчас. И еще с более дальних расстояний до нас доходят отголоски величайшего катаклизма – Большого взрыва[54], который, как полагают некоторые, возможно, произошел около восемнадцати миллиардов лет назад. Вот где мы находимся. И чтобы осознать это, вам нужно понять, что вы – всего лишь крошечная микрочастица в необъятном пространстве космоса. Тогда вы должны осознать, что вы и космос в некотором смысле –

одно и то же, а вы оказываетесь частью всего этого величия.

МОЙЕРС: И все начинается здесь.

КЭМПБЕЛЛ: Все начинается здесь.

Глава VII
Истории о любви и браке

Через глаза любовь достигает сердца,
Глаза – разведчики сердца,
Глаза способны распознать, чем сердцу будет сладко обладать,
И когда глаза и сердце придут к согласию
И станут действовать сообща,
Родится совершенная любовь
Из образа, подаренного сердцу взором.
А дальше сделать первый шаг
Новорожденной помогает склонность.

Гираут де Борнель (около 1138–1200?)

МОЙЕРС: Любовь – такая необъятная тема, что если я скажу: «Давайте поговорим о любви», – с чего вы начнете?

КЭИРБЕЛЛ: Я начал бы с трубадуров XII века.

МОЙЕРС: Кто это такие?

КЭМПБЕЛЛ: Трубадуры были изначально дворянами из Прованса, а затем к ним присоединились дворяне из других областей Франции и Европы. В Германии они известны как миннезингеры, то есть певцы любви. «Минне» в средневековом немецком означает «любовь».

МОЙЕРС: Значит, они были поэтами своего времени?

КЭМПБЕЛЛ: Да, в каком-то смысле поэтами. Двенадцатый век – время трубадуров. Традиция трубадуров в Провансе была разрушена в результате организованного в 1209 году папой Иннокентием III Альбигойского крестового похода[55], который признан одним из самых чудовищных крестовых походов в истории Европы.

Считали, что трубадуры были приверженцами манихейства, альбигойской ереси, которая была распространена в то время, хотя это движение было направлено против коррумпированного духовенства Средневековья. В результате трубадуры и их представления о трансформации идеи любви оказались вовлеченными в религиозную

жизнь.

МОЙЕРС: Трансформация любви? Что вы имеете в виду?

КЭМПБЕЛЛ: Трубадуров очень интересовала психология любви. Они первыми на Западе восприняли любовь так, как мы воспринимаем ее сегодня, – как отношения между людьми.

МОЙЕРС: А каким образом ее воспринимали до этого?

КЭМПБЕЛЛ: До этого любовь полностью отождествлялась с Эросом, богом, который разжигает сексуальное желание. Но это не имеет никакого отношения к влюбленности, как ее понимали трубадуры. Эрос гораздо более безличен, чем влюбленность. Тогда люди не знали об Амуре. Амур – это нечто личное, о чем трубадуры заговорили в первый раз. Эрос и агапэ[56] олицетворяют *безличную* любовь.

МОЙЕРС: Поясните.

КЭМПБЕЛЛ: Эрос воплощает биологическое желание. Это сексуальное влечение друг к другу. Личность не имеет значения.

МОЙЕРС: А агапэ?

КЭМПБЕЛЛ: Агапэ – это любовь к ближнему, духовная любовь. Неважно, какой он, этот ближний.

МОЙЕРС: То есть это не страсть, которую воплощает Эрос, а скорее сострадание.

КЭМПБЕЛЛ: Да, это сострадание. Это открытие своего сердца для другого. Но не для конкретного человека, как в случае с Амуром.

МОЙЕРС: Агапэ имеет отношение к религиозности?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Но Амур также может дать толчок религиозности. Трубадуры считали, что он является воплощением самого высокого духовного опыта.

Видите ли, опыт Эроса – это своего рода одержимость. В Индии бог любви – большой, сильный молодой человек с луком и колчаном стрел. У каждой стрелы есть свое имя, например «Смертные муки», «Откровение» и тому подобное.

Он просто пронзает вас стрелой, и происходит настоящий физиологический, психологический взрыв. И другая любовь, агапэ, – это любовь к ближнему, как к самому себе. Опять же неважно, кто такой этот ближний, и вы просто должны любить его.

Амур выражает другую идею, а именно – чувство к конкретному человеку, взрыв эмоций, который происходит, когда взгляды встречаются. Это переживание, как считали трубадуры, рождается в результате контакта с другим человеком.

МОЙЕРС: В одной из ваших книг вы цитируете строчку из поэмы, где

как раз говорится про эту встречу взглядов: «Через глаза любовь достигает сердца».

КЭМПБЕЛЛ: Это нечто совершенно отличное от того, о чем говорит Церковь. Потому что это очень личный, очень индивидуальный опыт и, на мой взгляд, чрезвычайно важный для всей западной традиции, так как именно он отличает ее от всех других традиций, которые я знаю.

МОЙЕРС: Поэтому для того, чтобы любить, требуется не меньше мужества, чем для того, чтобы отстаивать свое право на личный опыт, идущий вразрез с церковной традицией. Почему это так важно для эволюции западной культуры?

КЭМПБЕЛЛ: Это важно, потому что с тех пор в традиции Запада фокус внимания сместился на человека, на то, что он должен доверять своим чувствам, а не просто жить в соответствии с нормами и законами, навязанными откуда-то сверху. Акцент делается на личном опыте и его значимости, потому что только через личный опыт человек может найти ответы на вопросы, что, собственно, значит быть человеком, каких ценностей придерживаться. Доверие личному опыту возвышает человека над монолитной системой, которая рассматривает его как один из винтиков в общем механизме, где все винтики должны выглядеть и работать одинаково.

МОЙЕРС: Что вы имеете в виду, когда говорите, что начало романтической любви на Западе отмечено лозунгом «либидо над кредо»?

КЭМПБЕЛЛ: Кредо формулируется так: «Я верю», и верю не только в законы, но и в то, что эти законы созданы Богом, а с Богом спорить нельзя. Эти законы лежат на мне тяжелым грузом, потому что любое непослушание означает грех, который запятнает все мое существо.

МОЙЕРС: Это кредо?

КЭМПБЕЛЛ: Это кредо. Вы верите, идете на исповедь, перечисляете все свои грехи, корите себя за содеянное и вместо того, чтобы пойти к священнику и сказать ему: «Благословите меня, отец, потому что на этой неделе я был хорошим», – вы начинаете размышлять о грехах, и когда вы думаете подобным образом, то действительно превращаетесь в грешника. Фактически кредо – это признание негодной воли к жизни, приговор ей. Вот что такое кредо.

МОЙЕРС: А либидо?

КЭМПБЕЛЛ: Либидо – это желание жить. Оно исходит от сердца.

МОЙЕРС: А сердце – это…

КЭМПБЕЛЛ:…это орган, через который мы устанавливаем связь с другим человеком. Это качество присуще только людям, оно противостоит

животному началу в человеке, в том числе и своекорыстию.

МОЙЕРС: Вы имеете в виду романтическую любовь, которую вы противопоставляете похоти, страсти и глубокому религиозному чувству?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Вы, наверное, знаете, что свадьба во многих культурах организовывалась родственниками. Это не личное решение. В Индии и по сей день брачные агенты размещают в газетах специальные объявления о том, что нужны девушки для заключения браков. Я помню, как в одной знакомой мне индийской семье дочь собиралась выходить замуж. Она никогда не видела молодого человека, женой которого должна была стать, и все время спрашивала своих братьев: «Он высокий? У него темные волосы? Он красивый? Как он выглядит?» В Средние века такой брак был благословлен Церковью. И поэтому идея трубадуров о настоящей любви как о личном выборе была очень опасной.

МОЙЕРС: Потому что это было ересью?

КЭМПБЕЛЛ: Не только ересью, но и прелюбодеянием, можно даже сказать, духовным прелюбодеянием. Поскольку все браки были заранее организованы обществом, любовь, которая возникает при одном взгляде на другого, обладала большей духовной ценностью. Например, в истории о романтической любви Тристана и Изольды Изольда обручена с королем Марком. Но они никогда не видели друг друга. Тристан сопровождает Изольду во время пути ко двору короля Марка. Мать Изольды готовит любовное зелье, чтобы оно пробудило любовь в тех, кто женится.

Отвечать за любовный эликсир должна нянюшка Изольды, которая отправляется в путь вместе с ней, но так получается, что Тристан и Изольда выпивают эликсир, принимая его за вино. Их охватывает любовь. Но они уже были влюблены друг в друга, просто еще не знали об этом. Эликсир просто делает эту любовь сильнее. Думаю, что каждый испытывал нечто подобное в юности.

Проблема, с точки зрения трубадуров, заключается в том, что король Марк и Изольда, которые должны пожениться, не готовы для любви. Они никогда не видели друг друга. Истинным может быть только такой брак, который заключается после признания личности другого, физический союз просто воплощает единство душ. Невозможно, чтобы это происходило в обратном порядке, чтобы физический союз наполнился духовным содержанием с течением времени. Брак начинается с духовного влечения, с любви, которую олицетворяет Амур.

МОЙЕРС: Христос говорит о «прелюбодействе в сердце», то есть о нарушении верности духовному союзу в помыслах и в сердце.

КЭМПБЕЛЛ: И каждый брак, заключенный обществом, а не по

велению сердца, был таким нарушением. В этом смысл рыцарской любви в Средневековье. Она находится в полном противоречии с тем, как Церковь относится к любви и браку. Слово AMOR (любовь), если прочесть его наоборот, становится словом ROMA (Рим), то есть Римско-католической церковью, которая всегда благословляла браки как политические и общественные союзы. И на этом фоне вдруг зарождается движение, которое прославляет любовь как личный выбор, как зов сердца.

Конечно, в этом есть и опасность. В истории о Тристане и Изольде, когда молодая пара уже выпила любовный эликсир и няня поняла, что произошло, она подошла к Тристану и сказала ему: «Вы выпили свою смерть». И он ответил: «Под смертью вы понимаете муки любви?» В этом и заключался основной смысл: от любви нужно было страдать. Другого возможного проявления и реализации этого опыта в мире нет. Тристан говорит: «Если под смертью вы понимаете страдания любви, тогда знайте, что в этом моя жизнь. Если под смертью вы понимаете наказание, которое мы должны будем принять, когда все раскроется, то я готов к этому. И если под смертью вы понимаете вечные муки в пламени ада, я принимаю и это». Вот что значит любить.

МОЙЕРС: Действительно, это страшная перспектива, особенно для католиков в Средние века, которые буквально верили в пламя ада. В чем смысл того, что сказал Тристан?

КЭМПБЕЛЛ: Он говорит, что его любовь больше смерти, боли, страданий и всего остального. Это признание страданий во всем их объеме.

МОЙЕРС: И он выбирает муки любви, хотя это означает вечное проклятие и вечные муки ада.

КЭМПБЕЛЛ: Каждый наш выбор, который мы делаем по зову сердца, должен быть сделан именно таким образом: с осознанием того, что ничто не испугает меня и не заставит свернуть с выбранного пути. Неважно, что произойдет, это смысл моей жизни и всего, что я делаю в ней.

МОЙЕРС: И в выборе объекта любви тоже?

КЭМПБЕЛЛ: И в этом выборе тоже.

МОЙЕРС: Вы когда-то писали, что, оказываясь в аду или в раю, мы оказываемся именно там, куда хотели попасть.

КЭМПБЕЛЛ: Идея принадлежит Бернарду Шоу или даже Данте. Наказание в аду – это наказание, на которое вы обречены навеки. Находясь на земле, вы думали, что готовы к нему.

МОЙЕРС: Тристан хочет любви, блаженства, и он готов страдать за это.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Как говорит Уильям Блейк в своем прекрасном

сборнике афоризмов «Бракосочетание Рая и Ада», «Я ходил меж кострами Геенны Огненной ‹…› принимаемой Ангелами за мучительные страдания и безумие»[57]. Иными словами, для тех, кто там находится, не для ангелов, это не пламя страдания, а пламя восторга.

МОЙЕРС: Я помню, что в «Аду»[58] Данте описывает свои наблюдения за известными историческими любовниками. Он видит Елену, Клеопатру и Тристана. В чем смысл этого?

КЭМПБЕЛЛ: Данте передает отношение Церкви к тому, что такое ад и кто там страдает.

Вы помните, он видел молодых любовников из Италии, которые жили в одно с ним время, Паоло и Франческу. Франческа влюбляется в Паоло, брата своего мужа. И Данте, как социолог, говорит: «Дорогая, как это произошло? Чем это было вызвано?» И затем следуют самые знаменитые строфы Данте. Франческа рассказывает ему, как она и Паоло сидели под деревом в саду и читали вслух историю Лан-селота и Гвиневеры. «И когда мы читали об их первом поцелуе, мы посмотрели друг на друга и больше не читали эту книгу в тот день…»[59] И это начало их падения.

Трубадуры не принимают того, что такое прекрасное переживание должно быть осуждено как грех. Любовь – смысл жизни, это высший опыт.

МОЙЕРС: Имел ли это в виду Вагнер, когда в его опере о Тристане и Изольде герой говорит: «В этом мире позвольте мне иметь свой мир, быть проклятым или спасенным»?

КЭМПБЕЛЛ: Да, именно об этом и говорит Тристан.

МОЙЕРС: Я хочу любить, я хочу жить своей жизнью.

КЭМПБЕЛЛ: Это моя жизнь. И я готов страдать, если так суждено.

МОЙЕРС: И для этого нужно определенное мужество?

КЭМПБЕЛЛ: Безусловно. Просто чтобы разрешить себе думать в таком ключе.

МОЙЕРС: Вы думаете, это актуально и *сейчас*?

КЭМПБЕЛЛ: Да.

МОЙЕРС: *В наше время*?

КЭМПБЕЛЛ: Да.

МОЙЕРС: Вы говорите, что отличительной чертой всех этих пионеров любви было то, что они решили сами стать творцами своей судьбы, воспринимая любовь как благороднейшее и естественное чувство, то, что они решились доверять мудрости своего собственного опыта, а не следовать навязанным догмам, политическим соображениям или принципам общественной морали. Это начало романтической идеи

западного человека, который решает взять судьбу в свои руки?

КЭМПБЕЛЛ: Именно так. Можно найти подобные примеры во многих восточных рассказах, но они не легли в основу социальной системы. Но именно в западном мире это стало идеалом любви.

МОЙЕРС: Любовь, берущая начало в собственном опыте, то есть личный опыт становится источником мудрости?

КЭМПБЕЛЛ: Да, сам человек становится источником мудрости. Лучшее, что есть в западной традиции, это признание личности и уважение к ней как к отдельной единице. Задача общества – давать пространство для развития индивидуальности. Не личность должна быть на службе общества, а наоборот.

МОЙЕРС: Но что произойдет с социальными институтами – с университетами, корпорациями, церковью, с политическими институтами, – если мы все просто побежим искать личное счастье? Не создаст ли это напряжения? Человек против общества? Должен быть какой-то предел, за который личные намерения, личное либидо, личные желания, личная любовь, личный импульс не должны выходить, иначе это приведет к анархии, и ни один социальный институт не сможет выжить в таких условиях. Вы действительно хотите сказать, что мы должны слушать голос своего сердца, чтобы следовать по пути нашей любви, независимо от того, к чему это приведет?

КЭМПБЕЛЛ: Голову тоже нужно использовать. Знаете, как говорят, узкий путь – опасный путь, как лезвие бритвы.

МОЙЕРС: Сердце и голова должны действовать сообща?

КЭМПБЕЛЛ: Да, разумеется. Они должны быть в согласии. Голова должна думать, а сердце должно с ней сверяться время от времени.

МОЙЕРС: Бывает ли так, что сердце берет верх над разумом?

КЭМПБЕЛЛ: Именно так и должно быть. Здесь будет уместно упомянуть о пяти основных достоинствах средневекового рыцаря. Это умеренность, мужество, любовь, преданность и учтивость. Учтивость – это уважение к нормам общества, в котором вы живете.

МОЙЕРС: То есть, помимо любви, есть и другие ценности?

КЭМПБЕЛЛ: Любовь – это одна из областей, в которой мы себя проявляем. Если мы зациклимся только на одной области в ущерб другим – это прямая дорога к тому, чтобы сойти с ума.

Средневековая идея, которую продвигали люди, сопротивлявшиеся церковной власти, тем не менее подразумевала уважение к обществу. Все делалось в соответствии с правилами. Когда два рыцаря встречались на поединке, они никогда не нарушали правил, хотя оба участвовали в

смертельной схватке. Эта куртуазность, то есть учтивость, лежала в основе поведения в то время.

МОЙЕРС: Существовали ли реальные законы? Правила любви? Запрет на прелюбодеяния? Как следовало поступать в Средние века, если ваши глаза встречались с глазами того, кто не был вашим мужем или женой?

КЭМПБЕЛЛ: В то время понятие романтической куртуазной любви только зарождалось. У этой игры были правила, и все играли в соответствии с ними. Существовала целая система правил, которые отличались от церковных и преследовали определенную цель. Ваша игра должна была подчиняться правилам, которые диктуют, как именно надо поступать и что нужно для того, чтобы это было сделано хорошо. Говорили, что искусство – это умение все делать хорошо. Это справедливо и по отношению к любовным делам. Можно оказаться очень неуклюжим и неловким, но когда вы четко знаете определенные правила и соблюдаете их, то можете выразить себя более красноречиво и убедительно.

МОЙЕРС: То есть рыцарский век – это на самом деле век романтической любви?

КЭМПБЕЛЛ: На самом деле это две взаимосвязанные вещи. Это были очень странные времена, очень жестокие. Не было единого закона. У каждого был свой закон, и, разумеется, нарушения законов были обычным делом. Но среди этой жестокости действовала и цивилизованная сила, воплощенная женщинами, потому что именно они устанавливали правила, а мужчины должны были играть в соответствии с требованиями женщин.

МОЙЕРС: Как случилось, что женщины стали играть такую роль и оказывать такое влияние?

КЭМПБЕЛЛ: Просто если вы хотите добиться любви конкретной женщины, это значит, что она уже получила власть над вами. Соглашаясь, женщина оказывала милость. Именно таким термином (*merci*) это обозначалось в то время. Женщина оказывала милость, то есть давала согласие. Например, она могла позволить вам поцеловать ее в шею на Троицу или полностью отдаться вашей любви. В зависимости от того, как она оценивала кандидата.

МОЙЕРС: Существовали правила, по которым дамы оценивали кандидатов?

КЭМПБЕЛЛ: Да. И самое главное условие заключалось в том, чтобы у кандидата было доброе сердце, то есть сердце, способное любить, а не просто страстно желать. Дама обычно испытывала поклонника, чтобы убедиться, что у него доброе сердце и он способен к настоящей любви.

Мы не должны также забывать, что эти дамы – благородного происхождения, а в то время это были люди удивительно эрудированные и способные как на жесткость, так и на нежность. Сегодня, например, я не знаю, как женщина может проверить, доброе ли сердце у мужчины и можно ли вообще назвать доброе сердце идеалом, к которому все стремятся.

МОЙЕРС: Как вы понимаете, что значит доброе сердце?

КЭМПБЕЛЛ: Сердце, способное к состраданию, я так сказал бы.

МОЙЕРС: И что это означает?

КЭМПБЕЛЛ: Способность разделять страдания. Ведь слово «сострадание» состоит из двух частей «со» и «страдание», то есть способность разделить то, что в данный момент времени переживает другой человек, разделить его чувства. Если посмотреть на немецкий аналог слова, то его смысл становится еще более ясным: «mitleid», где «mit» «с», а «leid» – это «горе» или «страдание». Самым главным было проверить, способен ли этот мужчина страдать во имя любви, потому что любовь – это не просто страсть и похоть.

МОЙЕРС: Джо, возможно, это и зародилось в эпоху трубадуров, но все это еще было актуальным в начале 1950-х в Восточном Техасе.

КЭМПБЕЛЛ: В этом и есть сила этой концепции. Она возникла в XII веке в Провансе, но вы можете встретить ее и сегодня, в XX веке, в Техасе.

МОЙЕРС: Ее позиции в последнее время ослабли, это точно. Я имею в виду, что не уверен, те ли это испытания, которые существовали в XII веке. Лично я благодарен, что подвергся подобному испытанию, по крайней мере, я так думаю.

КЭМПБЕЛЛ: Испытанием в XII веке могло, например, быть задание охранять мост. Знаете, дорожное движение в Средние века было довольно затрудненным из-за стражников, которые толпились у каждого моста. Но еще одна проверка заключалась в том, чтобы отправить кандидата в бой. Женщина, которая была настолько безжалостна, что заставляла поклонника подвергать свою жизнь смертельному риску ради нее, перед тем как принять его любовь, называлась *savage*, то есть дикаркой. Впрочем, женщина, которая отдавалась мужчине без предварительных испытаний, также считалась *savage*. В то время все играли в очень тонкую психологическую игру, оценивая друг друга.

МОЙЕРС: Разрушение брака и порядка ведь не было целью трубадуров, не так ли? Они также не стремились к плотским удовольствиям или к тому, чтобы изгнать Бога из души. Вы пишете: «Скорее, они восхваляли жизнь через переживание любви, которую они

воспринимали как очистительную и возвышающую силу, открывающую сердце для смешанных чувств, приносящих с собой любовь, – тоски и радости». То есть они не пытались ничего разрушить, так?

КЭМПБЕЛЛ: Нет, конечно, у них не было таких намерений. Они руководствовались только желанием переживать свой личный опыт и возвышенные чувства. Это совсем другое. Не было никаких прямых нападок на Церковь. Их идея заключалась в превосходстве личного опыта и одухотворении жизни.

МОЙЕРС: Любовь прямо передо мной. Любовь – это путь, который лежит под моими ногами, а глаза…

КЭМПБЕЛЛ: Именно так. «Через глаза любовь достигает сердца, глаза – разведчики сердца».

МОЙЕРС: Что трубадуры знали о душе, о психике? Наше знание о психике отражено в мифе об Эросе и Психее. Какое знание о человеческой психике открыли трубадуры?

КЭМПБЕЛЛ: Они открыли такой аспект, который является очень личным для каждого, о котором нельзя рассуждать в общепринятых терминах. Личный опыт, желание пережить этот опыт, вера в него и уникальность личного опыта – вот что главное.

МОЙЕРС: То есть они говорили не о любви вообще, а о любви к *конкретной* женщине?

КЭМПБЕЛЛ: К конкретной, и ни к кому больше. Именно так.

МОЙЕРС: Как вам кажется, почему мы влюбляемся в одних людей и не влюбляемся в других?

КЭМПБЕЛЛ: Я не тот человек, который может это объяснить. Это великая тайна – это искра, которая вспыхивает между двумя людьми, разжигая потом муки любви. Трубадуры воспевали эту муку, эту болезнь (врачи не могут излечить от нее), рану, которую можно исцелить только тем же оружием, каким эта рана нанесена.

МОЙЕРС: В смысле?

КЭМПБЕЛЛ: Рана – это моя страсть и любовь к созданию, которая вызывает муки. Единственный человек, который может излечить меня, это тот, кто заставляет меня страдать. Это тема, получившая символическое развитие во многих средневековых историях, например о копье, которым наносят рану. И только когда то же копье коснется открытой раны, она заживет.

МОЙЕРС: Не эта ли идея лежит в основе легенды о Священном Граале?

КЭМПБЕЛЛ: В религиозной версии этой истории Грааль связан с

мучениями Христа. Грааль – чаша, из которой пил Христос на Тайной вечере и в которую потом была собрана кровь Христа, после того, как его сняли с креста.

МОЙЕРС: Что символизирует Грааль?

КЭМПБЕЛЛ: Существует очень интересная версия происхождения Грааля. Один из древних писателей утверждает, что Грааль был принесен с небес так называемыми нейтральными ангелами. Вы знаете, когда шло сражение между Богом и Сатаной, между добром и злом, одни ангелы были на стороне Сатаны, другие – на стороне Бога. Грааль привезли сюда те ангелы, которые стояли посередине, – нейтральные. И именно поэтому он воплощает духовный путь, который проходит между парами противоположностей, между страхом и желанием, между добром и злом.

В романтической традиции эта тема звучит так: земля, страна, вся территория превращена в пустырь. Она так и называется – пустующая земля. И в чем смысл этой пустой земли? Это земля, где каждый живет неоригинальной жизнью и делает то, что делают остальные, делает только то, что ему говорят, у него нет мужества, необходимого для того, чтобы жить своей жизнью. Это пустынная земля. И это то, что имел в виду Т. Л. Эллиот в своей поэме «Пустошь». Все, что находится на поверхности пустынной земли, на самом деле таковым не является, и люди живут не своими жизнями. «Я никогда в жизни не делал того, что хотел. Я всегда делал то, что должен был». Понимаете?

МОЙЕРС: И в этом смысле Грааль является?..

КЭМПБЕЛЛ: Грааль становится воплощением – как бы это сказать? – того, чего достигли люди, который прожили свою собственную жизнь. Грааль олицетворяет реализацию высших духовных сил человеческого сознания.

Например, король Грааля – красивый молодой человек, но он не заслужил звания короля Грааля. Он выезжает из замка верхом на лошади с боевым кличем «Амур!» Да, это понятно для молодежи, но не имеет никакого отношения к защите Грааля. И когда он едет, из леса неожиданно выходит мусульманин, то есть языческий рыцарь. Подняв свои копья, они направляются навстречу друг другу. Копье короля Грааля убивает язычника, однако копье язычника ранит короля Грааля.

Смысл этого заключается в следующем: христианское разделение духа и материи, динамизма жизни и царства духа, естественной благодати и сверхъестественной может только изуродовать природное. Таким образом, европейский ум, европейский образ жизни оказываются искалеченными вследствие такого разделения. То есть истинная духовность, исходящая из

единства духа и материи, была убита. Кто такой язычник? Человек с окраин Эдемского сада, живущий в гармонии с природой, на наконечнике его копья написано слово «Грааль». Это означает, что Грааль задуман природой. Духовность – это букет, смешение ароматов, цветение и реализация человеческой жизни, а не наложенная на человека сверхъестественная добродетель.

Истинная жизнь возможна – это проживание естественных импульсов, а не соответствие правилам, спущенным (на нас) какой-то сверхъестественной силой, – в этом смысл Грааля.

МОЙЕРС: Не это ли имел в виду Томас Манн, когда говорил, что человек является самым благородным творением, потому что в нем объединяются дух и природа?

КЭМПБЕЛЛ: Да, это.

МОЙЕРС: Природа и дух желают воссоединиться в этом опыте. И Грааль, который ищут в этих романтических легендах, – это воссоединение того, что было разделено, это символ того мира, который придет вместе с этим единством.

КЭМПБЕЛЛ: Грааль – это символ истинной жизни, жизни, подчиненной индивидуальной воле, индивидуальным импульсам, которая проходит между противоположностями – между добром и злом, между светом и тьмой. Один из авторов легенд о Граале начинает свое длинное эпическое повествование с короткого стихотворения, в котором говорится буквально следующее: «Каждое действие может привести как к хорошему, так и к плохому результату». Каждое действие в этой жизни порождает пару противоположностей. Самое лучшее, что мы можем сделать, – это повернуться к свету, к гармоничным отношениям, которые, в свою очередь, являются результатом сострадания и понимания другого. Это Грааль. И именно об этом говорится в этих романтических легендах.

В легенде о Граале молодого Парсифаля[60] воспитала его мать, которая отказалась жить во дворце, так как хотела, чтобы ее сын ничего не узнал о придворных правилах. Жизнь Парсифаля диктовалась только его собственными необузданными инстинктами, пока он, наконец, не достиг зрелости. Тогда отец красивой девушки, который обучил его рыцарскому искусству, предлагает ему взять ее в жены. Но Парсифаль отвечает: «Нет, я должен сам добиться своей жены, а не получить ее». И это уже зарождение Европы.

МОЙЕРС: Зарождение Европы?

КЭМПБЕЛЛ: Да, индивидуалистического духа Европы, Европы Святого Грааля.

И когда Парсифаль отправляется в замок Грааля, он встречает короля Грааля, которого раненым бросили в кучу мусора, но он жив благодаря Граалю. Из сострадания Парсифалю хочется спросить: «Что вас беспокоит?» Но он не говорит этих слов, потому что его, как настоящего рыцаря, научили не задавать лишних вопросов. Парсифаль подчиняется этому правилу, и его предприятие проваливается.

После пяти лет испытаний, несчастий, бед и лишений он снова возвращается в замок и задает этот вопрос, который исцеляет короля и все общество. В этом вопросе – выражение сострадания, естественного расположения одного человека к другому. Это Грааль.

МОЙЕРС: И это такая любовь, которая…

КЭМПБЕЛЛ: Это спонтанное сострадание, страдание.

МОЙЕРС: Не об этом ли говорил Юнг: душа не сможет обрести покой, пока не найдет своего другого, и этот другой всегда в вас. В этом заключается идея романтической любви.

КЭМПБЕЛЛ: Да, это романтическая любовь. Вот о чем этот миф.

МОЙЕРС: Не сентиментальная романтика?

КЭМПБЕЛЛ: Сентиментализм – это отголосок насилия. В нем нет жизненной экспрессии.

МОЙЕРС: Что все это значит для романтической любви? Для нашей индивидуальности?

КЭМПБЕЛЛ: Это значит, что мы живем в двух мирах. В нашем собственном мире и в мире, который находится вне нас, и проблема заключается в достижении гармоничного взаимодействия между ними. Я рожден в обществе, поэтому должен соблюдать его нормы и правила. Глупо не подчиняться, потому что тогда я не живу в нем. Но ни в коем случае я не должен позволять этому обществу диктовать мне, как жить. Нужно построить свою собственную систему, которая может противоречить ожиданиям общества, и поэтому общество иногда отказывается принять ее. Но ваша задача в том, чтобы жить в таком общественном пространстве, которое действительно поддерживает вас.

Возникает следующий вопрос: идет война, и всех молодых людей призвали в армию. Это налагает огромную ответственность. Насколько вы готовы принять требования, которые общество предъявляет вам? Готовы ли вы убивать людей, которых не знаете? Зачем? Ради кого? И много других подобных вопросов.

МОЙЕРС: Это как раз то, что я имел в виду, когда говорил, что общество не сможет существовать, если все начнут следовать зову своего сердца или добиваться того, с кем они встретились глазами.

КЭМПБЕЛЛ: Да, это правда. Но есть общества, которые не должны существовать, верно?

МОЙЕРС: Рано или поздно…

КЭМПБЕЛЛ: …они распадаются.

МОЙЕРС: Трубадурам удалось подорвать старый мир.

КЭМПБЕЛЛ: Я не думаю, что это они сломали его.

МОЙЕРС: Это сделала любовь.

КЭМПБЕЛЛ: Да, скорее, любовь, но в принципе это одно и то же. Можно сказать, что в определенном смысле Лютер был трубадуром Христа. У него было свое представление о том, что значит быть священником. Эта идея разрушила средневековую Церковь. Это был удар такой силы, после которого она так и не оправилась.

Вы знаете, очень интересно размышлять об истории христианства. В течение первых пяти веков было много направлений христианства, то есть существовало многих способов быть христианином. И затем, во время Феодосия в IV веке, единственной религией, разрешенной в Римской империи, стало христианство, и единственной его формой, разрешенной в Римской империи, стало христианство византийского образца. Мировая история не видела большего вандализма, чем тот, с которым были уничтожены все языческие храмы Античности.

МОЙЕРС: Они были уничтожены Церковью как социальным институтом?

КЭМПБЕЛЛ: Да, именно так. Церковь действовала как социальный институт. Почему христиане не могли мирно сосуществовать с представителями других религий? Зачем им нужно было разрушать эти храмы?

МОЙЕРС: Как вам кажется?

КЭМПБЕЛЛ: Власть. Все из-за власти. Я думаю, что жажда власти является главной движущей силой в европейской истории. Ею пропитаны и наши религиозные традиции.

Одна из очень интересных вещей в легендах о Граале заключается в том, что события в них происходят примерно через пятьсот лет после того, как христианство было навязано Европе. Они представляют собой совокупность двух традиций.

Где-то в конце XII века настоятель Иоахим Флорский написал о трех эпохах духа. После грехопадения в Эдемском саду Бог должен был как-то компенсировать несчастья, которые произошли там, и восстановить духовное начало в истории. Поэтому он выбирает расу, чтобы та стала проводником этой идеи, и это эпоха Отца и Израиля, и эта самая раса,

выбранная для священнослужения, достаточно компетентная, чтобы нести весть о Вочеловечении, дает миру Сына. Эта вторая эпоха – эпоха Сына и Церкви, когда не одна конкретная раса, а все человечество должно получать послание о воле Божьей.

Третья эпоха, упомянутая философом примерно в 1260 году, должна была начаться как раз в то время и была эпохой Святого Духа, который говорил с человеком непосредственно, напрямую. Другими словами, любой, кто живет согласно Слову Божьему, становится равным Иисусу – в этом смысл третьей эпохи. И точно так же, как Израиль устаревает после появления Церкви как института, точно так же Церковь устаревает после провозглашения ценности индивидуального опыта.

Это знаменует начало целого восстания. Отшельники уходят из мира, прячутся в лесах и горах, чтобы получить собственный духовный опыт. Святой Франциск Ассизский считается первым представителем этого движения. Он олицетворяет человека, равного Христу, и сам он был проявлением Святого Духа в физическом мире.

Эта же идея стоит за поиском Святого Грааля. Галахад, идущий искать Грааль, подобен Христу. Когда его представляют ко двору короля Артура, он входит в сверкающих алых доспехах. И все это происходит на Пятидесятницу, то есть в день, когда празднуется сошествие Святого Духа на апостолов в образе огня. Каждый из нас может быть Галаха-дом. Это гностический взгляд на христианское учение. Гностические документы, погребенные в пустыне во время императора Феодосия, подчеркивают эту идею.

Например, в гностическом Евангелии от Фомы Иисус говорит: «Тот, кто пьет из уст Моих, станет подобен Мне, и Я буду подобен ему». В этом смысл этих рыцарских легенд о поисках Святого Грааля.

МОЙЕРС: Вы утверждаете: то, что произошло в XII и в XIII веках, является одним из самых важных поворотных моментов в мировоззрении человека и в его духовном сознании, что именно тогда новый опыт любви нашел свое выражение.

КЭМПБЕЛЛ: Да.

МОЙЕРС: И это противоречит церковному деспотизму над сердцем, согласно которому люди, особенно молодые девушки, должны были сочетаться браком с тем, кого выберут им в супруги Церковь или родители. Как это повлияло на страсть сердца?

КЭМПБЕЛЛ: Прежде чем говорить о том, что это привнесло, скажем, какая ситуация сложилась до этого. Мы должны понимать, что сама семейная жизнь также создает отношения любви, то есть между мужчиной

и женщиной все же существовала любовь, несмотря на то, что их брак был организован против их воли. В семье, которая была создана таким образом, царит любовь. Но там вы не получите другого переживания, любовного восторга, который вам дарит ощущение того, что вы прикасаетесь к душе другого человека, что он ваша родная душа. Право на переживание такой любви и отстаивали трубадуры. И именно она является идеалом и в наше время.

Но, как вы знаете, брак – это брак. Брак – это не любовное приключение. Влюбленность – это нечто совершенно другое. Брак – это обязательства и верность партнеру. Потому что другой человек – ваша вторая половина. Вы и другой едины. В любовной интриге это не так.

Любовные отношения должны приносить наслаждение, а если оно исчезает, отношения исчерпаны. А ведь брак заключается на всю жизнь и предполагает определенные обязательства, которыми вы связаны всю жизнь. То есть брак – большой долг в вашей жизни. Если брак не является вашей основной обязанностью, значит, вы не женаты.

МОЙЕРС: Есть ли место для романтической любви в браке?

КЭМПБЕЛЛ: В каких-то браках – да. В каких-то – нет. Но основное, о чем говорили трубадуры, это верность.

МОЙЕРС: Что имеется в виду под верностью?

КЭМПБЕЛЛ: Никаких измен, никаких перебежек на другую территорию – во всех ваших испытаниях и страданиях вы остаетесь верными.

МОЙЕРС: Пуритане называют брак «маленькой церковью внутри Церкви». В браке ты любишь каждый день и прощаешь каждый день. Это длительное таинство – любовь и прощение.

КЭМПБЕЛЛ: Я думаю, что брак – это «испытание» в самом глубоком смысле этого слова. Это подчинение человека чему-то более высокому, чем он сам. Реальный брак, как и любовь, развивается в отношениях, в которых вы находитесь. Вы понимаете, что я имею в виду?

МОЙЕРС: Не совсем.

КЭМПБЕЛЛ: Это похоже на символ инь и ян. Вот я, вот она, и вот мы. Когда я должен жертвовать, я не делаю этого для нее, я делаю это для наших отношений. Ненависть к другому ошибочна. Жизнь в отношениях, другими словами, это и есть ваша жизнь прямо сейчас. Брак – две жизни, подчиненные отношениям. У влюбленных, в отличие от женатых, две отдельные жизни, которые находятся в отношениях, более или менее успешных, длящихся в течение определенного периода времени, ровно столько, сколько это нужно обоим партнерам.

МОЙЕРС: В священном браке Бог объединяет людей, они становятся единым и не могут быть разделены по воле человека.

КЭМПБЕЛЛ: Они были единым до брака, и символика брака подтверждает это.

МОЙЕРС: В каком смысле они были единым целым до брака?

КЭМПБЕЛЛ: Через брак мы символически признаем нашу идентичность – два аспекта одного существа.

МОЙЕРС: Вы помните эту старинную легенду о слепом ясновидящем Тиресии?

КЭМПБЕЛЛ: Да, это замечательная история. Однажды Тиресий шел через лес и увидел двух спаривающихся змей. Он ударил их палкой и превратился в женщину, и прожил несколько лет как женщина. Потом однажды, когда она шла по лесу как женщина, Тиресия увидела двух совокупляющихся змей, она снова ударила их палкой и опять стала мужчиной.

И вот в один прекрасный день на Капитолийском холме, холме Зевса…

МОЙЕРС: Гора Олимп?

КЭМПБЕЛЛ:…Олимп, да, Зевс и его жена спорили, кто получает большее удовольствие во время полового акта – мужчины или женщины. И, конечно, никто не мог дать правильный ответ, потому что все знали этот процесс только со своей стороны, если можно так выразиться. Затем кто-то из них сказал: «Давай спросим Тиресия». Они пошли к Тиресию и спросили его, и он сказал без колебаний: «Конечно, женщина в девять раз больше, чем мужчина». Я не могу сказать вам, почему, но Гера, жена Зевса, пришла в такой гнев от этого ответа, что в наказание ослепила Тиресия. Но взамен Зевс, чувствуя некоторую ответственность за произошедшее, дал ему пророческий дар. Здесь важна мысль о том, что, когда ваши глаза закрыты и не отвлекаются на то, что их окружает, вы действуете согласно своей интуиции и вступаете в контакт с морфологией, с основной формой вещей.

МОЙЕРС: Дело в том, что Тиресий, который был превращен змеями из мужчины в женщину, а затем снова в мужчину, приобрел понимание как женского, так и мужского опыта, то есть он узнал больше, чем знают бог и богиня.

КЭМПБЕЛЛ: Верно. Это также символизирует сам факт единства обоих. Когда Цирцея отправляет Одиссея в подземный мир, его истинное посвящение происходит после его встречи с Тиресием, в результате которой он осознает единство мужских и женских начал.

МОЙЕРС: Я часто думал, что если мужчина сможет узнать свою

женскую сторону, а женщина – мужскую, тогда человек будет знать столько же, сколько боги, а может, даже больше.

КЭМПБЕЛЛ: Вы также можете получить эти знания из своей семейной жизни. Таким образом вы можете вступить в контакт с женской частью себя.

МОЙЕРС: Но как насчет самопознания в любви, когда вы встречаетесь с кем-то и вдруг чувствуете: «Я знаю этого человека»? Или вы говорите: «Я хочу узнать этого человека»?

КЭМПБЕЛЛ: Это действительно тайна. Как будто из будущей жизни, которую вы собираетесь прожить с этим человеком, вам приходит послание: «Это тот, с которым ты разделишь свою жизнь».

МОЙЕРС: Может быть, это чувство исходит из глубинных слоев памяти, которых мы не осознаем. Кто-то появляется и влияет на вас особым образом…

КЭМПБЕЛЛ: Как будто бы мы слышим послание из будущего. Оно разговаривает с вами. Это связано с самой тайной времени и его трансцендентностью. Я думаю, мы сейчас затрагиваем очень глубокую тайну.

МОЙЕРС: А как насчет вашей собственной жизни? Вы тоже относитесь к этому как к тайне? Возможны ли счастливые отношения вне брака?

КЭМПБЕЛЛ: С технической точки зрения можно сказать: «Да, конечно».

МОЙЕРС: Но кажется, что все, чем полна любовная интрига, запрещено в брачных отношениях и снижает лояльность к таким отношениям.

КЭМПБЕЛЛ: Думаю, каждому нужно разобраться в этом самому. Вас может охватить любовный порыв уже после того, как вы вступите в брак, а не последовать за этим порывом может означать – как бы это сказать – добровольный отказ от жизненных сил, которые дает нам любовь.

МОЙЕРС: Кажется, в этом и заключается суть дела. Если глаза являются разведчиками сердца и приносят то, что страстно желает сердце, значит ли это, что оно может пожелать только раз?

КЭМПБЕЛЛ: Любовь не прививает человеку иммунитет против других отношений, позвольте мне просто сказать это. Но можно ли заводить любовную связь на стороне (я имею в виду настоящие полноценные любовные отношения) и в то же время сохранять верность браку? Я не думаю, что такое возможно.

МОЙЕРС: Почему?

КЭМПБЕЛЛ: Потому что все рухнет. Но сама верность не исключает другого сердечного пристрастия к человеку противоположного пола. Примеры того, с какой нежностью рыцари относятся к другим дамам, оставаясь верными своей любви, очень благородны и чувственны.

МОЙЕРС: Трубадуры воспевают своих дам, даже когда нет надежды на отношения.

КЭМПБЕЛЛ: Да.

МОЙЕРС: Действительно ли мифология говорит о том, что лучше – любить или терять?

КЭМПБЕЛЛ: Мифология не затрагивает проблему личной индивидуальной любви. В те времена заключали брак с теми, с кем было разрешено. Если вы принадлежите к какому-то клану, то знаете, с кем вам можно вступить в брак, а с кем нельзя.

МОЙЕРС: Тогда какое отношение мораль имеет к любви?

КЭМПБЕЛЛ: Любовь нарушает законы морали.

МОЙЕРС: Нарушает?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Когда любовь выражает себя, она не соответствует общепринятым нормам. Вот почему она такая скрытная. Любовь не имеет ничего общего с обществом и его порядком. Это гораздо более высокий духовный опыт, чем брак, разрешенный обществом.

МОЙЕРС: Когда мы говорим, что Бог есть любовь, имеет ли это какое-то отношение к романтической любви? Связывает ли мифология романтическую любовь с Богом?

КЭМПБЕЛЛ: Это как раз то, что она делала. Любовь – божественный опыт и поэтому намного выше, чем брак. Такую идею несли трубадуры. Если Бог есть любовь, то любовь есть Бог. Майстер Экхарт сказал: «Любовь не знает боли». Именно это имел в виду Тристан, когда сказал: «Во имя своей любви я готов терпеть муки ада».

МОЙЕРС: Вы говорили, что любовь предполагает страдания.

КЭМПБЕЛЛ: Это другая идея. Тристан переживает любовь, тогда как Майстер Экхарт только говорит о ней. Любовь – это не просто еще один вид боли, это боль самой жизни. Можно даже добавить, что боль именно там, где жизнь.

МОЙЕРС: В Послании апостола Павла к Коринфянам говорится: «Любовь рождает все, любовь терпит все».

КЭМПБЕЛЛ: Да, это то же самое.

МОЙЕРС: Мне нравится персидский миф о том, как Сатана был отправлен в ад из-за его чрезмерной любви к Богу.

КЭМПБЕЛЛ: Это базовое представление мусульман о Сатане как о

великом почитателе Бога. Существует множество интерпретаций образа Сатаны, но именно эта пытается ответить на вопрос: «Почему Сатана был сброшен в ад?». Наиболее распространенное объяснение заключается в том, что, когда Бог создал ангелов, он велел им поклоняться только ему одному. Затем он создал человека, которого считал высшей формой по сравнению с ангелами, и поэтому повелел им служить ему. Но Сатана отказался поклоняться человеку.

В христианской традиции, насколько я помню с детства, низвержение Сатаны является следствием его эгоизма. Он отказался повиноваться человеку. Но, согласно персидскому мифу, он отказался сделать это из-за своей любви к Богу: он не мог склонить голову перед человеком. То есть Бог изменил свое решение, но Сатана остался настолько предан первоначальным заповедям, что не мог нарушить их, не мог покривить душой. Правда, я не знаю, есть ли у Сатаны душа или нет, но он не мог даже представить себе, что можно поклоняться кому-то еще, кроме Бога, которого он любил. Тогда Бог сказал: «Убирайся с глаз моих!»

Самой страшной пыткой в аду является отсутствие Возлюбленного, то есть Бога. И как Сатана терпит это мучение? Он хранит в памяти голос Бога, голос, который сказал: «Убирайся в преисподнюю!» Это высшее проявление любви.

МОЙЕРС: Если думать про жизнь, то, действительно, самое страшное, что может произойти, – это разлука с любимым. Вот почему мне нравится этот персидский миф. Сатана как возлюбленный Бога…

КЭМПБЕЛЛ: …и его разлучают с Богом, причиняя ему адские муки.

МОЙЕРС: Есть еще одна персидская легенда о двух первых родителях.

КЭМПБЕЛЛ: Да, восхитительная история. Вначале двое были одним и росли как одно растение. Но потом они разделились, и стали двумя, и родили детей. Они так любили своих детей, что съели их. Тогда Бог подумал: «Так не может продолжаться». Вот почему он уменьшил родительскую любовь, скажем, на девяносто девять и девять десятых процента, чтобы родители не ели своих детей.

МОЙЕРС: О чем этот миф?

КЭМПБЕЛЛ: Я слышал, как люди говорили: «Ты прелесть! Так бы и съел тебя!»

МОЙЕРС: Сила любви?

КЭМПБЕЛЛ: Сила любви.

МОЙЕРС: Ее интенсивность должна быть снижена.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Я помню картину, на которой был изображен широко открытый рот, готовый проглотить все, и в нем было сердце.

Любовь, которая съедает вас. Это такая любовь, которую матерям нужно научиться сдерживать.

МОЙЕРС: Господь, научи меня отпускать.

КЭМПБЕЛЛ: Да. В Индии существуют ритуалы, которые помогают матерям отпускать своих детей, особенно сыновей. Гуру, который является своего рода семейным священником, приходит и просит мать дать ему то, что она ценит больше всего. Это может быть дорогое украшение или что-то еще. В ходе таких упражнений мать должна научиться расставаться со всем ценным и дорогим ее сердцу. Ведь в конце концов ей придется отпустить своего сына.

МОЙЕРС: Любовь приносит радость и боль.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Любовь – это пылающий центр жизни, и поскольку вся жизнь – страдание, любовь – тоже страдание. Чем сильнее любовь, тем больше боли.

МОЙЕРС: Но любовь все вынесет.

КЭМПБЕЛЛ: Можно сказать, что любовь сама по себе есть боль, но эта боль означает, что вы живете полноценной жизнью.

Глава VIII
Маски вечности

Образы мифа есть отражение духовных возможностей каждого из нас. Созерцая их, мы находим в них силу, необходимую нам для собственной жизни.

МОЙЕРС: Изучая разные мифы, культуры, цивилизации и религии, находили ли вы в них нечто общее, то, что создает потребность в Боге?

КЭМПБЕЛЛ: Каждый, кто знает, что такое тайна, знает и о существовании таких характеристик Вселенной, которые недоступны его органам чувств. В одном из философских сочинений Древней Индии есть высказывание, имеющее непосредственное отношение к обсуждаемому вопросу: «Когда, замерев перед красотой заката или горной вершины, вы восклицаете „Ах!“, вы участвуете в божественном. Подобный момент участия включает в себя осознание чуда и совершенной красоты жизни. Люди, живущие в мире природы, переживают такие моменты каждый день. Они живут в осознании того, что в мире существует нечто великое, недоступное восприятию человека. Однако человеку свойственно стремление персонифицировать подобный опыт, очеловечивать силы природы. В традиции Запада видеть в Боге конечный источник или причину энергии и чуда Вселенной. Однако в большинстве восточных учений и в первобытном обществе боги воспринимались скорее как проявления и распространители энергии, которая в конечном счете безлична. Боги не являются ее источником. Бог – транспортное средство энергии. И сила, или качество, энергии, которую дает бог, определяет его характер и функцию. Есть боги жестокости, боги сострадания, есть боги, которые объединяют два мира – видимый и невидимый, а есть боги, которые всего лишь покровительствуют царям или народам во время их военных походов».

Все это – персонификации проявляющихся энергий. Но первичный источник этих энергий остается тайной.

МОЙЕРС: Не превращает ли это судьбу в анархию, в непрекращающуюся войну разных начал?

КЭМПБЕЛЛ: Да, как и в самой жизни. Даже в нашем сознании, когда приходится принимать решение, начинается борьба. Например, в действиях по отношению к другим людям могут быть четыре или пять возможностей.

Мое решение определяет влияние божества, доминирующего в моем сознании. Если мною руководит брутальное божество, мое решение тоже будет брутальным.

МОЙЕРС: Какое отношение это имеет к вере? Вы человек веры и…

КЭМПБЕЛЛ: Нет, мне не нужна вера. У меня есть опыт.

МОЙЕРС: Какой опыт?

КЭМПБЕЛЛ: У меня есть опыт восприятия жизни как чуда. У меня есть опыт любви. У меня есть опыт ненависти, злобы, и я знаю, что значит хотеть двинуть кому-то в челюсть. С точки зрения символического восприятия все это разные силы, действующие в моем сознании. Кто-то может думать, что они – чудо, любовь, ненависть – порождены разными божествами. Когда я был ребенком и воспитывался как католик, мне говорили, что у моего правого плеча находится мой ангел-хранитель, а у левого – дьявол-искуситель, и решения, которые я принимаю в жизни, зависят от того, кто из них оказывает на меня большее влияние. Будучи ребенком, я конкретизировал эти мысли, и мне кажется, что мои учителя делали то же самое. Мы думали, что и ангел, и демон реально существуют. Однако теперь я считаю их метафорами тех импульсов, которые движут и руководят мною.

МОЙЕРС: Откуда берутся эти энергии?

КЭМПБЕЛЛ: Из вашей собственной жизни, из энергии вашего тела. Все органы вашего тела, включая и голову, конфликтуют друг с другом.

МОЙЕРС: А откуда берется ваша жизнь?

КЭМПБЕЛЛ: Из предельной энергии, то есть из жизни Вселенной. Услышав это, вы спрашиваете: «Значит, должен быть кто-то, кто генерирует эту энергию?» Почему вы непременно должны задать этот вопрос? Почему главная тайна не может быть безличной?

МОЙЕРС: Разве мужчины и женщины могут жить с подобной безличностью?

КЭМПБЕЛЛ: Конечно. Они так и живут повсюду. Поезжайте на восток от Суэца. Вы знаете, что на Западе существует тенденция очеловечивать, персонифицировать богов: например, Яхве – это либо бог гнева, справедливости и наказания, либо бог-покровитель, помогающий тебе в жизни. Об этом можно прочитать в псалмах. А на Востоке боги более простые, в них гораздо меньше человеческого, и они гораздо больше похожи на силы природы.

МОЙЕРС: Когда спрашивают: «Каким ты представляешь себе Бога?», ребенок, воспитывающийся в нашей культуре, отвечает: «Это старик с бородой в длинном белом одеянии».

КЭМПБЕЛЛ: Да. В нашей культуре так и есть. В нашем представлении Бог – это мужчина, но во многих традициях божественная сила предстает преимущественно в облике женщины.

МОЙЕРС: Идея заключается в том, что ты не можешь представить себе то, что не можешь персонифицировать. Как вы думаете, возможно ли сосредоточиться на том, что Платон назвал «бессмертными и божественными мыслями»?

КЭМПБЕЛЛ: Конечно. Что же такое медитация, если не это? Медитация означает сосредоточенное обдумывание какой-то мысли. Обдумывать можно все что угодно. Я не делаю в мыслях большого различия между физическим и духовным. Например, медитация о деньгах – отличная медитация. И размышление о том, как содержать семью, – очень важная медитация. Но есть особенная, отличная от других медитация. Например, когда вы идете в храм.

МОЙЕРС: Значит, молитва – это на самом деле медитация.

КЭМПБЕЛЛ: Молитва – это медитация о тайне.

МОЙЕРС: Обращение к внутренней силе.

КЭМПБЕЛЛ: В католицизме есть такая форма медитации, когда вы многократно читаете наизусть одну и ту же молитву. Это «включает» сознание. В санскрите такая практика называется *japa* – «повторение святого имени». При этом вытесняются все другие интересы, и вы можете сосредоточиться на чем-то одном, а затем – это зависит от силы вашего собственного воображения – ощутить глубину этой тайны.

МОЙЕРС: Что дает человеку глубокое переживание?

КЭМПБЕЛЛ: Глубокое чувство тайны.

МОЙЕРС: Но если Бог – это только тот бог, которого мы воображаем, как мы можем трепетать перед нашим собственным творением?

КЭМПБЕЛЛ: А как нас приводят в ужас наши сны? Чтобы достичь просветления, нужно забыть об изображении Бога. Психолог Юнг сказал по этому поводу: «Религия – это защита от опыта Бога». Тайна низводится до набора постулатов и идей, а акцент на этих постулатах и идеях может «закоротить» связанный с ними трансцендентный опыт. Интенсивное переживание тайны – вот что человек должен считать конечным религиозным опытом.

МОЙЕРС: Многие христиане верят: для того, чтобы выяснить, кто такой Иисус, нужно познать христианство, христианскую доктрину, христианскую церковь…

КЭМПБЕЛЛ: Нужно познать воображаемый образ Иисуса. Подобный образ Бога становится для человека последним барьером, последним

препятствием. Вы придерживаетесь своей собственной идеологии, своего собственного ограниченного образа мыслей, а когда приближается более значительный опыт Бога, превосходящий ваши ожидания, вы бежите от него, цепляясь за тот образ, который есть в вашем сознании. Это известно как сохранение вашей веры. Вы познаете идею духовного восхождения, проходя разные этапы, или архетипические стадии опыта. Все начинается с познания таких примитивных вещей, как голод и алчность, потом наступает время похоти, а затем – опыт физической деятельности того или иного рода. Все это раскрепощающие стадии, придающие силы. Но только тогда, когда в сердце просыпается сострадание к другому человеку или просто к живому существу, и ты понимаешь, что в известном смысле вы братья, только тогда начинается новая стадия духовной жизни. Мифологическим символом этого открытия сердца навстречу миру является непорочное зачатие. Оно символизирует рождение духовности в том, что до этого было примитивной жизнью человека-животного, цель которого – здоровье, продолжение рода, власть и немного развлечения. Однако теперь мы приходим к чему-то другому. Потому что переживание чувства сострадания, общности или даже идентичности с другим или с каким-то выходящим за границы твоего «Я» принципом, который поселился в твоем сознании как заслуживающий почтения и служения, есть начало – окончательное и бесповоротное – истинно религиозного образа жизни и переживания. В дальнейшем это может привести к продолжающемуся всю жизнь поиску полного переживания той единственной Сущности, отражением которой являются все временны́е формы. Истинно религиозное переживание может как иметь форму, так и не иметь ее. Если ваш бог имеет некую форму, ваше воображение и есть бог. Есть субъект, и есть объект. Но конечная мистическая цель заключается в том, чтобы быть единым со своим богом. При этом двуединство преодолевается, и формы исчезают. Никого нет. Ни бога, ни вас. Ваше сознание растворилось при отождествлении с основой вашего собственного бытия, ибо то, с чем соотносится метафорический образ вашего бога, есть конечная тайна вашего собственного существования, одновременно являющаяся и тайной существования мира. Вот так вот.

МОЙЕРС: Конечно, сущность христианской веры заключается в том, что Христос и есть Бог, что изначальные силы, о которых вы говорите, воплощены в человеческом существе, примирившем человечество с Богом.

КЭМПБЕЛЛ: Да. И основная гностическая и буддистская идея заключается в том, что это справедливо и для вас, и для меня. Иисус был исторической личностью, осознавшей, что он и тот, кого он называл

Отцом, – одно и то же, и жил в соответствии с этим осознанием христианства. В одной из своих лекций я говорил о жизни с чувством Христа в себе, и священник, присутствовавший в аудитории (мне потом сказали об этом), обернулся к сидевшей за ним женщине и сказал: «Это богохульство».

МОЙЕРС: Что вы подразумевали под жизнью с чувством Христа в себе?

КЭМПБЕЛЛ: Какой смысл я вкладывал в эти слова? Человек должен жить, руководствуясь не своими эгоистичными желаниями, а тем, что можно назвать человеколюбием – Христом – в себе. Есть индусская поговорка: «Поклоняться богу может только бог». Чтобы поклоняться богу надлежащим образом и жить в соответствии с его словом, вы должны в известной степени отождествлять себя с теми духовными принципами, которые олицетворяет для вас ваш бог.

МОЙЕРС: Говоря о боге в себе, о Христе в себе, о внутреннем просветлении или пробуждении, разве мы не подвергаемся опасности впасть в нарциссизм, в одержимость собой, которые искажают наши представления о самих себе и о мире?

КЭМПБЕЛЛ: Разумеется, такое возможно. Это своего рода короткое замыкание в электрической цепи. Но цель заключается в том, чтобы преодолеть себя, собственные представления о самом себе во имя того, несовершенным проявлением чего оказывается человек. Например, предполагается, что после медитации вы готовы поделиться всем, что имеете, с миром, с другими живыми существам, а не держать все это при себе. Видите ли, можно по-разному думать о том, что «Я бог». Если вы думаете «В своем физическом обличии и со своим нынешним характером я бог», вы лишились разума, и в вашем восприятии произошло короткое замыкание. Вы бог, но не в вашем «Я», а в вашей самой глубокой сущности, в которой вы едины с недвусмысленным сверхъестественным.

МОЙЕРС: Когда-то вы говорили, что мы можем стать спасителями для своих близких – для наших детей, жен, для тех, кого мы любим, для наших соседей, – но никто из нас никогда не может быть Спасителем. Вы также говорите, что каждый из нас может стать матерью или отцом, но Матерью и Отцом – никогда.

КЭМПБЕЛЛ: Да, это так.

МОЙЕРС: А что вы думаете о Спасителе Иисусе?

КЭМПБЕЛЛ: Нам очень мало известно об Иисусе. Все, что у нас есть, – четыре противоречивых текста, рассказывающих нам о том, что он говорил и делал.

МОЙЕРС: Они написаны спустя много лет после его жизни.

КЭМПБЕЛЛ: Да, тем не менее я думаю, мы примерно знаем, что говорил Иисус. Мне кажется, высказывания Иисуса очень близки к оригиналам. Например, основная идея учения Христа – возлюби своих врагов.

МОЙЕРС: Как можно возлюбить своего врага без оправдания его деяний и агрессии?

КЭМПБЕЛЛ: Я скажу вам, как это сделать: не вынимайте соринку из глаза своего врага, лучше выньте бревно из собственного глаза. Никто не имеет права признавать негодным образ жизни своего врага.

МОЙЕРС: Как вы думаете, Иисус был бы христианином сегодня?

КЭМПБЕЛЛ: Не таким христианином, как те, которых мы знаем. Возможно, лишь некоторых монахов и монахинь, которые действительно находятся в контакте с высшими духовными тайнами, можно уподобить Иисусу.

МОЙЕРС: Значит, Иисус не принадлежал к воинственной церкви?

КЭМПБЕЛЛ: В Иисусе не было ничего воинственного. Ни в одном Евангелии не написано ничего подобного. Когда Петр выхватил меч и отсек им ухо слуге, Иисус сказал: «Положи на место свой меч, Петр». Но Петр этого не сделал, и его меч с тех самых пор не знает отдыха. Я прожил почти весь XX век и помню, что мне, ребенку, говорили о людях, которые никогда не были нашими врагами. Чтобы представить их нашими потенциальными врагами и оправдать нападения на них, была развернута кампания ненависти, лжи и клеветы, эхо которой не смолкло и по сей день.

МОЙЕРС: Однако нам говорят, что Бог – это любовь. «Возлюби врагов своих и молись за тех, кто преследует тебя, если ты хочешь быть сыном своего Небесного Отца, ибо благодаря Ему солнце светит и добрым, и злым, а дождь Он посылает и праведникам, и неправед-никам». Когда-то вы считали эти слова высшей и самой благородной мудростью христианского учения. Вы и сейчас так думаете?

КЭМПБЕЛЛ: Я считаю сострадание фундаментальным религиозным опытом, а если его нет, нет ничего.

МОЙЕРС: Для меня самая захватывающая фраза в Новом Завете – «Верую, Господи. Помоги моему неверию». Я верую в эту высшую реальность, в то, что я могу познать и познаю ее. Но у меня нет ответов на мои вопросы. Я верую в вопрос: есть ли Бог?

КЭМПБЕЛЛ: Пару лет назад со мной произошел очень забавный случай. Я пришел в нью-йоркский спортивный клуб, чтобы поплавать в бассейне, и меня представили священнику, профессору одного из

католических университетов. Когда я вышел из бассейна и устроился в шезлонге в так называемой позе отдыхающего спортсмена, этот священник, оказавшийся рядом со мной, спросил: «Мистер Кэмпбелл, вы священник?» – «Нет, святой отец», – ответил я. Последовал второй вопрос: «Вы католик?» Я ответил: «Я был католиком, святой отец». После этого между нами состоялся такой диалог.

«Вы верите в личного бога?» – такая формулировка вопроса показалась мне интересной.

«Нет, святой отец».

«Мне кажется невозможным логически доказать существование персонального бога».

«Если бы это было возможно, святой отец, какова была бы ценность веры?»

«Мистер Кэмпбелл, – быстро сказал священник, – было очень приятно познакомиться».

И ушел. У меня было такое чувство, словно я выполнил бросок джиу-джитсу. Для меня это был весьма поучительный разговор. Тот факт, что католический священник спросил, верю ли я в личного бога, означал для меня, что он тоже признает возможность существования безличного бога, а именно трансцендентной основы, или энергии. Буддистская идея сознания – это имманентное, просветленное сознание, которое одушевляет все предметы и все живое. Мы бездумно живем, используя лишь фрагменты этого сознания, фрагменты этой энергии. Но религиозный образ жизни заключается не в удовлетворении конкретных потребностей конкретного тела в данную конкретную минуту, а в проникновении в сущность этого имманентного сознания. В ставшей недавно известной Гностической проповеди святого Фомы есть интересный фрагмент: «Когда приидет Царствие Небесное?» – спрашивает ученик Христа. В Евангелии от Марка, глава 13, мы читаем, что конец света не за горами. Это, так сказать, мифологический образ конца света, предсказание реального, физического, исторического факта. Но, по версии Фомы, Иисус отвечает: «Не нужно ждать Царствия Небесного, оно не придет. Оно рассеяно над землей, и люди не видят его». Глядя на вас с этих позиций, я ощущаю исходящее от вас божественное сияние.

МОЙЕРС: От меня?

КЭМПБЕЛЛ: Да, конечно. Когда Иисус говорит: «Тот, кто пьет из моего рта, станет таким, как я, а я стану таким, как он», – он говорит с точки зрения сути сущности, которую мы зовем Христом, присутствующим в каждом из нас. Каждый, кто живет в согласии с этим, похож на Христа.

Каждый, кто принес в свою жизнь слово Божье, эквивалентен Иисусу – вот в чем смысл этих слов.

МОЙЕРС: Значит, сказав, что от меня исходит божественное сияние, вы имели в виду именно это?

КЭМПБЕЛЛ: Да, именно это.

МОЙЕРС: И от вас тоже?

КЭМПБЕЛЛ: Я говорю совершенно серьезно.

МОЙЕРС: Я и воспринимаю это серьезно. Я на самом деле ощущаю божественность в другом человеке.

КЭМПБЕЛЛ: И не только это. То, что вы представляете в этом разговоре, и то, что вы стараетесь высказать, есть реализация этих духовных принципов. Так что вы «транспортное средство». Излучатель духовного.

МОЙЕРС: Это справедливо для всех?

КЭМПБЕЛЛ: Это справедливо для всех, кто в своей жизни достиг уровня сердца.

МОЙЕРС: Вы действительно верите, что существует география психики?

КЭМПБЕЛЛ: Это метафорический язык, но можно сказать, что некоторые люди живут на уровне своих гениталий, исключительно ради них. Это смысл их жизни. Это философия Фрейда, не так ли? Затем возьмите адлерианское направление. Адлером выдвинута идея об управлении мотивациями человека социальными побуждениями. Он утверждает, что жизнь – это постоянное стремление к власти, и ее главный смысл – преодоление разнообразных преград. Никто не спорит, это прекрасная жизнь, и все это также формы божественного. Но это уровень животного. Служение другим людям тем или иным способом – вот совершенно другая жизнь. Ее символизирует открытие сердца.

МОЙЕРС: Что является источником такой жизни?

КЭМПБЕЛЛ: Ее источником может быть осознание, что смысл твоей жизни – в другом человеке, что у вас на двоих – одна жизнь, и Бог – образ этой жизни. Мы спрашиваем себя, откуда взялась эта одна жизнь, и люди, которые считают, что все создано кем-то, отвечают: «Это создал Бог». Так что источник всего этого – Бог.

МОЙЕРС: В таком случае, что такое религия?

КЭМПБЕЛЛ: Слово «религия» происходит от латинского слова *religare*, что значит «связывать, соединять». Если мы говорим, что в нас двоих одна жизнь, значит, моя отдельная жизнь была *связана* с жизнью другого человека. Образы религии символизируют это связующее звено.

МОЙЕРС: Известный психолог Юнг считал круг одним из самых мощных религиозных символов. По его мнению, именно круг – один из величайших и древнейших символов человечества, и, размышляя над символом круга, мы анализируем себя. Что вы думаете по этому поводу?

КЭМПБЕЛЛ: Весь мир – круг. Все циркулярные изображения отражают психику, так что, возможно, существует какая-то связь между этими архитекторскими решениями и реальной структурой наших духовных функций. Когда колдун собирается колдовать, он очерчивает вокруг себя круг, и его способности проявляются внутри этого герметично запечатанного и ограниченного кру́гом пространства, а за его пределами они теряют силу.

МОЙЕРС: Я вспоминаю слова одного индусского вождя: «Когда мы разбиваем лагерь, мы разбиваем его внутри круга. Когда орел строит гнездо, он строит его в форме круга. Когда мы смотрим на горизонт, горизонт оказывается в круге». Для некоторых индусов круги были очень важны, не так ли?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Но они также широко представлены в дошедшей до нас шумерской мифологии. Нам в наследство достался круг с четырьмя сторонами света и с 360 градусами. Официальный год у шумеров состоял из 360 дней плюс пять церковных праздников, которые не считались. Они были вне времени и отмечались церемониями, которые связывали их общество с Небесами. Сегодня это чувство связи круга и времени утрачено, потому что теперь у нас цифровое время, которое проносится мимо тебя. Цифры дают тебе ощущение быстротекущего времени. В Нью-Йорке на Пенсильванском вокзале есть часы, показывающие время с точностью до сотой доли секунды. Видя, с какой скоростью проскакивают цифры, показывающие сотые доли секунды, ты понимаешь, что время мчится через тебя. С другой стороны, круг олицетворяет общность, совокупность. Все, что находится в круге, – это одно. То, что в кольце, – обрамлено. Это уже пространственный аспект. А временной аспект круга таков: вы покидаете определенное место, уходите куда-то и возвращаетесь обратно. Бог – это альфа и омега, источник и конец. И в пространстве, и во времени круг символизирует беспрерывную повторяемость циклов, цикличность.

МОЙЕРС: Нет ни начала, ни конца.

КЭМПБЕЛЛ: Один цикл, второй, третий… Взять, к примеру, хотя бы год… Когда наступает ноябрь, мы снова отмечаем День благодарения. Потом приходит декабрь, и мы в очередной раз празднуем Рождество.

Цикличность присутствует не только в смене месяцев, но и в смене дней, и в смене фаз Луны. Мы вспоминаем об этом, когда, взглянув на

часы, видим цикличность времени: цифры те же самые, а день другой.

МОЙЕРС: Древний Китай назывался Центральным государством[61], а у ацтеков есть похожее выражение об их культуре. Мне кажется, что каждая культура, для которой круг – символ космологического порядка, помещает себя в его центр. Как вы думаете, почему круг приобрел такую универсальную символичность?

КЭМПБЕЛЛ: Потому что он постоянно напоминает о себе сменой дней, лет, уходом из дома по какому-либо делу и возвращением обратно. Есть еще и более глубокий символ круга – тайна материнской утробы и могилы. Человека хоронят для возрождения. Таково происхождение идеи погребения: умершего возвращают в утробу Матери-земли, чтобы он возродился вновь. Самые ранние изображения богини – мать, принимающая возвращающуюся душу.

МОЙЕРС: Читая ваши книги – «Маски Бога», «Путь животных сил», «Мифический образ», – я часто нахожу в них изображения круга. Он есть на магических рисунках или рисунках зодчих, как на старинных, так и на современных, в виде куполообразных индуистских храмов, на рисунках на камне времен палеолита, найденных в Родезии, на камнях-календарях ацтеков, на старинных китайских бронзовых щитах, на изображении ветхозаветного пророка Иезекииля, который говорит о колесах в небе. Я постоянно нахожу эти изображения. И это кольцо, мое обручальное кольцо, тоже круг. Что оно символизирует?

КЭМПБЕЛЛ: Это зависит от того, как вы понимаете брак. Слово «символ» происходит от греческого слова, означающего «вместе, совместно». У одного человека одна половина, у другого – другая, а потом они соединяются. Осознание приходит, когда эти половины соединяются, образуя полный круг. Это мой брак, моя индивидуальная жизнь растворяется в жизни двоих, где двое – единое целое. Кольцо означает, что мы вместе в одном круге.

МОЙЕРС: Атрибутом облачения римского папы является перстень рыбака. Это еще один круг.

КЭМПБЕЛЛ: Его символика перекликается со словами Христа о том, что его ученики станут ловцами человеческих душ. Это очень старый мотив, он старше христианства. Орфея тоже называли «ловцом людей», появляющимся, подобно рыбе, из воды. Идея превращения рыбы в человека известна с незапамятных времен. Рыбья природа – самая жестокая животная черта нашего характера, и религия стремится избавить человека от нее.

МОЙЕРС: Новый король или королева Англии получает

коронационное кольцо.

КЭМПБЕЛЛ: Да, потому что у кольца есть еще и другой аспект. Кольцо – это оковы. Будучи королем, ты «прикован» к стране. Ты не можешь просто жить своей жизнью. Ты отмечен. В обрядах инициации на тело наносилась татуировка, символизирующая связь человека с другими людьми и с обществом.

МОЙЕРС: Юнг говорит о круге как о мандале.

КЭМПБЕЛЛ: В переводе с санскрита слово «мандала» означает «круг» или «диск», но мандала – сложная геометрическая структура, символизирующая миропорядок, то есть, по сути, мандала – модель Вселенной. Создавая мандалу, ты стараешься согласовать свой личный круг с кругом Вселенной. Так, в тщательно разработанных буддистских мандалах в центре находится божество как источник силы, источник просветления. Изображения на периферии – проявления, или аспекты, божественного сияния. Создавая мандалу для себя, вы сначала рисуете круг, а затем задумываетесь о разных системах импульсов и системах ценностей в вашей жизни. Затем вы сочетаете их и стараетесь понять, где находится ваш центр. Создание мандалы – это процесс объединения всех разрозненных сторон вашей жизни, поиск центра и своего места в нем. Вы стараетесь скоординировать свой круг с кругом Вселенной.

МОЙЕРС: И быть в центре?

КЭМПБЕЛЛ: Да, в центре. Например, у индейцев племени навахо большая роль в целительстве отводится рисункам на песке. Считается, что эти рисунки оказывают особое действие на больных. Их делают достаточно большими, чтобы больной мог сесть или чтобы его можно было положить на них, что является способом вхождения больного в мифологический контекст, с которым он будет отождествлен: он отождествляет себя с символической силой. Эта идея нарисованной на песке мандалы и ее использования для целей медитации известна также и в Тибете. Чтобы представить мощь духовных сил, действующих в нашей жизни, тибетские монахи рисуют на песке космические образы.

МОЙЕРС: Судя по всему, существуют попытки совместить центр жизни человека с центром Вселенной…

КЭМПБЕЛЛ: …с помощью мифологических образов. Да. Образ помогает вам идентифицировать себя с символической силой. Трудно представить себе, что человек станет идентифицировать себя с чем-то неопределенным. Но когда вы наделяете это «что-то» качествами, делающими возможной такую идентификацию, человек может этим воспользоваться.

МОЙЕРС: Существует теория, согласно которой поиск Священного Грааля – поиск центра идеальной гармонии, поиск совершенства, поиск общности и единства.

КЭМПБЕЛЛ: Существует немало легенд о Священном Граале. Согласно одной из них Священный Грааль – это чаша благодати в царстве бога моря, в глубине подсознания. Именно оттуда, из глубины подсознания, приходит к нам энергия жизни. Эта чаша представляет собой неисчерпаемый источник, центр, бьющий ключ, несущий жизнь.

МОЙЕРС: По-вашему, это подсознание?

КЭМПБЕЛЛ: Не только подсознание, но и источник жизни. Вокруг нас всюду жизнь. Она вливается в мир из неисчерпаемого источника.

МОЙЕРС: А как быть с тем, что в разных культурах, отделенных друг от друга пространством и временем, присутствуют одни и те же образы?

КЭМПБЕЛЛ: Это говорит о том, что в психике разных людей есть много общего. Иначе не было бы такого идеального совпадения.

МОЙЕРС: Если во многих культурах существуют легенды о сотворении мира, о непорочном зачатии, о Спасителе, который приходит в мир, умирает и воскресает, значит, они что-то говорят нам о том, что есть внутри нас, и о нашей потребности понять это.

КЭМПБЕЛЛ: Верно. Образы мифа есть отражение духовных возможностей каждого из нас. Созерцая их, мы находим в них силу, необходимую нам для собственной жизни.

МОЙЕРС: Значит, когда Библия говорит, что человек создан по образу и подобию Божьему, она говорит об определенных качествах, которыми обладает любой человек, независимо от того, какую религию он исповедует, к какой культуре принадлежит и в какой точке земного шара живет?

КЕМПБЕЛ: Бог – абсолютная, первичная идея человека.

МОЙЕРС: Основная потребность.

КЭМПБЕЛЛ: И все мы созданы по образу и подобию Бога. Это абсолютный архетип человека.

МОЙЕРС: Элиот говорит о «стоп-кадре» вращающегося мира, где едины движение и покой, о центре, в котором совмещаются движение времени и покой вечности.

КЭМПБЕЛЛ: Есть неиссякаемый источник, и этот источник – Грааль. В начале своей жизни человек не ведает ни страха, ни желаний. В процессе жизни к нему приходят и страх, и желания. Освободиться от страха и желаний и вернуться к началу своей жизни – это то, что надо! Гёте говорит, что божественная сущность эффективна в живом, а не в мертвом, в том, что

начинается и изменяется, а не в том, что уже началось и застыло. Поэтому, продолжает он, стремиться к божественному нужно через начинающееся и изменяющееся, тогда как интеллект имеет дело с застывшими фактами, с тем, что познаваемо, известно, а потому может быть использовано для придания жизни окончательной формы. Однако цель вашего самопознания – оказаться в той точке в самом себе, которой неведомы ни добро, ни зло мира, а потому не знающей ни страха, ни желаний. Именно в таком состоянии рыцарь, наделенный идеальной храбростью, вступает в бой.

Это жизнь в движении. Это суть мистицизма войны и произрастания растений. Я думаю о траве: раз в две недели ко мне приходит парень с газонокосилкой и косит траву. Представьте себе, что трава сказала бы: «Ради всего святого! Зачем вы это делаете?» Но вместо этого она продолжает расти. Так проявляет себя энергия центра. Таков смысл образа Священного Грааля, неиссякаемого источника. Источник не беспокоится о том, что происходит, когда он начинает функционировать. Имеет значение только то, что он функционирует, и для вас это – начало жизни. Именно об этом и говорят нам все эти мифы. Изучая сравнительную мифологию, мы сравниваем образы одной системы с образами другой, и обе системы становятся более понятными нам, потому что они проясняют друг друга. Когда я только начал преподавать сравнительную мифологию, я боялся разрушить религиозные верования моих студентов. Но этого не произошло. Напротив, религиозные традиции, которые они унаследовали от родителей и которые мало что значили для них, предстали перед ними в совершенно другом свете, когда мы сравнили их с другими традициями, в которых похожие образы получили более духовную интерпретацию. Среди моих студентов были христиане, иудаисты, буддисты, даже парочка последователей Заратустры, и все они отреагировали одинаково. Нет никакой опасности в том, чтобы интерпретировать религиозные символы и называть их не фактами, а метафорами. При этом символы становятся посланиями, обращенными к вашему внутреннему опыту и к вашей жизни. Религиозная система внезапно становится личным опытом.

МОЙЕРС: Я укрепляюсь в своей вере, зная, что другие испытывают такую же жажду и ищут аналогичные образы, стараясь выразить то, что нельзя выразить обычным человеческим языком.

КЭМПБЕЛЛ: Именно в этом заключается польза от всевозможных клоунов и клоунских верований. В германских и кельтских мифах полно клоунских персонажей, по-настоящему гротесковых божеств. Они доносят основную мысль: я не абсолютный образ, сквозь меня что-то просвечивает.

Смотрите сквозь меня, сквозь мой смешной облик.

МОЙЕРС: Существует замечательная африканская легенда о боге, шедшем по дороге в шляпе, одна половина которой была красной, а вторая – синей. Когда работавшие в это время фермеры вечером собрались в деревне, один из них спросил: «Вы видели бога в синей шляпе?» – «Нет, нет, он был в красной шляпе», – ответили ему, и началась драка.

КЕСПБЕЛЛ: Да, это Эдшу, нигерийский бог зла и беспорядка. Он поступает еще хуже: сначала идет в одну сторону, а потом разворачивается и идет обратно. И переворачивает свою шляпу. И опять кто-то видит синюю сторону, а кто-то – красную. Вспыхивает драка. Когда драчунов приводят к царю, появляется Эдшу и говорит: «Это моя вина, и мне предначертано судьбой поступать так. Ссоры и распри доставляют мне величайшую радость».

МОЙЕРС: В этом есть правда.

КЭМПБЕЛЛ: Конечно. Гераклит говорил, что все великое создает распри. Возможно, в символической легенде об этом обманщике выражена та же самая идея. В нашей традиции эта роль досталась змее в саду. Когда все было хорошо и спокойно, она бросила яблоко. Независимо от того, какой системы верований вы придерживаетесь, она не может «включать» вечную жизнь. Если же вы думаете именно так, появляется этот возмутитель спокойствия, и все взрывается, а вы становитесь другим.

МОЙЕРС: Я заметил, Джо, что вы рассказываете подобные истории с юмором.

КЭМПБЕЛЛ: Принципиальная разница между мифологией и нашей иудейско-христианской религией заключается в том, что образность мифологии полна юмора. Вы понимаете, что образ есть некий символ и что вы находитесь на каком-то расстоянии от него. А в нашей религии все прозаично и очень, очень серьезно. Вы не можете шутить с Яхве.

МОЙЕРС: Как вы объясняете то, что психолог Маслоу назвал «пиковыми переживаниями», а Джеймс Джойс – «эпифаниями»?

КЭМПБЕЛЛ: Это не совсем одно и то же. Пиковые переживания связаны с внезапными ощущениями интенсивного счастья, полноты жизни. Все мои собственные пиковые переживания связаны со спортом.

МОЙЕРС: Что стало высшей точкой этих переживаний?

КЭМПБЕЛЛ: В мою бытность в Колумбийском университете я участвовал в паре гонок, и это было прекрасно. Во время второй гонки я знал, что должен выиграть, хотя никаких оснований для этого у меня не было: от лидировавшего гонщика меня отделяли тридцать ярдов. Но я знал, что выиграю, и это было моим пиковым переживанием. В тот день никто не

мог победить меня. Я был в отличной форме и знал это. Вряд ли я когда-нибудь еще так выкладывался, как во время этих двух гонок. Я испытал полноту жизни и радость от прекрасно выполненной работы.

МОЙЕРС: Не все пиковые переживания оказываются чисто физическими.

КЭМПБЕЛЛ: Конечно. Есть пиковые переживания иного рода. Но когда я думаю о них, мне на ум приходят именно физические переживания.

МОЙЕРС: А что вы скажете об эпифаниях Джеймса Джойса?

КЭМПБЕЛЛ: Это нечто другое. По мнению Джойса, эстетическое переживание – это такое переживание, которое не вызывает у вас желания обладать произведением искусства. Произведение живописи, вызывающее желание обладать изображенным объектом, он называет порнографией. Эстетическое переживание также не вызывает у вас желания критиковать объект или отвергать его. Подобное явление Джойс называет дидактическим искусством, или социальной критикой в искусстве. Эстетическое переживание – это просто созерцание произведения искусства. Джойс говорит, что вы помещаете его в раму и сначала воспринимаете его как единое целое, а потом начинаете осознавать связь отдельных фрагментов друг с другом, каждого фрагмента с целым и целого – с каждым фрагментом. Ритм, гармония связей – важнейший эстетический фактор, и когда художник находит его, вы испытываете его воздействие. Вы оказываетесь под воздействием переживаний художника, которые Джойс называет эстетическим арестом. Это и есть эпифания. С точки зрения религии это можно рассматривать как условие для «богоявления».

МОЙЕРС: Значит, вы созерцаете Бога?

КЭМПБЕЛЛ: Не имеет значения, кто это. Это может быть чудовище. Эстетическое переживание выходит за пределы этики и дидактики.

МОЙЕРС: А вот тут я вынужден не согласиться с вами. Мне кажется, что для того, чтобы переживать эпифанию, объект, который вы созерцаете, но которым не желаете обладать, должен быть в чем-то прекрасен. Минуту назад, говоря о своем пиковом переживании, вы употребили слово «прекрасно». «Прекрасный» – это слово из эстетики. Красота – это гармония.

КЭМПБЕЛЛ: Да.

МОЙЕРС: Тем не менее вы сказали, что красота присутствует в эпифаниях Джойса и что эпифании связаны с искусством и с эстетикой.

КЭМПБЕЛЛ: Да.

МОЙЕРС: Мне кажется, что если и изображение, и эпифания

прекрасны, то это одно и то же. Как можно лицезреть чудовище и испытывать эпифанию?

КЭМПБЕЛЛ: В искусстве существует не только прекрасное, но и величественное. То, что мы называем монстрами, может восприниматься как величественное. Силы, которые они олицетворяют, слишком грандиозны, чтобы нормальные формы жизни могли вместить их. Необъятное пространство космоса величественно. Буддисты знают, как достичь подобного эффекта: они строят свои храмы на высоких холмах. Например, в Японии некоторые сады при храмах спроектированы так, что сначала они кажутся вам изолированными от мира. Однако когда вы поднимаетесь выше, вы внезапно видите необъятный простор, и ваше сознание открывается навстречу восприятию этой величественной картины. Другой пример величественного – феноменальные энергия, сила и мощь. У меня есть знакомые, жившие в Центральной Европе во время массированных англо-американских бомбардировок их городов, и некоторые из них называли этот бесчеловечный опыт не только ужасным, но в известной степени и величественным.

МОЙЕРС: Однажды, интервьюируя одного ветерана Второй мировой войны, я спросил его, что он испытывал во время Арденнской операции в ту ужасную зиму, когда благодаря внезапности нападения немцы были близки к успеху. Я спросил: «Когда вы сегодня оглядываетесь назад, вы может сказать, что это было?» И он ответил: «Это было величественно».

КЭМПБЕЛЛ: Значит, монстр проявляет себя как некий бог.

МОЙЕРС: Под монстром вы понимаете…

КЭМПБЕЛЛ: Под монстром я понимаю присутствие или явление чего-то вселяющего ужас, взрывающего все ваши стандарты гармонии, порядка и этического поведения. Например, в момент конца света Вишну появляется в облике монстра. Он уничтожает Вселенную сначала огнем, а затем заливает ее потоками крови, которые тушат огонь и уничтожают все на своем пути. Остается один только пепел. От Вселенной со всеми населявшими ее формами жизни не остается ничего. Таков Бог в роли разрушителя. Подобный опыт выходит за границы этических или эстетических суждений. Этика уничтожена. В свою очередь, в наших религиях, с их акцентом на человека, есть также и акцент на этику; Бог – это добро. Нет, нет! Бог ужасен. Любой бог, который может изобрести ад, не годится в кандидаты для Армии Спасения. Вы только подумайте: конец света! Но есть мусульманская поговорка об Ангеле смерти: «Когда Ангел смерти приближается, он ужасен. Когда он настигает тебя, он блаженство».

В буддистских системах, особенно в тибетских, медитации являются в

двух ипостасях – в миролюбивой и зловещей. Если ты, цепляясь за свою бесценную жизнь, поглощен исключительно мыслями о своем «эго», о его печалях и радостях, тебе явится зловещая сторона Будды, и ты придешь в ужас. Но в тот момент, когда твое «эго» уступает и признает свое поражение, та же самая медитация Будды воспринимается как дарующая блаженство.

МОЙЕРС: Иисус упоминал о мече, но я не думаю, что он собирался использовать его против своих братьев. Он говорил о нем как о средстве открытия «эго»: «Я пришел освободить вас от цепей, сковывающих ваше собственное „Я“».

КЭМПБЕЛЛ: В санскрите есть такое понятие – *viveka*, что означает способность к различению, дающую человеку возможность отличить реальное от нереального, истинную радость от мимолетного удовольствия и т. д. Известно очень важное изображение Будды, держащего высоко над своей головой пылающий меч. Каково назначение этого меча? Этот меч предназначен для отделения сиюминутного от вечного, преходящего – от того, что выдержало испытание временем. Тиканье часов игнорирует вечность. Наша жизнь протекает в этом поле времени, но в нем отражается вечность.

МОЙЕРС: Переживание вечности.

КЭМПБЕЛЛ: Переживание того, кто вы есть.

МОЙЕРС: Да, но в чем бы ни была заключена вечность, она здесь и сейчас.

КЭМПБЕЛЛ: И нигде в другом месте. Или повсюду. Если вы и переживаете ее здесь и сейчас, вы не обретете ее на небе. Небо не вечно, оно предвечно.

МОЙЕРС: Этого я не понимаю.

КЭМПБЕЛЛ: Небо и ад описываются как вечные. Небо – бесконечное время. Оно не вечно. Вечность за пределами времени. Понятие времени исключает вечность. Именно на фоне глубокого переживания вечности приходят и уходят все вре́менные трудности и проблемы. Существует буддистский идеал добровольного и радостного участия в преходящих мировых печалях. Повсюду, где есть время, есть и печаль. Но это переживание печали уступает место чувству несокрушимости жизни, которая и есть наша собственная истинная жизнь.

МОЙЕРС: Существуют изображения Шивы, бога Шивы в окружении колец пламени.

КЭМПБЕЛЛ: Это отсвет божьего танца. Танец Шивы – это Вселенная. В его волосах – череп и новая Луна, смерть и возрождение в один и тот же

момент, в момент появления новой жизни. В одной руке Шива держит маленький барабан, отбивающий ритм: тик-тик-тик. Это барабан времени, ритм времени, мешающий познать вечность. Мы заперты во времени. Но в другой руке Шива держит факел, который сжигает покров времени и открывает наше сознание вечности. Шива – древнее божество, возможно, самое древнее в современном мире. Есть изображения маленьких печатей, относящиеся к 2000 или к 2500 году до н. э., фигурки на которых очень похожи на Шиву. На некоторых из них Шива – бог, олицетворяющий злые силы природы и наводящий ужас. Он архетипичный йог, разбивающий иллюзию жизни, но он также и создатель жизни, ее источник и просветитель.

МОЙЕРС: Мифы связаны с метафизикой. Но религия тоже имеет дело с этикой, с добром и злом, с тем, как я должен относиться к вам, как я должен вести себя по отношению к вам, к своей жене и к своему единоверцу. Какое место занимает этика в мифологии и какую роль она играет в ней?

КЭМПБЕЛЛ: Мы говорим о метафизическом опыте, из которого вы узнаёте, что вы и другой человек – одно целое. Этика – это способ научить вас жить так, будто вы и другой человек – одно целое. Вы необязательно должны иметь реальный опыт, потому что религиозная доктрина дает вам модели действий, подразумевающих сострадательное отношение к другим людям. Она стимулирует вас поступать именно так, когда говорит, что, действуя в собственных интересах, вы совершаете грех.

МОЙЕРС: Возлюби соседа своего, как самого себя, потому что твой сосед – это ты.

КЭМПБЕЛЛ: Именно это вы и постигаете, когда поступаете так.

МОЙЕРС: Как вы думаете, почему многие люди мечтают о вечной жизни?

КЭМПБЕЛЛ: Я этого не понимаю.

МОЙЕРС: Может быть, они просто боятся ада, и для них вечная жизнь – желанная альтернатива?

КЭМПБЕЛЛ: Один из постулатов христианской доктрины – Страшный суд, после которого праведники попадут на небо, а грешники – в ад. Эта тема восходит к Древнему Египту. Осирис – бог, который умер и после воскрешения стал судить мертвых. Прежде чем человек предстанет перед богом, его мумифицировали. Интересно то, что в Египте человек, идущий к богу, признает свою идентичность с ним. В христианской традиции это недопустимо. Если вы говорите, что альтернативой неба является ад, что ж, дайте мне небо навсегда. Но когда вы поймете, что небо – это созерцание

блаженного образа Бога, это будет момент, неподвластный времени. Время взрывается, так что опять вечность – это не то, что длится бесконечно. Вечность – это то, что есть здесь и сейчас, то, что вы переживаете в своих земных отношениях с другими людьми. Я потерял родителей и многих друзей. Но ко мне пришло осознание того, что я не терял их. Тот момент, когда они были рядом, бесконечен, и он до сих пор со мной. То, что он дал мне, тоже по-прежнему со мной, и в этом есть нечто вроде намека на бессмертие. Есть легенда, рассказывающая о встрече Будды с женщиной, переживающей тяжелое горе, – потерю сына. Будда сказал ей: «Предлагаю тебе найти кого-нибудь, кто не знает, что значит потерять бесценное дитя, – мужа, родственника или друга». Понять, что мы смертны, и связать эту мысль с чем-то в тебе, что выходит за ее пределы, – трудная задача.

МОЙЕРС: Мифы преисполнены жаждой бессмертия, не так ли?

КЭМПБЕЛЛ: Да. Но когда бессмертие понимается как бесконечная физическая жизнь, честное слово, оно превращается в балаган. С другой стороны, если бессмертие понимается как отождествление с тем, что есть вечного в твоей нынешней жизни, это уже нечто совсем другое.

МОЙЕРС: Вы как-то сказали, что нужно понимать разницу между «быть» и «становиться».

КЕМПБЕЛ: Да. «Становиться» – это всегда лишь часть, а «быть» – это целое.

МОЙЕРС: Что вы имеете в виду?

КЭМПБЕЛЛ: Скажем так: вам только предстоит стать полноценным человеком. Первые годы жизни вы ребенок, а ребенок – лишь «часть» человека. Проходит еще несколько лет, и вы становитесь подростком. Подросток – тоже лишь «часть» человека. Во взрослом состоянии вы тоже всего лишь «часть»: вы уже не ребенок, но еще и не старик. В Упанишадах есть изображение первичной, концентрированной энергии, создавшей мир в результате Большого взрыва и вверившей все фрагментации времени. Однако видеть через фрагменты времени всю мощь изначального существа – это функция искусства.

МОЙЕРС: Красота – это выражение восторга перед жизнью.

КЭМПБЕЛЛ: Каждый момент должен быть таким переживанием.

МОЙЕРС: По сравнению с этим переживанием неважно, кем мы станем завтра.

КЭМПБЕЛЛ: Это важный момент, Билл. Мы стараемся определенным образом провести нашу реальность по тому фрагментарному пути ее выражения, которым мы располагаем.

МОЙЕРС: Но если мы не можем описать Бога, если наш язык не

годится для этого, как же были созданы произведения искусства, отражающие мысли художников о Боге? Как же мы это сделали?

КЭМПБЕЛЛ: Именно это искусство и отражает: то, что художники думают о Боге, как люди переживают Его. Но конечная, абсолютная тайна находится за пределами человеческого опыта.

МОЙЕРС: Значит, что бы мы ни переживали, мы должны выражать это языком, не соответствующим ситуации.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Для этого и существует поэзия. Поэзия – это язык, в который нужно вникнуть. Поэзия предполагает точный выбор таких слов, скрытый смысл которых значительнее самих слов. Тогда вы ощущаете сияние, эпифанию. Эпифания – это зримое или слышимое проявление сущности.

МОЙЕРС: Значит, переживание Бога описать невозможно, но мы не можем удержаться и пытаемся это сделать?

КЭМПБЕЛЛ: Да. В своем блестящем эссе «О явном намерении в судьбе индивида»[62] Шопенгауэр пишет, что, когда человек достигает зрелого возраста и оглядывается назад, ему может показаться, что его жизнь прошла по плану, заранее составленному каким-то новеллистом. События, которые в тот момент, когда они происходили, казались случайными, вскоре воспринимались как неотъемлемая часть какого-то сюжета. Кто автор этого сюжета? Шопенгауэр полагает: точно так же, как ваши сны создаются аспектом вашего «Я», неведомым вашему сознанию, вся ваша жизнь создается волей, находящейся внутри вас. Точно так же, как люди, которых вы встретили совершенно случайно, становились главными фигурами в вашей жизни, вы сами, не зная того, играли важную роль в жизни других людей. И все это вместе превращается в одну грандиозную симфонию, в которой одно бессознательно структурирует другое. И Шопенгауэр делает следующий вывод: наши жизни подобны разным аспектам одной великой мечты одного-единственного мечтателя, в которой все ее персонажи тоже мечтают. В результате все взаимосвязано и приводится в движение одной волей к жизни – универсальной волей, присущей природе. Это блистательная идея – идея, которая появляется в Индии в мифическом изображении «Сети Индры», представляющей собой переплетение драгоценных камней, каждый из которых отражает в себе все остальные камни и, в свою очередь, сам отражается в других камнях. Все взаимосвязано, так что никого нельзя обвинять ни в чем. В то же самое время за всем этим стоит одно-единственное намерение, имеющее определенный смысл, хоть никто из нас не знает, ни каким этот смысл может быть, ни прожил ли он такую жизнь, какую намеревался прожить.

МОЙЕРС: Тем не менее мы все прожили жизнь, имевшую смысл? Вы в это верите?

КЭМПБЕЛЛ: Я не верю в то, что жизнь имеет смысл. Жизнь – это протоплазма, одержимая стремлением к размножению и продолжению существования.

МОЙЕРС: Неправда, неправда.

КЕМПБЕЛ: Минуточку. Даже про совершенную жизнь нельзя сказать, что у нее есть определенная цель. Достаточно посмотреть на разные цели, которые мы видим повсюду. Однако можно сказать, что каждая инкарнация имеет некий потенциал, и миссия жизни – реализовать его. Как этого достичь? Мой ответ: «Следуйте за своим счастьем». Внутри вас есть нечто такое, что знает, когда вы находитесь в центре, когда вы на правильном пути или сбились с него. И если вы сбились с пути, чтобы заработать денег, то потеряли свою жизнь. А если вы остались в центре, но не заработали никаких денег, вы тем не менее счастливы.

МОЙЕРС: Мне нравится идея, что важна не конечная цель, а путешествие.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Как сказал Карлфрид Дюркгейм, «когда вы путешествуете, а цель путешествия все отдаляется и отдаляется от вас, тогда вы понимаете, что путешествие и есть ваша настоящая цель». У индейского народа навахо есть чудесный образ того, что они называют «путь пыльцы». Пыльца – это источник жизни. Путь пыльцы – это путь к центру. Индеец навахо говорит: «О, передо мной красота, позади меня красота, справа от меня красота, слева от меня красота, надо мной красота, подо мной красота. Я на пути пыльцы».

МОЙЕРС: Эдема не было. Эдем будет.

КЭМПБЕЛЛ: Эдем есть. «Царство Божие есть на земле, и люди этого не видят».

МОЙЕРС: Рай *есть* в этом мире боли и страданий, смерти и жестокости?

КЭМПБЕЛЛ: Мы так воспринимаем мир, но это Эдем. Да. Когда вы видите рай на земле, старый способ существования в мире уничтожается. Это конец света. Конец света – это не событие, которое должно наступить, а событие психологической трансформации, визуальной трансформации. Вы видите не мир трехмерных фигур, а сияющий мир.

МОЙЕРС: «Слово является во плоти». Я трактую это впечатляющее и таинственное утверждение как вечный принцип обретения Слова в человеческом путешествии, в нашем опыте.

КЭМПБЕЛЛ: Вы можете найти Слово и в себе.

МОЙЕРС: Если ты не находишь Его в себе, где же ты найдешь Его?

КЭМПБЕЛЛ: Говорят, поэзия позволяет словам быть услышанными «за пределами» слов. Гёте сказал: «Весь мир – метафора». Все бренное – не что иное, как метафоры. Все мы – метафоры.

МОЙЕРС: Но как можно поклоняться метафоре, любить метафору, страстно желать метафоры?

КЭМПБЕЛЛ: Именно это люди и делают повсюду – страстно желают метафоры. Но когда вы на самом деле понимаете древний сакральный звук АУМ, вам не нужно ничего желать, потому что все здесь, вокруг вас. Просто сидите спокойно, смотрите, воспринимайте и познавайте то, что вас окружает. Это и есть пиковое переживание.

МОЙЕРС: Что такое АУМ?

КЭМПБЕЛЛ: «АУМ» – слово, которое мы воспринимаем на слух как звук, несущий заряд положительной энергии Вселенной. Сначала возникает гортанное «АА», затем рот заполняет звук «УУ», а на звуке «ММ» рот закрывается. Если все звуки произносятся правильно, они все хорошо слышны – АУМ. Назначение букв, обозначающих согласные звуки, – исключительно разделение гласных звуков. Все слова фрагменты АУМ точно так же, как все изображения, есть форма форм. АУМ – это символический звук, который связывает тебя со Вселенной, отвечающей тебе эхом. Если вы послушаете записи тибетских монахов, произносящих АУМ нараспев, вы прекрасно поймете смысл этого слова. Рождение, появление на свет, приближение смерти. АУМ называют «звуком, состоящим из четырех элементов». А-У-М. Где же четвертый элемент и что это такое? Молчание, из которого звук АУМ рождается, в которое возвращается и которое лежит в его основе. Это то, что мы называем бессмертным. Одно смертно, а другое бессмертно, и если бы не было бессмертного, не было бы и смертного. Человек должен видеть разницу между смертным и бессмертным аспектами своего собственного существования. Думая о своих покойных отце и матери, родивших меня, я пришел к пониманию того, что наши отношения были чем-то бóльшим, чем временный контакт. Разумеется, в наших отношениях были определенные моменты, когда до моего сознания доходила эмоциональная демонстрация их сути. Я прекрасно помню некоторые из них. Они выделяются как моменты эмпатии, откровения, сияния.

МОЙЕРС: Их смысл был понятен без слов.

КЭМПБЕЛЛ: Да. Слова – это всегда оценки и ограничения.

МОЙЕРС: Тем не менее, Джо, все, что нам, простым смертным, остается – это убогий язык, каким бы прекрасным он ни был, тщетно

пытающийся описать…

КЭМПБЕЛЛ: Да, это так. Именно поэтому пиковое переживание связано с преодолением этого на каждом шагу и с пониманием «Ох… ах».

---

notes

Сноски

1

Инопланетяне из сериала «Доктор Кто». – *Примеч. пер*.

2

Перевод Наталии Манн. – *Примеч. пер*.

3

Наркотическое вещество, получаемое из мескала, а также любой кактус, растущий в Мексике. – *Примеч. ред*.

4

Американская революция – политические события в британских колониях Северной Америки в 1775–1783 годах (по некоторым источникам – с 1765), закончившиеся образованием США. Они были вызваны нежеланием колоний подчиняться интересам метрополии и недовольством мерами, ограничивавшими их внутреннее развитие. – *Примеч. ред.*

5

Индейская территория – традиционное название неорганизованной территории США, предназначавшейся для заселения индейцами. Предполагалось, что белые поселенцы не будут нарушать границы данной территории. Границы индейской территории установил «Закон об отношениях с индейцами» 1834 года. После гражданской войны индейцы – союзники Конфедерации лишились своих земель в центральной части территории, в результате чего появились так называемые «Нераспределенные земли», ставшие впоследствии объектами начальной колонизации белыми поселенцами Индейской территории. В 1890 году был принят закон об учреждении в центральной и западной частях Индейской территории новой организованной территории Оклахома, оставив в составе Индейской территории только земли пяти цивилизованных племен. В 1907 году на месте Индейской территории и Территории Оклахома был образован штат Оклахома. – *Примеч. ред.*

6

Перевод Г. Кружкова. – *Примеч. пер*.

7

Деизм (от лат. *deus* – Бог) – религиозно-философское направление, признающее существование Бога и сотворение им мира, но отрицающее большинство сверхъестественных и мистических явлений, Божественное откровение и религиозный догматизм. Большинство деистов полагают, что Бог после сотворения мира не вмешивается в полагание событий; другие деисты считают, что Бог все же влияет на события, но не управляет ими полностью. – *Примеч. ред.*

8

Древнегреческая богиня земли. – *Примеч. ред*.

9

Теодор Хюбнер Ретке (англ. Theodore Huebner Roethke; 25 мая 1908 – 1 августа 1963) – американский поэт. – *Примеч. пер*.

10

В английском языке слово «dreamtime» имеет также мифологическое значение, относящееся к религиозным верованиям и мифологии австралийских аборигенов, и обозначает то время, когда земля приобрела существующую форму и когда были установлены формы жизни и цикличность явлений природы, т. е. время творения. – *Примеч. пер*.

11

Цитата, которую приводит Кэмпбелл в переводе Упанишад А. Я. Сыркина, звучит так «Вначале [все] это было лишь Атманом в виде пуруши. Он оглянулся вокруг и не увидел никого кроме себя. И прежде всего он произнес: „Я есмь“». – *Примеч. пер.*

12

Брихадараньяка Упанишада. / Пер. А. Я. Сыркина. М., 1992. – *Примеч. пер*.

13

Майстер Экхарт (нем. Meister Eckhart), то есть учитель Экхарт, известный также как Иоганн Экхарт (Johannes Eckhart) и Экхарт из Хоххайма, или Хоххаймский (ок. 1260; Хохгайм (Тюрингия) – ок. 1328; Авиньон) – средневековый немецкий теолог и философ, один из крупнейших христианских мистиков, учивший о присутствии Бога во всем существующем. – *Примеч. пер*.

14

«Он боялся. Поэтому [и поныне] тот, кто одинок, боится. И он подумал: „Ведь нет ничего кроме меня, – чего же я боюсь?“ И тогда боязнь его прошла, ибо чего ему было бояться? Поистине, [лишь] от второго приходит боязнь. Поистине, он не знал радости. Поэтому тот, кто одинок, не знает радости. Он захотел второго. Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга». (Брихадараньяка Упанишада / Пер. А. Я. Сыркина. М., 1992).

15

«Книга пути и достоинства» – основополагающий источник учения и один из выдающихся памятников китайской мысли, оказавший большое влияние на культуру Китая и всего мира. – *Примеч. пер*.

16

Также отсылает к изречению, предписываемому Сократу: «Я знаю, что ничего не знаю». – *Примеч. пер*.

17

Имеется в виду индийский гуру, реформатор индуизма, мистик, проповедник, живший в XIX веке. – *Примеч. пер*.

18

Вероятно, имеется в виду «Сотворение мира» – часть грандиозной фрески, написанной Микеланджело Буонарроти на потолке Сикстинской капеллы. – *Примеч. пер*.

19

Папирус с полным коптским переводом Евангелия от Фомы был обнаружен в 1945 году в библиотеке Наг-Хаммади. – *Примеч. пер.*

20

Пол Баньян (англ. Paul Bunyan) – вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора. Самое раннее напечатанное произведение о Баньяне, которое сейчас известно, создано Джеймсом Макгилливреем в 1910 (по другим сведениям, в 1906) году. – *Примеч. пер.*

21

Ведические мудрецы. – *Примеч. пер*.

22

«Ригведа» – собрание преимущественно религиозных гимнов, первый известный памятник индийской литературы на ведийском языке. – *Примеч. ред.*

23

The Way of the Animal Powers.

24

Место, где бизоны валялись в грязи, чтобы охладиться в жаркий день. – *Примеч. пер.*

25

Американский путешественник и живописец, специализировавшийся на портретах индейцев. – *Примеч. пер*.

26

Уничтожение бизонов в США – бесконтрольная массовая охота на бизонов с 1830-х годов в коммерческих целях, приведшая к угрозе исчезновения этого вида животного в Северной Америке. Индейцы традиционно охотились на бизонов только для удовлетворения своих жизненных потребностей: для пропитания, а также изготовления одежды, жилища, орудий и утвари, и выживание многих племен зависело от бизонов. В XIX веке некоторые индейские племена также занялись коммерческим промыслом бизонов, продавая шкуры американским торговцам. Тем не менее именно действия белых американских охотников и железнодорожных компаний США имели критические последствия для популяции бизонов. – *Примеч. пер.*

27

Pawnee Indian – также пауни. – *Примеч. ред.*

28

Конфирма́ция (лат. *confirmatio* – утверждение) – в латинском обряде католической церкви другое название таинства миропомазания, в ряде протестантских церквей – обряд сознательного исповедания веры. Обряд приема в церковную общину подростков, достигших определенного возраста. – *Примеч. пер*.

29

Бар-мицва́ (ивр. מ^וה בר, буквально – «сын заповеди»), бат-мицва́ (ивр. מצוה בת – «дочь заповеди») – термины, применяющиеся в иудаизме для описания достижения еврейским мальчиком или девочкой религиозного совершеннолетия. – *Примеч. пер.*

30

Джулия Чайлд (15.08.1912 – 13.08.2004) – американский шеф-повар французской кухни, соавтор книги «Осваивая искусство французской кухни», ведущая на американском телевидении. – *Примеч. пер*.

31

Ритуальный танец бушмена. – *Примеч. пер*.

32

Бесстрашный и неуязвимый древнескандинавский воин. – *Примеч. ред.*

33

Черный Лось (1863–1950) – потомственный шаман, прорицатель племени оглала-сиу. В начале XX века он познакомился со священником-иезуитом, принял крещение, стал путешествовать и проповедовать. Благодаря его речам около 400 коренных американцев стали христианами. – *Примеч. пер.*

34

Теночтитла́н– ацтекский альтепетль (город-государство), находившийся на месте современного города Мехико. – *Примеч. пер*.

35

Неф – один из главных элементов европейской храмовой архитектуры, часть храмового здания, предназначенная непосредственно для пребывания верующих. Трансе́пт – поперечный неф в базиликальных и крестообразных по плану храмах, пересекающий основной (продольный) неф под прямым углом. Окончания трансепта образуют апсиды, выступающие за пределы основной части здания. Апси́да – примыкающий к основному объему пониженный выступ здания, полукруглый, граненый, прямоугольный или усложненный в плане, перекрытый полукуполом или сомкнутым полусводом. Алтарная преграда – барьер, который отделял алтарь от остального храма. – *Примеч. ред.*

36

Изображения Марии с Младенцем Иисусом, которые почернели со временем либо в силу естественных причин, либо в результате дисбаланса в химическом составе красок. – *Примеч. пер*.

37

Во́льфрам фон Э́шенбах (нем. Wolfram von Eschenbach, около 1170 года, Эшенбах, – около 1220 года) – один из крупнейших эпических поэтов немецкого Средневековья. – *Примеч. ред*.

38

Череп традиционно называют Адамова Глава; по легенде, остатки Адама находились на Голгофе. – *Примеч. пер*.

39

В католической традиции эта фраза чаще всего переводится как «счастливая вина». В других переводах – «благословенное падение» или «счастливое падение». – *Примеч. ред.*

40

Абу́ Абдулла́х аль-Хусе́йн ибн Мансу́р аль-Халла́дж, известный как Мансу́р аль-Халла́дж (858 – 26 марта 922) – исламский богослов и мистик из южного Ирана (Фарс), представитель суфизма. Халладж публично провозгласил путь экстатического единения с Богом единственно истинным и не нуждающимся в дополнении к нему внешнего обрядового благочестия. За ересь заключен в багдадскую тюрьму, где провел 11 лет, и был казнен.

41

Ле́о Фробе́ниус (нем. Leo Frobenius; 29 июня 1873, Берлин, Германия, – 9 августа 1938, Биганцоло, близ озера Лаго-Маджоре, Италия) – немецкий этнограф-африканист, археолог, сторонник диффузионистской теории, автор теории «морфологии культуры». – *Примеч. ред*.

42

Ду́глас Фэ́рбенкс (23 мая 1883 – 12 декабря 1939) – американский актер, одна из крупнейших звезд эпохи немого кино. Основатель и первый президент Американской академии киноискусства. – *Примеч. пер*.

43

Даниэль Бун (22 октября (2 ноября) 1734 – 26 сентября 1820) – американский первопоселенец и охотник, чьи приключения сделали его одним из первых народных героев Соединенных Штатов Америки. – *Примеч. пер*.

44

Пи́ндар (Фивы, 522/518 до н. э. – Аргос, 448/438 до н. э.) – один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции. Был включен в канонический список Девяти лириков учеными эллинистической Александрии. Им особенно восхищался Гораций. – *Примеч. ред.*

45

Гилберт и Салливан – театральное сотрудничество Викторианской эпохи либреттиста Уильяма Гилберта (1836–1911) и композитора Артура Салливана (1842–1900). – *Примеч. пер*.

46

Га́рольд Пи́нтер (10 октября 1930, Лондон – 24 декабря 2008, Лондон) – английский драматург, поэт, режиссер, актер, общественный деятель. – *Примеч. пер*.

47

Генрих Роберт Циммер (20 марта 1943, Нью-Рошелл, штат Нью-Йорк) – немецкий индолог и историк южноазиатского искусства. – *Примеч. пер*.

48

Перевод М. Немцова. – *Примеч. пер*.

49

Хильдегарда Бингенская (16 сентября 1098, Бермерсхайм – 17 сентября 1179) – немецкая монахиня, настоятельница-аббатиса возведенного под ее руководством бенедиктинского монастыря Рупертсберг. – *Примеч. ред.*

50

Элеонора (Алиенора, Альенора) Аквитанская (ок. 1124 – 31 марта 1204, Фонтевро) – герцогиня Аквитании и Гаскони, графиня Пуатье, королева Франции в 1137–1152 годах, королева Англии в 1154–1189 годах, одна из богатейших и наиболее влиятельных женщин Европы Высокого Средневековья. Женщина удивительной красоты, характера и нравов, выделяющих ее не только в ряду женщин-правительниц своего времени, но и всей истории. – *Примеч. ред*.

51

Точная цитата: «…и когда Господь, Бог твой, предаст его в руки твои, порази в нем весь мужеский пол острием меча; только жен и детей и скот и все, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычею врагов твоих, которых предал тебе Господь, Бог твой». – *Примеч. пер*.

52

Имя «Исида» означает «трон», это ее головной убор. Как олицетворение трона, она была важным представителем власти фараона. Сам фараон рассматривался как ее дитя, восседающее на троне, который она ему предоставила. – *Примеч. ред*.

53

Бог солнца в древнеримской религии. – *Примеч. ред*.

54

Большой взрыв (англ. Big Bang) – общепринятая космологическая модель, описывающая раннее развитие Вселенной. – *Примеч. ред*.

55

Альбигойский крестовый поход, или Катарский крестовый поход (1209–1229 годы) – серия военных кампаний, инициированных Римской католической церковью, по искоренению ереси катаров в области Лангедок. – *Примеч. ред*.

56

Античное понятие, обозначающее любовь к ближнему. В греческой философии было введено различение понятий «агапе», выражавшего деятельную, одаряющую любовь, ориентированную на благо ближнего, и «эрос», представлявшего страстную любовь, ориентированную на удовлетворение. – *Примеч. ред*.

57

Перевод В. Чухно. – *Примеч. пер*.

58

Часть «Божественной комедии» – поэмы, написанной Данте Алигьери, величайший памятник итальянской и мировой культуры. – *Примеч. ред*.

59

Речь идет о следующих строках:

В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте сладостный рассказ;
Одни мы были, был беспечен каждый.
Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;
Но дальше повесть победила нас.
Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта,
Тот, с кем навек я скована терзаньем,
Поцеловал, дрожа, мои уста.
И книга стала нашим Галеотом!
Никто из нас не дочитал листа.

Перевод М. Лозинского. – Примеч. пер.

60

Парцифаль, также Персиваль, Парсифаль (фр. Perceval, нем. Parzival, англ. Percyvelle) – герой куртуазного эпоса. Миф о Парцифале образует одну из ветвей сказания о короле Артуре и его рыцарях, входит в цикл романов Круглого стола. – *Примеч. ред*.

61

Или Срединным государством. – *Примеч. ред*.

62

On an Apparent Intention in the Fate of the Individual. – Англ. вариант названия работы. – *Примеч. ред*.